

ВЕСТНИК
РГГУ

Политология
История
Международные
отношения

Academic Journal
RSUH / RGGU Bulletin

Political Science • History •
International Relations

6
2025

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

6
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal

There are 6 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political sciences:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history

5.6.2. World history

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research

5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

e-mail: panov.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал

Выходит 6 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: Адрес редакции: 125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Электронный адрес: panov.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnoostev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.S. Mirzekhanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- P. Ruggenthaler*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergeyev*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler*, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong*, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shteltzel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Iurganov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

- V.I. Zhuravleva*, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH
- N.A. Borisov*, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, RSUH
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, RSUH
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Руггенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- В.И. Журавлева*, доктор исторических наук, профессор, РГГУ
- Н.А. Борисов*, доктор политических наук, доцент, РГГУ
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, РГГУ
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения: история, историография, методология

<i>Ольга В. Павленко</i>	
Междисциплинарная методология в исторических исследованиях: потребности и опыт применения	12
<i>Кирилл Ю. Решетников</i>	
Государство-цивилизация и страны фронта: методология геополитического прогнозирования на примере Восточной Европы	22
<i>Олег В. Рябов</i>	
Спортивный дискурс в политике советской идентичности периода холодной войны	34
<i>Игорь М. Тарбеев</i>	
Роль ядерной угрозы в конструировании образа США на советском телеэкране в первой половине 1980-х гг.	52

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

<i>Александр В. Малов</i>	
MERCOSUR as a political project: the features of integration and the prospects for evolution [МЕРКОСУР как политический проект: особенности интеграции и перспективы эволюции]	68
<i>Омар М. Нессар</i>	
Афгано-иранские отношения при талибской власти	84
<i>Денис Д. Макаров</i>	
Космическая политика США при администрациях Барак Обама и Дональда Трампа: сравнительный анализ	105
<i>Артем С. Ломакин</i>	
Сотрудничество ФРГ со странами Скандинавии в Балтийском море в условиях эскалации кризиса европейской безопасности	119

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

<i>Екатерина В. Кудряшова, Анна В. Шашкова</i>	
Финансовая грамотность как инструмент формирования общего экономического пространства СНГ	143

<i>Светлана С. Рожнева, Дмитрий А. Хохлов</i> Дистанционное электронное голосование в арктических и субарктических регионах России на выборах Президента Российской Федерации в 2024 г.	152
---	-----

<i>Альбина Р. Сайфатова</i> Политический маркетинг в условиях новых вызовов	168
--	-----

<i>Михаил Н. Грачев, Сергей В. Лебедев</i> Объединяющий и разобщающий потенциал идеологических доктрин в системах межгосударственных отношений	183
--	-----

<i>Григорий В. Петушков</i> Дискуссии о вкладе СССР в победу над нацизмом на площадке молодежных структур Совета Европы	201
---	-----

Книжная полка

<i>Ольга В. Путина</i> Профилактика экстремизма в молодежной среде: обзор научных дискуссий 2020–2025 гг.	211
--	-----

<i>Владимир А. Голиней</i> Особенности трансформации современной системы международных отношений. Рецензия на книгу: <i>Гринин А.Л.</i> Борьба за новый мировой порядок: История. Современность. Будущее. М.: Учитель, 2025. 464 с.	226
--	-----

<i>Екатерина Р. Власова</i> Афганистан – плацдарм мирового противостояния. Рецензия на книгу: <i>Христофоров В.С.</i> Военные кампании СССР и США в Афганистане: Сравнительный анализ. М.: РГГУ, 2025. 270 с.	235
--	-----

CONTENTS

International Relations: History, Historiography and Methodology

Olga V. Pavlenko

- Interdisciplinary methodology in historical research.
Needs and experience of application 12

Kirill Yu. Reshetnikov

- The civilization-state and frontier nations. A methodology
for geopolitical forecasting in Eastern Europe 22

Oleg V. Riabov

- Sport discourse in the Cold War policy of Soviet identity 34

Igor M. Tarbeev

- The role of the nuclear threat in constructing the image
of the United States on Soviet television in the first half of the 1980s 52

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

Aleksandr V. Malov

- MERCOSUR as a political project: the features of integration
and the prospects for evolution 68

Omar M. Nessar

- Afghan-Iranian relations under the Taliban rule 84

Denis D. Makarov

- US Space Policy of Obama's and Trump's administrations:
a comparative analysis 105

Artem S. Lomakin

- German cooperation with the Scandinavian countries
in the Baltic Sea amid the escalation of the European security crisis 119

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

Ekaterina V. Kudryashova, Anna V. Shashkova

- Financial literacy as an instrument for CIS common economic
space development 143

<i>Svetlana S. Rozhneva, Dmitrii A. Khokhlov</i> Remote e-voting in Russia's Arctic and subarctic regions during the 2024 Presidential elections in the Russian Federation	152
--	-----

<i>Albina R. Sayfatova</i> Political marketing in the face of new challenges	168
---	-----

<i>Mikhail N. Grachev, Sergei V. Lebedev</i> The unifying and divisive potential of the ideological doctrines in the interstate relations systems	183
---	-----

<i>Grigorii V. Petushkov</i> Debates on the USSR's contribution to the victory over Nazism at the youth structures of the Council of Europe	201
---	-----

Bookshelf

<i>Olga V. Putina</i> Prevention of religious and ethnic extremism among young people: a review of the scientific discussions in 2020–2025	211
--	-----

<i>Vladimir A. Goliney</i> Peculiarities of the international relations system transformation. [Book review]: Grinin A.L. Bor'ba za novyi mirovoi poryadok: Istoriya. Sovremennost'. Budushchee [The struggle for new world order. History. Modernity. Future]. Moscow: Uchitel, 2025. 464 p.	226
--	-----

<i>Ekaterina R. Vlasova</i> Afghanistan – a foothold for global confrontation. Review of book: <i>Khristoforov V.S. Voennye kampanii SSSR i SShA v Afganistane:</i> <i>Sravnitel'nyi analiz</i> [Military campaigns of the USSR and the USA in Afghanistan. A comparative analysis]. Moscow: RGGU, 2025. 270 p.	235
--	-----

Международные отношения: история, историография, методология

УДК 930

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-12-21

Междисциплинарная методология в исторических исследованиях: потребности и опыт применения

Ольга В. Павленко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, pavlenko@rggu.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния исторической науки и акцентирует внимание на трансформации исследовательских подходов в российской и зарубежной историографии, расширении спектра используемых при проведении исследований методологий. В центре внимания статьи – значение комплексного подхода для современных исторических исследований, особенно затрагивающих сферу международных отношений. Комплексный подход позволяет наиболее подробно рассмотреть вопросы внешней и внутренней политики государства, макро- и микроистории, формирования коллективных идентичностей.

Ключевые слова: конструктивизм, структурализм, коллективная идентичность, исторические исследования, «великие дебаты», комплексный подход

Для цитирования: Павленко О.В. Междисциплинарная методология в исторических исследованиях: потребности и опыт применения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 12–21. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-12-21

Interdisciplinary methodology in historical research. Needs and experience of application

Olga V. Pavlenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
pavlenko@rggu.ru*

Abstract. The article analyzes the current state of historical scholarship and focuses on the transformation of research approaches in Russian and in-

© Павленко О.В., 2025

ternational historiography and the expanding range of methodologies used in research. It focuses on the importance of an integrated approach to modern historical research, particularly in the area of international relations. An integrated approach allows for a more comprehensive examination of the issues of foreign and domestic state policy, macro- and micro-history, and the formation of collective identities.

Keywords: constructivism, structuralism, collective identity, historical research, “great debates”, integrated approach

For citation: Pavlenko, O.V. (2025), “Interdisciplinary methodology in historical research. Needs and experience of application”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 12–21, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-12-21

Историческая наука сегодня все больше вызывает расхожую ассоциацию «плавильного котла», в котором формируется новое знание и понимание прошлого, более объемное и многомерное, чем создавали прежние научные школы.

Сдвиги происходят и в истории международных отношений, хотя российские исследования в большинстве своем отличаются приверженностью к традиционному стилю событийного описания, пристрастием к архивным документам, эмпирической точностью и детализацией. В то же время направления, которые ярко заявили о себе в 1980-е гг. в западной историографии, за последние десятилетия утвердились и в отечественных исследованиях. Социальная история, лингвистический поворот, синергетический и конструктивистский подходы с разной степенью успешности дали свои плоды на российской почве. Можно выделить несколько направлений, которые в современной российской историографии весьма успешно могут применяться в комплексных исследованиях по истории международных отношений.

Конструктивизм в истории международных отношений

Третья волна «великих дебатов» в западной историографии международных отношений подняла на пик интереса дискуссии о междисциплинарной парадигме исследования, более глубоком постижении взаимосвязей между объектами и предметами. В истории международных отношений все больше позиций отвоевывает направление, которое в англо-саксонской традиции называется «со-

циальный конструктивизм» или просто «конструктивизм» (в немецких и французских исследованиях) [Павленко 2015а, с. 53–67]. Конструктивисты выдвинули на первый план онтологическое понимание «международного мира» как социальной структуры, где все игроки действуют в соответствии с теми коллективными представлениями о себе и своих действиях во внешнем мире, которые сложились в их сообществах. Обоснованная одним из лидеров этого направления Александром Вендтом теория «актор – структура» акцентировала внимание на социальной мотивации поведения и интересов международных игроков [Onuf 1998, pp. 58–78; Spindler, Schieder 2003, pp. 7–10; Ulbert 2003, pp. 391–420; Wendt 1992, p. 394]¹.

Во французской школе международных исследований конструктивистский поворот был сразу органично воспринят [Soutou 2000, S. 42]. В американской историографии методы исследования международной реальности сначала сопровождались жаркими спорами со сторонниками «архивного» взгляда на историю международных отношений. Но уже в 1990-е гг. конструктивисты активно стали изучать роль классов, идеологии, политической культуры в их взаимосвязанности с внешней политикой [Hunt 2000, SS. 78–82].

Наибольшее распространение получила концепция трансформации мирового порядка, согласно которой исторические формы международных систем всегда обладали достаточным потенциалом устойчивости. Но крупные игроки (прежде всего великие державы), продвигая свои интересы, неизбежно входили в противоречия друг с другом, начинали ревизию и подрывали основы мирового порядка.

Все системы международных отношений создавали определенный набор ограничителей для сдерживания амбиций наиболее сильных игроков. Но никогда не существовало жестких правовых норм контроля над их действиями, поскольку это не соответствовало интересам ни одной великой державы. Возможности обходить ограничители всегда использовали великие, региональные и даже малые державы, используя негласные правила игры в диплома-

¹ Само понятие «конструктивизм» стало использоваться только со второй половины 1990-х гг. и было введено Николасом Онуфом (1989). В его определении конструктивизм формирует межсубъектное качество социального мира, раскрывает взаимосвязи между акторами и структурами, ставя во главу угла изучение «интересов» и «идентичностей», континуитета правил и норм, регулирующих систему ценностей в каждом изучаемом сообществе.

тических коллизиях. Ключ к разгадке политического поведения игроков в мировой политике, по мнению конструктивистов, следует искать в социальной природе их интересов и идентичности [Wendt 1992, p. 394]. Такой подход позволяет высветить в новом свете роль насилия во внешней политике и ролевые функции таких понятий, как «друг», «враг», «соперник», «союзник» [Wendt 1987, pp. 335–370; Adler 2002, pp. 95–118; Checkel 1999, pp. 84–114].

Согласно конструктивистскому подходу, коллективная идентичность реализуется на микроуровне – «государство в себе» и «для себя», а также на макроуровне – миссия государства в мире. Если первый подразумевает общественно-государственные проекты, то второй – сложную систему внешних взаимодействий. Процесс восприятия «Других» чрезвычайно важен, потому что только при контактах с другими сообществами рождается понимание собственной уникальности и значимости. Исторический опыт взаимодействия с «Другими», смены фаз гуманитарных притяжений и отторжений в международных отношениях, слепки памяти о триумфах и поражениях, дружбе и предательстве – все эти контактные процессы во внешнем мире тысячами невидимых нитей связаны с глубинным пониманием собственного «Я» в масштабе национально-государственного социума.

Замечу, что конструктивистский подход не альтернативен позитивистскому отношению к источникам или реалистичному подходу к истории международных отношений. Просто он открывает больше возможностей для всестороннего изучения механизмов внешней политики, глубинных социокультурных кодов политического поведения различных игроков на международной арене. В этом ракурсе международная система предстает как совокупность социальных общностей, каждая из которых обладает собственной ценностной структурой и исторической индивидуальностью.

Комплексный подход к историческим явлениям

Необходимость новой междисциплинарной методологии остро ощущается не только в области интеллектуальной истории или международных исследований. Историк Б.Н. Миронов критически оценивает тенденцию к фрагментации и микроисследованиям в отечественной историографии и призывает к выработке комплексного подхода на основе междисциплинарного синтеза – «новой социальной истории» [Миронов 2014, с. 27]. Трудно согласиться с принижением значения микроисторических исследований. Без них невозможно понять во всей спонтанности и противоречивости

жизнь обычных людей с ее рутиной, эмоциями, восприятиями, формальными и неформальными ритуалами повседневности. Но важнее другое – поставлен вопрос о комплексной методологии как инструменте познания прошлого.

Действительно, историческая перспектива позволяет преодолеть наивное представление о том, что любое изменение есть новация в повседневном масштабе. Как соотнести современность и воображаемую реальность прошлого? Ведь настоящее приобретает особый смысл и значимость только при сопоставлении с прошлым. Современность создает свою историческую хронометрию и интерпретацию эпох. Русский философ И.А. Ильин писал о зависимости между «реальным» и «историческим временем», которое измеряется циклами политических обновлений. Отдельный интерес вызывает качество повторяемости.

Структуралистский подход с его причинно-следственными объяснениями позволяет выявить типологии в историческом развитии. Но описательные нарративы раскрывают лишь линейную последовательность событий: предпосылки – причины – ход действия – последствия. Для нас особый интерес представляют те масштабные исследования, авторы которых смогли применить комплексный подход, перешагнуть через барьеры жесткой хронометрии и по-новому осмыслить межсубъектное качество социального мира в «долгом XIX веке».

Фундаментальное исследование немецкого историка Юргена Остерхаммеля «Трансформация мира. История XIX века» стало настоящим прорывом в мировой историографии [Osterhammel 2009]². Он признает, что написал свой труд в полемике с книгой Кристофера Бейли «Рождение современного мира, 1780–1914 гг.: глобальные связи» [Bayly 2004]. Оба автора по-своему видят истоки глобализации и «вечные темы» XIX в. – колониализм, империализм, рождение наций модерна, геополитику империй.

По сути, книга Ю. Остерхаммеля – это контролируемая игра ассоциаций и аналогий на основе междисциплинарного синтеза. Но если К. Бейли интересовали прежде всего вопросы национализма и религии, то Ю. Остерхаммель создал масштабную панораму миграций, экономических циклов, трансформации пространств, империй, регионов. «Долгий XIX век» понимается в философско-историческом смысле, как многоуровневая социальная структура. Читатели погружаются в потоки времени, жизнь людей, обществ, национальных государств, империй, где локальные

² Первые пять изданий книга выдержала в 2009–2010 гг. Новое переработанное издание вышло в свет в 2011 г.

традиции постепенно и неотвратно вытеснялись нормативной универсализацией.

Во главу угла поставлено сравнительное изучение «интересов» и «идентичностей», континуитета правил и норм, регулирующих систему ценностей в каждом изучаемом сообществе на уровне как региональных, так и глобальных коммуникаций. Критически оценивая стремление структуралистов везде находить «коды целостности», Остерхаммель выделяя непрерывные линии наиболее значимых процессов, пронизывающие XIX в. Для него важно описать изменения в их стихийном развитии, своеобразии – «изначальной неинтегрированности». Такой подход позволил сформировать новый взгляд на международный мир и повседневность XIX в.

Все знают, что это был век Европы. Соответственно, Ю. Остерхаммель пытался создать «наиболее европоцентричный» портрет эпохи, открывающий широкие возможности для сравнительных исследований в истории международных отношений [Osterhammel 2009, p. 16]. Особый интерес представляет VIII глава, где он сопоставляет империи и национальные государства, посвящая разделы не только дипломатии великих держав и империалистической экспансии, но и повседневности (тому, как жилось в империях). Эта глава логично связана со следующей – «Система великих держав, войны, интернационализмы», – в которой характеризуются пути развития мирового порядка. Выделены темы: роль войн и «мирная Европа»; отсутствие мира в Азии и Африке; внешнеполитические инструменты и «интеркультурное искусство»; интернационализмы и нормативная универсализация в имперских государствах.

Такой же масштаб видения XIX в. задан и в пятом томе российского издания «Всемирной истории» [Павленко 2015b, с. 257–262]. В первом разделе показаны те коренные изменения на протяжении всего XIX в. в организации экономики, государства, общества и политики, которые привели в движение гигантские массы капитала, товаров, услуг, миграционных потоков, вызвали демографический взрыв. Но приоритет был отдан темам о человеке. Ведь все глобальные преобразования влекли серьезные изменения в структурах повседневности. Авторы ставят важные вопросы. Как изменялось качество и стиль жизни людей в бурных потоках индустриализации? Как преобразилась роль женщин в обществе? Как политика, благодаря газетам, перестала быть привилегией аристократических гостиных и правительственных кабинетов, превратилась в массово растиражированное явление?

Настоящей удачей, на мой взгляд, можно считать раздел книги «Мир-система XIX века: империи и нации», где А.И. Миллер поставил методологический вопрос о «национализме имперских

наций» и необходимости преодоления в историографии противопоставления наций-государств империям [Миллер 2014, с. 246–263]. В страноведческих разделах этого фундаментального коллективного труда было показано, как имперские проекты взаимно дополняли и развивали локальные интересы национальных сообществ.

Третий раздел «Межгосударственные и международные отношения в XIX – начале XX века» воссоздает масштабную картину дипломатических отношений. Три главы, в соответствии с установившейся хронологией, последовательно описывают военно-дипломатическую историю и интересы держав от наполеоновских войн до революций 1848–1849 гг.; от Крымской войны до войны 1870–1871 гг. и провозглашения Германской империи; от наступления эпохи «реальной политики» до Первой мировой войны. В них подробно излагаются основные изменения, которые происходили в системе европейского равновесия, когда принцип монархической солидарности стал постепенно вытесняться «политикой интересов», соображениями прямой и ощутимой выгоды. Как подчеркивает автор раздела А.В. Ревякин, хотя «соотношение в силах основных держав изменилось, но их общий баланс, заметно поколебленный революциями и войнами 1848–1871 гг., несмотря ни на что, сохранялся». В то же время «грубая военная сила по-прежнему играла большую роль, чем право» [Ревякин 2014, с. 813–824]. Одновременно развивалась «политическая культура компромиссов». В целом этот раздел развивает лучшие традиции дипломатической истории в отечественной историографии, заложенные еще известным изданием «История дипломатии».

Вышеперечисленные российские и зарубежные издания заложили новый комплексный подход к осмыслению процессов и явлений «долгого XIX века». Историческая реальность анализируется в изменчивых пространственных и временных параметрах, во всей сложности и многомерности социальных систем. Сквозь призму этого подхода границы между внутренней и внешней политикой государств стираются. Высвечивается тесная взаимозависимость интересов элит и моделей коллективной идентичности, проектов укрепления власти с внешнеполитическими и экономическими стратегиями.

Литература

Миллер 2014 – Миллер А.И. Империя и нация в «долгом XIX веке» // Всемирная история: В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов. С. 246–263.

- Миронов 2014 – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланов, 2014. 896 с.
- Павленко 2015a – *Павленко О.В.* Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2015. № 6 (149). С. 53–67.
- Павленко 2015b – *Павленко О.В.* [Рец.:] Всемирная история: В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов. 939 с. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 4 (81). С. 257–262.
- Ревякин 2014 – *Ревякин А.В.* Мировая политика последней трети XIX – начала XX в. // Всемирная история: В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов. С. 813–824.
- Adler 2002 – *Adler E.* Constructivism and international relations // Handbook of international relations / ed. by W. Carlsnaes, et al. L.: SAGE Publications, 2002. P. 95–118.
- Bayly 2004 – *Bayly C.A.* The birth of the modern world, 1780–1914: global connections and comparison. Oxford: Blackwell Publishers, 2004. 540 p. (Blackwell History of the World)
- Checkel 1999 – *Checkel J.T.* Norms, institutions, and national identity in contemporary Europe // International Studies Quarterly. 1999. Vol. 43. No. 1. P. 84–114.
- Hunt 2000 – *Hunt M.H.* Die lange Krise der amerikanischen Diplomatiegeschichte und ihr Ende // Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten / Hg. W. Loth, J. Osterhammel. München: Oldenbourg, 2000. S. 61–92.
- Onuf 1998 – *Onuf N.* Constructivism: a user's manual // International relations in a constructed world / ed. by V. Kubáľková et al. N.Y.: M.E. Sharpe, 1998. P. 58–78.
- Osterhammel 2009 – *Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt: eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: Beck, 2009. 1568 S.
- Soutou 2000 – *Soutou G.-H.* Die französische Schule der Geschichte internationaler Beziehungen // Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten / Hg. W. Loth, J. Osterhammel. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2000. S. 31–44.
- Spindler, Schieder 2003 – *Spindler M., Schieder S.* Theorie(n) in der Lehre von den internationalen Beziehungen // Theorien der internationalen Beziehungen / Hg. S. Schieder, M. Spindler. Opladen: Leske und Budrich, 2003. S. 7–34.
- Ulbert 2003 – *Ulbert C.* Sozialkonstruktivismus // Theorien der internationalen Beziehungen / Hg. S. Schieder, M. Spindler. Opladen: Leske und Budrich, 2003. S. 391–420.
- Wendt 1987 – *Wendt A.* The agent-structure problem in international relations theory // International Organization. 1987. Vol. 41. No. 3. P. 335–370.
- Wendt 1992 – *Wendt A.* Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 2. P. 391–425.

References

- Adler, E. (2002), "Constructivism and international relations", in Carlsnaes, W., ed, *Handbook of international relations*, SAGE Publications, London, UK, pp. 95–118.
- Bayly, C.A. (2004), *The birth of the modern world, 1780–1914: global connections and comparison*, Blackwell Publishers, Oxford, UK. (*Blackwell History of the World*)
- Checkel, J.T. (1999), "Norms, institutions, and national identity in contemporary Europe", *International Studies Quarterly*, vol. 43, no. 1, pp. 84–114.
- Hunt, M.H. (2000), "Die lange Krise der amerikanischen Diplomatiegeschichte und ihr Ende", in Loth, W. and Osterhammel, J., eds., *Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten*, Oldenbourg, München, Germany, pp. 61–92.
- Miller, A.I. (2014), "Empire and nation in the 'Long 19th century'", in Chubar'yan, A.O., ed., *Vsemirnaya istoriya* [World history], vol. 5, Nauka, Moscow, Russia, pp. 246–263.
- Mironov, B.N. (2014), *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: from tradition to modernity], vol. 1, Dmitrii Bulanov, Saint Petersburg, Russia.
- Onuf, N. (1998), "Constructivism: a user's manual", in Kubáľková, V., ed., *International relations in a constructed world*, M.E. Sharpe, New York, USA, pp. 58–78.
- Osterhammel, J. (2009), *Die Verwandlung der Welt: eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*, Beck, München, Germany.
- Pavlenko, O.V. (2015), "Constructivist approach to the international relations study: possibilities and limits", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, vol. 149, no. 6, pp. 53–67.
- Pavlenko, O.V. (2015), "[Review:] World history. In 6 vols. Vol. 5: The world in the 19th century: On the path to industrial civilization. Moscow: Nauks, 2014. 939 p. ", *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, vol. 81, no. 4, pp. 257–262.
- Revyakin, A.V. (2014), "World politics in the last third of the 19th – early 20th century", in Chubar'yan, A.O., ed., *Vsemirnaya istoriya* [World history], vol. 5, Nauka, Moscow, Russia, pp. 811–844.
- Soutou, G.-H. (2000), "Die französische Schule der Geschichte internationaler Beziehungen", in Loth, W. and Osterhammel, J., eds., *Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten*, Oldenbourg Wissenschaftsverlag, München, Germany, pp. 31–44.
- Spindler, M. and Schieder, S. (2003), "Theorie(n) in der Lehre von den internationalen Beziehungen", in Spindler, M. and Schieder, S., eds., *Theorien der internationalen Beziehungen*, Leske und Budrich, Opladen, Germany, pp. 7–34.
- Ulbert, C. (2003), "Sozialkonstruktivismus", in Spindler, M. and Schieder, S., eds., *Theorien der internationalen Beziehungen*, Leske und Budrich, Opladen, Germany, pp. 391–420.
- Wendt, A. (1987), "The agent-structure-problem in international relations theory", *International Organization*, vol. 41, no. 3, pp. 335–370.
- Wendt, A. (1992), "Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics", *International Organization*, vol. 46, no. 2, pp. 391–425.

Информация об авторе

Ольга В. Павленко, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; pavlenko@rggu.ru

Information about the author

Olga V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; pavlenko@rggu.ru

Государство-цивилизация и страны фронта: методология геополитического прогнозирования на примере Восточной Европы

Кирилл Ю. Решетников

Военный университет имени князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации,

Москва, Россия;

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия, cyrilreshe@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена методологическим аспектам исследования геополитических трансформаций в Восточной Европе. Рассматривается интеграция подходов классической и критической геополитики с инструментами дискурс-анализа и цивилизационной теории, позволяющая изучать регион как многомерное пространство, где стратегические интересы переплетаются с цивилизационной идентичностью и ценностными противоречиями. Особое внимание уделяется концепции «третьего традиционализма» как потенциальной основе для массовой политической программы. На примере монографии А.Л. Бовдунова «Великая Восточная Европа» анализируются возможности применения комплексного методологического подхода для понимания динамики взаимодействия между Россией как государством-цивилизацией и странами Восточной Европы в условиях формирования многополярного мира.

Ключевые слова: Восточная Европа, цивилизационный подход, третий традиционализм, критическая геополитика, дискурс-анализ, государство-цивилизация, многополярный мир, ценностные противоречия

Для цитирования: Решетников К.Ю. Государство-цивилизация и страны фронта: методология геополитического прогнозирования на примере Восточной Европы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 22–33. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-22-33

The civilization-state and frontier nations: A methodology for geopolitical forecasting in Eastern Europe

Kirill Yu. Reshetnikov

*Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation, Moscow, Russia;*

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
cyrilreshe@yandex.ru*

Abstract. This article is devoted to the methodological aspects of researching geopolitical transformations in Eastern Europe. It examines the integration of classical and critical geopolitics with the tools of discourse analysis and civilizational theory. This integrated approach allows for the study of the region as a multidimensional space where strategic interests intertwine with civilizational identity and value-based contradictions. Particular attention is paid to the concept of the “Third Traditionalism” as a potential foundation for a mass political program. Using the monograph by Alexandr Bovdunov, “Great Eastern Europe”, as a case study, the article analyzes the potential of this comprehensive methodological framework for understanding the dynamics of interaction between Russia as a civilization-state and the countries of Eastern Europe in the context of an emerging multipolar world.

Keywords: Eastern Europe, civilizational approach, Third Traditionalism, critical geopolitics, discourse analysis, civilization-state, multipolar world, value-based contradictions

For citation: Reshetnikov, K.Yu. (2025), “The civilization-state and frontier nations: A methodology for geopolitical forecasting in Eastern Europe”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 22–33, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-22-33

Введение

Современные геополитические трансформации в Восточной Европе требуют комплексного методологического осмысления, выходящего за рамки традиционного политического анализа. Интеграция подходов классической и критической геополитики с инструментами дискурс-анализа и цивилизационной теорией, как видится, позволят рассматривать регион как многомерное пространство. Именно такой многоуровневый подход демонстрирует в своем исследовании книга А.Л. Бовдунова «Великая Восточная Европа: Геополитика. Геософия. Третий традиционализм», посвя-

щенная геополитической судьбе и возможному цивилизационному будущему восточноевропейского региона, а также его философскому и этносоциологическому измерению. Использование геополитической методологии и структуралистских наработок в области изучения дискурса власти сочетается в книге с исследованием локального социокультурного ландшафта.

*Восточная Европа
как геополитический «буфер»:
концептуальные основания
и современные противоречия*

Отталкиваясь от известной идеи Х. Макиндера о ключевом значении восточноевропейской зоны для контроля над континентальным массивом восточного полушария и далее надо всем миром¹, автор анализирует образ и концепт Восточной Европы наряду со смежными стратегически нагруженными понятиями, а также собственно геополитическую роль данного ареала, находящегося сегодня в орбите западного влияния. В контексте раскрытия этих тем А.Л. Бовдунов обращается к целому ряду глубинных аспектов, связанных с восточноевропейской геополитической мыслью и духовной жизнью восточноевропейских обществ. Демонстрируя широкую панораму традиций, ценностей и концептуальных противоречий, автор позволяет читателю увидеть культурную и идейную неоднородность рассматриваемой части европейского континента. Именно ввиду этой неоднородности в пределах восточноевропейского пространства становится возможным противоборство разнонаправленных политических векторов, включая почвеннический и преобладающий сегодня атлантистско-западнический. С другой стороны, связь с историческими корнями, сохраняющаяся вопреки внешним и отчасти внутренним обстоятельствам, выглядит принципиально важной. Благодаря определенным общественным тенденциям, текстам и интеллектуально значимым фигурам славянский и, шире, восточноевропейский логос остается различным и узнаваемым как на уровне социологических данных, так и при ретроспективном подходе, принимающем во внимание события и феномены не только последних десятилетий, но и более раннего (иногда не столь давнего) времени. В целом при учете всей палитры фактов

¹ Mackinder H.J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23, no. 4. P. 421–437.

можно сделать вывод, что ценностная и религиозная основа, по-прежнему дающая о себе знать в разных частях региона, довольно плохо совместима с его нынешней геополитической функцией как подчиненного партнера и стратегического инструмента атлантических структур.

Справедливой окажется констатация нынешней атлантической позиции политических элит восточноевропейских стран, позволяющая Западу действовать в соответствии с уже давно сложившимся взглядом на Восточную Европу как на «буферную зону», т. е. как на территорию, которая дает возможность искусственно разобщать Россию с континентальными западноевропейскими державами, прежде всего с Германией [Бовдунов 2022, с. 11]. Восточноевропейские правительства последовательно способствуют реализации этого принципа, определяющего западную геополитику на протяжении десятилетий. Необходимо, однако, отметить и другую тенденцию: растут евроскептицизм, разочарование в либеральной демократии и западных ценностях, сохраняются глубокие экономические, политические и культурные различия с США и Западной Европой, партии консервативного и национал-популистского толка добиваются успеха, некоторые из них требуют отказа от ориентации на США [Бовдунов 2022, с. 12–13]. Таким образом, внутри региона существует потенциал для изменения его сегодняшней роли. В свете этой неоднозначной ситуации необходим поиск альтернативных моделей развития Восточной Европы, в связи с чем важно изучить как различные геополитические концепции восточноевропейских авторов, затрагивающих вопрос о возможном месте региона в многополярном мире, так и ориентированные на Восточную Европу атлантические проекты, направленные против многополярности. Все это может способствовать выработке такой геополитической модели, которая была бы приемлема для России, одновременно соответствуя и интересам восточноевропейцев [Бовдунов 2022, с. 13]. Помимо классической и отчасти «критической» геополитики (Д. Слоан, Дж. Эгнью, Дж. О’Туайл, А.Г. Дугин) и наряду с теорией ориентализма Э. Саида в качестве методологической основы такого исследования следует рассматривать концепции виднейших политологов и теоретиков культуры (А. Тойнби, Н.Я. Данилевского, Н.С. Трубецкого, С. Хантингтона, А.С. Панарина и др.), а также идеи М. Фуко, касающиеся дискурсивного компонента власти [Бовдунов 2022, с. 14–16].

Геополитический образ Восточной Европы и его историко-культурные основания

В рассмотрении политико-географического образа Восточной Европы и его соотношения с геополитической ситуацией автор обращается к генезису понятия «Восточная Европа», переходя далее к анализу смежных идеологически ангажированных концептов (прежде всего понятия «Центральная Европа») и их функции в геополитическом и политико-идеологическом дискурсе, а также рассматривая различные уровни соотношения и различия между западной и восточной частями европейского континента – от образно-символического до социокультурного и цивилизационного. Ключевым теоретическим моментом оказывается важное для геополитической мысли представление о географии как о воображаемых пространственных взаимоотношениях. Наряду с внешней, формально задокументированной организацией географического пространства существует его образная и дискурсивная конфигурация – то, что принято называть ментальной картой [Бовдунов 2022, с. 18]. Именно в этой символической плоскости со времен Просвещения на Западе формировался одновременно негативный и экзотический, ориентализующий образ Восточной Европы, что оказалось тесно связано с превращением этой последней во внутреннего «Другого» для Запада. Вместе с тем существуют и однозначно фиксируемые, социологически измеримые данные, говорящие об «инакости» восточноевропейцев, прежде всего об их консерватизме [Бовдунов 2022, с. 39–40]. В то же время восточноевропейский ареал культурно неоднороден, поскольку является полем соприкосновения трех цивилизаций в понимании С. Хантингтона – православной, западной (западно-христианской) и исламской [Huntington 1997]. Геополитически же после 1991 г. концепция «буферной зоны» сохраняется, регион остается частью Римланда (по Н. Спайкмену²).

Далее описываются западоцентричные, атлантистские проекты геополитического переустройства Восточной Европы. Главный их признак – ориентация на союз с США и интеграцию в евроатлантические структуры (особенно НАТО). Их основная цель – расширение зоны «Восточной Европы» на восток, включение государств бывшего СССР (западного фланга СНГ) в те же практики «воспитания» и подгонки под западные стандарты, в которые уже включены восточноевропейские страны. По И.Я. Кобринской, речь

² *Spykman N.J.* The geography of the peace. N.Y.: Harcourt, Brace & Co., 1944. 66 p.

идет о расширении границ региона как институциональным, так и цивилизационным путем [Бовдунов 2022, с. 53]. Именно на это направлен метапроект, известный под названием «Новая Восточная Европа», который фокусируется на Украине, Белоруссии и Молдове [Бовдунов 2022, с. 54]. На схожих позициях стоят идеологии так называемого «Восточного партнерства ЕС» – политической инициативы, также подразумевающей распространение зоны восточноевропейского дискурса на постсоветские государства. Однако условия, предлагаемые в рамках этой программы, оказываются довольно специфическими: страны-участницы вовлекаются в сферу функционирования экономических и правовых структур Евросоюза, будучи обязаны следовать его социальным, административным и производственным нормам, но при этом не становятся его полноправными членами, оказываясь в роли контролируемых и проверяемых [Бовдунов 2022, с. 59–60].

Внутренняя динамика и ответные проекты Восточной Европы

Переходный и внутренне противоречивый характер носит Вишеградская группа, объединяющая Польшу, Чехию, Словакию и Венгрию: будучи создана в 1991 г. как институциональная рамка для интеграции в ЕС и НАТО, она превратилась в региональный клуб национально-консервативных и евроскептических стран, традиционно поддерживающих друг друга в конфликтах с Брюсселем и франко-германским ядром ЕС, но при этом отчасти расходящихся друг с другом во внешней политике [Бовдунов 2022, с. 64–66]. В атлантистскую линию вписывается и сегодняшняя деятельность представителей династии Габсбургов, в чьем историческом бэкграунде и современном политическом анамнезе – не только поддержка идей европейского федерализма и панъевропеизма, но также тесное взаимодействие с британской и американской разведкой, экспансионистские установки и крайне антироссийские позиции (Бовдунов 2022, с. 69–71). Главными же проводниками экспансионизма среди самих восточноевропейских стран остаются Польша и Румыния [Бовдунов 2022, с. 73].

Стратегические интенции и политическая история этих двух государств требует отдельного анализа. Так, автором анализируются две альтернативные парадигмы польской внешней политики: умеренная пястовская и «цивилизаторская», агрессивная ягеллонская [Бовдунов 2022, с. 74–75] – описываются амбициозные польские инициативы – «прометеизм» с его поддержкой националистиче-

ского сепаратизма в России/СССР и концепция «Междуморья» [Бовдунов 2022, с. 76–81], а также антиимпериалистическая, но и антироссийская доктрина Гедройца-Мерошевского [Бовдунов 2022, с. 81–85]. Отдельно показана роль Румынии как атлантистского плацдарма на юге восточноевропейской зоны. Реваншистская позиция Румынии в отношении Молдовы и Приднестровья вписывается в экспансионистскую концепцию Запада, польская «Инициатива трех морей» и формат «Бухарестская девятка» [Бовдунов 2022, с. 112] остаются активно функционирующими платформами для координации антироссийских шагов. Наиболее яркие примеры национал-популистской и евроскептической политики в современной Восточной Европе рассмотрены особенно подробно: перед читателем открывается многообразная панорама внутриполитических проектов и национально значимых фигур, некоторые из которых (например, партия болгарского шоумена Слави Трифонов или румынские пронатовские христиане AUR) в русскоязычном пространстве упоминаются крайне редко в силу недостаточного интереса к соответствующим странам. При всей несхожести этих и ряда других политиков друг с другом можно утверждать, что восточноевропейский популизм везде так или иначе является ответом на кризис либеральной демократии и евроинтеграционной повестки. Однако запрос на суверенитет не всегда означает дружеское отношение к России (яркий пример – Польша), а предпосылки для тех или иных внешнеполитических установок часто обнаруживаются в области исторической памяти (оказывается необходимым учитывать трактовку событий Второй мировой войны, конфликт или партнерское взаимодействие с однопольярным миром и множество других факторов).

Альтернативные проекты и будущее региона в многополярном мире

Интересно и немаловажно, что выбор в пользу рецепции и разработки идей многополярности и культурно-цивилизационного суверенитета практически везде в восточноевропейской геополитической мысли сочетается с обращением к традиционным ценностям. При этом не только в финно-угорской Венгрии, но и в принадлежащей к юго-западной части славянского мира Хорватии можно встретить интерес и симпатию к концептам Евразии и евразийства [Бовдунов 2022, с. 150, 177–178]. Переориентация части восточноевропейских элит на евразийские проекты, курс на укрепление сотрудничества не только с Россией, но и с Китаем,

возрождение славянской идеи в геополитике, формирование православно-консервативного фронта на Балканах – все это означает серьезный вызов западной гегемонии.

Взяв на вооружение предложенную А.Г. Дугиным идею «Великой Восточной Европы» [Дугин 2013, с. 283–285], автор обсуждает ключевые проблемы, связанные с современной цивилизационной идентичностью этой части мира, а также приводит аргументы в пользу возможной для данного региона (и, с точки зрения автора, желательной) смены цивилизационного курса. Противовесом провозглашенной Всемирным экономическим форумом «большой перезагрузки», направленной на демонтаж традиционных форм социальной и духовной жизни, могло бы стать «пробуждение», под которым понимается последовательное сохранение этих форм [Бовдунов 2022, с. 181–182]. Для Восточной Европы, по мнению автора, такой выбор органичен и по-настоящему реален, поскольку широкие народные массы здесь остаются приверженными культурным и социальным традициям, отвергаемым элитами, в том числе и восточноевропейскими. Гипотетическое «пробуждение» увязывается с перспективой контргегемонии, то есть противостояния наднациональной силе, формирующей глобальное либеральное общество, а также с «третьим традиционализмом» или, точнее, «традиционализмом третьего сословия», то есть с возможным появлением традиционалистской программы, обращенной не только к интеллектуалам или военным, то также к большинству населения [Бовдунов 2022, с. 183–186]. Восточная Европа может стать «Великой» только через обретение философского суверенитета, актуализацию собственной идентичности, отказ от глобалистской «перезагрузки» и интеграцию в многополярный мир на основе традиционных ценностей.

Вслед за иллюстрацией различных национальных версий независимого геополитического мышления было необходимо охарактеризовать собственно философские направления и зачастую неотделимые от них религиозные традиции, которые играют или играли в той или иной степени определяющую роль для духовной жизни соответствующих обществ. Явления, оказывающиеся в фокусе внимания А.Л. Бовдунова, местами красноречиво иллюстрируют, выражаясь словами К.Н. Леонтьева, «цветущую сложность» балканской (и не только) духовной культуры: так, мусульманин Алия Изетбегович, первый президент Боснии и Герцеговины, критикуя в своей книге «Ислам между Востоком и Западом» западный материализм и восточный материалистический социализм, опирается на заостренный дуализм духа и материи, скрыто отсылающий к гностицизму богомильского толка

[Бовдунов 2022, с. 192]. Восточно- и западноевропейская линии философской мысли постоянно встречаются и взаимодействуют, причем порой на совершенно неожиданной территории: так, тот же Изетбегович осмысляет шпенглеровское противопоставление цивилизации и культуры в духе румынского философа Лучиана Благхи.

В завершении своего повествования автор предпринимает исторически и философски фундированную попытку ответа на вопрос о том, каким должен быть русский геополитический проект для Восточной Европы. Изучив исторический контекст и различные предложения, высказанные другими исследователями ранее, А.Л. Бовдунов излагает свою концепцию в виде трех смысловых блоков [Бовдунов 2022, с. 240–247], каждый из которых детализируется с учетом реалий, стратегических и логических соображений:

- 1) Восточная Европа и Россия как взаимодействующие центры ценностной альтернативы материалистически ориентированному западоцентричному миру;
- 2) достройка геополитических осей, ориентированных на Россию в Восточной Европе (дополнение к положениям А.Г. Дугина), с учетом турецкого, иранского и некоторых других факторов;
- 3) учет межэтнических проблем, существующих в регионе.

Из обозначенного следует общий вывод: преодоление атлантистского контроля над Восточной Европой через совместный с Россией консервативный многополярный проект, основанный на ценностной альтернативе Западу и деконструкции его гегемонистских дискурсов, является ключевой геополитической задачей. Тезис о возможном последовательном, программном обращении – или, скорее, возвращении – Восточной Европы к традиционным духовным и аксиологическим ориентирам, постепенно обретающим ключевое значение в сегодняшней России, прочитывается как итоговая, результирующая мысль всей работы.

Тщательное исследование истоков и стадий молдавско-румынского идентитарного конфликта, разделенное на четыре главы, позволяет прийти к заключению, что сохранить молдавскую самобытность можно лишь через отказ от концепта нации как современного проекта в пользу органичной традиционной идентичности, опирающейся на православие и общинные ценности. Однако текущие тенденции ведут к нарастанию напряженности на фоне геополитического раскола общества.

В контексте обсуждения возможного геополитического союза и ценностно-культурного симбиоза России и Восточной Европы можно вспомнить концепцию восточноевропейской цивилизации

С.Д. Баранова, отчасти касающуюся того же круга тем, что книга А.Л. Бовдунова, и при этом основанную на объединении восточно-европейцев и русских в рамках одного цивилизационного типа [Баранов 2004]. С учетом антропологических, социальных и мировоззренческих критериев С.Д. Баранов относит оба эти этнокультурные сообщества к особой цивилизационной ветви, которая, по его мнению, примыкает к Западу, но не сливается с ним и, более того, является своего рода духовной и исторической «осью» для мира в целом. А.Л. Бовдунов, однако, предполагает несколько иную схему: несмотря на большое количество общих русско-восточноевропейских черт, Россия существует автономно, представляя собой отдельный цивилизационный континент, государство-цивилизацию, в то время как Восточная Европа не только геополитически, но и цивилизационно остается пограничьем, фронтиром между Россией и Западом, будучи отмечена своеобразной двойственностью и оказываясь перед необходимостью выбирать между разными возможными путями дальнейшего развития.

Проблематика взаимодействия российского государства-цивилизации с исторически и мировоззренчески близкими, но неоднозначными «малыми» соседями намечена у А.Л. Бовдунова довольно отчетливо. По прочтении книги становится очевидно, что данному комплексу проблем и возможностей в отечественной политологии до сих пор уделяется недостаточно внимания (Восточная Европа – «забытый» регион) и что по соответствующему кругу вопросов необходима обширная дискуссия. Это особенно важно в свете постулирования идентичности России как государства-цивилизации в российском внешнеполитическом дискурсе. Как отмечают не только российские, но и западные исследователи, представляющие, в частности, американский Стэнфордский университет³, всем проектам государств-цивилизаций свойственен особый политический интерес к фронтирным зонам. Фронтир – ключевой концепт для таких образований: это обширные зоны гибридности, где смешиваются несколько цивилизационных идентичностей, соединяя или разделяя государства-цивилизации (в отличие от национальных государств). Политическая принадлежность фронтиров динамична и зависит от баланса сил. Россия как государство-цивилизация континентального масштаба окружена такими фронтами, включая Восточную Европу на западе.

³ The civilizationism project // Stanford – Göttingen. URL: <https://the-civilizationismproject.stanford.edu> (дата обращения: 26.08.2025).

Заключение

В известной степени современный анализ геополитических процессов в Восточной Европе, проиллюстрированный работой А.Л. Бовдунова, закономерно выходит за рамки чисто академического исследования. Его органичная направленность на поиск практических решений отражает саму природу геополитики как дисциплины, изначально ориентированной на осмысление и преобразование политической реальности. Такой подход, синтезирующий теоретический анализ с проектным видением, представляется не только оправданным, но и необходимым в контексте текущих исторических вызовов.

Рассмотрение восточноевропейского региона через призму взаимосвязанных методологий – от классической геополитики и критического структурализма до философии и этносоциологии – подтверждает эвристический потенциал междисциплинарного подхода. Этот синтез позволяет не только глубоко проанализировать текущую ситуацию, но и выявить фундаментальные цивилизационные и ценностные противоречия, определяющие динамику региона.

Подобные исследования демонстрируют продуктивность современной геополитической мысли, способной отвечать на вызовы формирующегося многополярного мира. Они задают важный вектор для дальнейшего дискурса, в центре которого – поиск альтернативных моделей развития, основанных на идее цивилизационного суверенитета и ценностной альтернативы глобалистскому проекту. Таким образом, складывается аналитическая основа для осмысления Восточной Европы не как пассивного объекта большой игры, а как субъекта с потенциалом собственного цивилизационного выбора.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания по НИР «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», шифр FSZG-2025-0004. Регистрационный номер: 1025021700071-2-6.3.1.

Acknowledgements

This paper was prepared as part of the state assignment for the research project “The Identity of Russia as a Civilization-State: Political, Spiritual, and Social Aspects”, project code FSZG-2025-0004. Registration number: 1025021700071-2-6.3.1.

Литература

- Баранов 2004 – *Баранов С.Д.* Цивилизация Восточной Европы (цивилизация Оси). М.: Ин-т наследия, 2024. 578 с.
- Бовдунов 2022 – *Бовдунов А.Л.* Великая Восточная Европа: Геополитика. Геософия. Третий традиционализм. М.: Издат. дом «ЯСК», 2022. 480 с.
- Дугин 2013 – *Дугин А.Г.* Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013. 532 с.
- Huntington 1997 – *Huntington S.P.* Clash of civilizations and the remaking of world order. L.: Simon & Schuster, 1997. 368 p.

References

- Baranov, S.D. (2024), *Tsivilizatsiya Vostochnoi Evropy (tsivilizatsiya Osi)* [Civilization of Eastern Europe (Axis civilization)], Institut naslediya, Moscow, Russia.
- Bovdunov, A.L. (2022), *Velikaya Vostochnaya Evropa: Geopolitika. Geosofiya. Tretii traditsionalizm* [Great Eastern Europe: Geopolitics. Geosophy. The third traditionalism], Izdatel'skii dom "YaSK", Moscow, Russia.
- Dugin, A.G. (2013), *Teoriya mnogopolyarnogo mira* [The theory of a multipolar world], Evraziiskoe dvizhenie, Moscow, Russia.
- Huntington, S.P. (1997), *The Clash of civilizations and the remaking of world order*, Simon & Schuster, London, UK.

Информация об авторе

Кирилл Ю. Решетников, кандидат филологических наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; cyrilreshe@yandex.ru

Information about the author

Kirill Yu. Reshetnikov, Cand. of Sci. (Philology), Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; cyrilreshe@yandex.ru

Спортивный дискурс
в политике советской идентичности
периода холодной войны

Олег В. Рябов

*Высшая школа экономики – Санкт-Петербург,
Санкт-Петербург, Россия;
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, riabov1@inbox.ru*

Аннотация. В статье впервые исследуется спортивный дискурс как ресурс формирования советской идентичности в начальный период холодной войны. Источником являются публикации в журнале «Физкультура и спорт» за период 1946–1953 гг. Показано, что репрезентации спорта стали частью советскости, внося заметный вклад в создание образов Советской Родины и советского народа, в формирование представлений о нормах и ценностях советского образа жизни, в укрепление чувства национальной гордости. В спортивном этосе акцентировались ценности коллективизма, преданности делу коммунизма, любви к Родине, товарищества, равноправия мужчин и женщин. Создание негативного образа США было необходимым элементом политики советской идентичности, что отразилось и в спортивном дискурсе. Черты образа «врага номер один», свойственные репрезентациям Америки в целом, характерны и для репрезентаций Америки спортивной: приоритет интересов крупного бизнеса; социальное неравенство в доступе к занятиям спортом; расовая дискриминация; эксплуатация спортсменов-профессионалов дельцами; индивидуализм; нечестность; культ звериной жестокости; милитаризация; использование для оправдания войны и для пропаганды американской исключительности во всем мире. Спорт высших достижений конструировался как арена противостояния двух миров.

Ключевые слова: холодная война, спортивный дискурс, образ врага, политика советской идентичности, журнал «Физкультура и спорт»

Для цитирования: Рябов О.В. Спортивный дискурс в политике советской идентичности периода холодной войны // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 34–51. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-34-51

Sport discourse in the Cold War policy of Soviet identity

Oleg V. Riabov

*HSE University – Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia;
Herzen University, Saint Petersburg, Russia, riabov1@inbox.ru*

Abstract. The paper, based on the analysis of the “Physical Culture and Sport” magazine (1946–1953), examines the sport discourse as a resource of forming Soviet identity in the Early Cold War period. The author points out that the representations of sports served as a part of the “Sovietness”, contributing to the production of the images of the Soviet Motherland and the Soviet people, to the formation of the views on the norms and values of the Soviet way of life, and to the strengthening of national pride. The magazine accentuated in the sport ethics the values of collectivism, devotion to the cause of Communism, love to the Motherland, comradeship, equality of men and women. The sport discourse also employed the representations of the U.S.A. and the creation of the negative perception of the United States functioned as a necessary element of the policy of Soviet identity. The features of the Soviet image of the “enemy number one” manifested themselves in the characteristics of the U.S. sport: priority of the interests of big business; social inequality in access to sports; racial discrimination; exploitation of professional athletes by businesses; individualism; dishonesty; the cult of bestial cruelty; militarization; exploiting sports for the justification of war and for propaganda of American exceptionalism all over the world. The top-level sports was constructed as the arena of confrontation between the two worlds.

Keywords: Cold War, sport discourse, image of the enemy, politics of the Soviet identity, “Physical Culture and Sport” magazine

For citation: Riabov, O.V. (2025), “Sport discourse in the Cold War policy of Soviet identity”, *RSUH/RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 34–51, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-34-51

Введение

Различные аспекты роли спорта в холодной войне – периода, когда взаимовлияние спорта и политики было едва ли не наиболее заметным – давно вызывают обоснованный интерес у отечественных и зарубежных исследователей. Отмечая, что спорт являлся частью «культурной холодной войны» [Edelman, Young 2020], ученые обращаются к таким вопросам, как его роль в «борьбе за

сердца и умы», влияние политических событий на развитие международного спортивного движения, спортивная дипломатия, изображение спортивного противоборства двух сверхдержав в массовой культуре той эпохи [Edelman 1993; Прокуменщиков 2004; Shaw, Youngblood 2017; Романов 2019; Романов 2023; Зубкова, Куприянов 2020; Куприянов и др. 2023]. Мы обратимся к еще не изучавшейся теме использования спортивного дискурса в политике советской идентичности¹. Проблеме формирования советской идентичности в последние годы посвящаются многие работы, в том числе в контексте компаративных исследований холодной войны [Журавлева 2024]. Мы разделяем понимание политики идентичности как деятельности политических акторов, ориентированной на достижение сообществом чувства целостности, а его членами – чувства принадлежности к нему [Ачкасов 2013]².

Новизну исследования мы видим в том, что формирование советской идентичности изучается на материале репрезентаций спорта. Помимо этого, вклад статьи в исследовательское поле состоит в том, что впервые источником по истории создания советскости, советской идентичности становится журнал «Физкультура и спорт» – главное спортивное издание страны, определяющее, как именно следует трактовать то или иное явление из мира спорта. Этот ежемесячный журнал издавался Госкомспортом СССР; 96 номеров, вышедшие в 1946–1953 гг., составили источниковую базу исследования³. Помимо рассказов о важнейших событиях советского спорта, статей о проблемах развития массового спорта, публикаций об оздоровительной физкультуре, а также общественно-политических материалов, он включал информацию об особенностях зарубежного спорта.

Хронологические рамки исследования – период так называемой ранней холодной войны (1946–1953) – времени, когда шла своеобразная кристаллизация дискурса советско-американской конфронтации, наделение ее значениями и смыслами; каждая

¹ Отметим, что роль репрезентаций спорта в различных видах коллективной идентичности уже получила освещение в работах исследователей [Fox 2006].

² Термин «политика идентичности» появился для обозначения деятельности, направленной на изменение статуса дискриминируемых групп, однако в отечественной науке он используется в более широком понимании (об интерпретации политики идентичности в российской политической науке см. [Ачкасов 2013]).

³ Всего с 1946 по 1991 г. увидело свет около 500 выпусков; тираж достигал 1 млн экземпляров.

сторона конфликта формулировала свои цели, определяла защищаемые ею ценности, конструировала образы врага. Кроме того, это был период, когда советский спорт выходит на мировую арену, что обусловило институционализацию спорта высших достижений в стране и значительную интенсификацию зарубежных контактов.

Вопросы, на которых необходимо остановиться в статье, обозначим следующим образом. Как репрезентировался спорт в СССР, и какой вклад это вносило в формирование советскости? Какими качествами наделялись советские атлеты, и в чем видели социальную миссию советского спорта? Какую роль в спортивном дискурсе играл контекст холодной войны? Как осуществлялось противопоставление спорта в СССР и в США? Какими факторами объяснялись положительные и отрицательные черты спорта в двух странах, как они соотносились с образами «своих» и «чужих», создаваемыми в других видах массовой культуры?

Политика советской идентичности и холодная война

Политика макрополитической идентичности в СССР основывалась на приоритете классового принципа над национальным. С середины 1930-х гг., помимо классовой солидарности и пролетарского интернационализма, все большее значение приобретала советская идентичность. Политика советской идентичности не преследовала цели достижения полной культурной гомогенности сообщества, однако сохраняемые при этом национальные идентичности не должны были вступать в конфликт с советскостью. В условиях холодной войны требовалось внести коррективы в образ «мы», связанные, в первую очередь, с изменением позиций СССР на международной арене, обусловленные ролью страны в спасении человечества от нацизма; мировым лидерством в антивоенном движении; статусом одной из двух сверхдержав, возглавляющей лагерь социализма, коммунистическое и рабочее движение и борьбу с колониализмом во всем мире.

Советская идентичность включала в себя такие элементы, как образ самого сообщества, в котором подчеркивались его уникальные черты как первого в мировой истории государства, где власть принадлежит народу, строящему коммунистическое общество под руководством коммунистической партии во главе с товарищем Сталиным. Политика СССР основана на ценностях справедливости, равенства, уважения к труду, социального оптимизма, приоритета научного мировоззрения. Формирование позитивной коллек-

тивной идентичности предполагает также создание эталонной модели представителя социума – нового советского человека. Образы «Мы», советского народа, включают в себя репрезентации отношений между людьми, которые строились на принципах товарищества, взаимопомощи, коллективизма, культуры. Важнейший вопрос идеологических баталий холодной войны – борьба за мир, которая в послевоенный период становится краеугольным камнем советской идеологии и советской идентичности [Рябов 2023].

Кроме того, политика идентичности предполагала укрепление солидарности внутри социума и ослабление символических границ между социальными, профессиональными, региональными, возрастными, гендерными группами – то, что обозначалось как «морально-политическое единство советского общества».

Наконец, специфической чертой советскости рассматриваемого периода была ведущая роль негативной идентичности: образы «чужих», прежде всего Америки, имели важнейшее значение для политики советской идентичности. Впрочем, это характерно и для ситуации в США: разделение послевоенного мира между двумя полюсами продуцировало манихейское мироощущение, в котором каждый был «врагом номер один», выполняя функцию конституирующего Другого [Sharp 2000; Рябов 2023].

Таким образом, политика советской идентичности строилась вокруг формирования образа СССР как наиболее эффективного и справедливого общества в мировой истории, коренным образом отличающегося от капиталистических стран. Она проводилась за счет привлечения различных ресурсов, и спортивный дискурс был одним из них. Рассмотрим, как отмеченные элементы этой политики преломлялись в репрезентациях спорта.

«Свои» и «чужие» в спортивном дискурсе

Как известно, для периода 1920–1930-х гг. определяющим было противопоставление «пролетарской физкультуры» «буржуазному спорту»⁴. Послевоенная конфронтация с США поставила перед советским спортом новые задачи; поворотным стало принятие 27 декабря 1948 г. постановления ЦК ВКП(б), в котором завоевание мирового первенства по основным видам спорта определялось в качестве приоритетной задачи [Peppard, Riordan 1993].

⁴ Эволюция отношения к спорту в СССР исследовалась, в частности, в таких работах, как [Riordan 1991; Edelman 1993; Прозуменщиков 2004].

Политизация спорта с началом холодной войны происходит еще в больших масштабах. В публикациях журнала «Физкультура и спорт» акцентировалось, что спортивные успехи показывают преимущества социалистического строя над странами капитализма⁵. Идеологизации спорта служило, прежде всего приписывание ему роли необходимого условия коммунистического строительства, что было связано с советской политической антропологией. Положение о значимости спорта получило наиболее известное воплощение позднее, в Программе КПСС, принятой в 1961 г., где ставилась задача «воспитания нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство»⁶. Идея о том, что канон нового советского человека должен включать в себя физическое совершенство, была весьма влиятельна и ранее, еще в 1920–1930-х гг.; она обосновывается на страницах журнала «Физкультура и спорт» (ФиС) и в рассматриваемый период⁷.

Таким образом, с выходом советского спорта на международную арену его отличия от спорта мира капитализма стали подчеркиваться еще резче. В рамках этого противопоставления черты спорта связываются с характеристиками советского образа жизни в целом.

Спорт и социальная справедливость

Основу успехов СССР составляет то, что в результате социалистической революции впервые в человеческой истории власть перешла в руки, которые реорганизуют общество на принципах подлинной справедливости. О. Вестад, характеризуя ключевые ценности идеологического противостояния холодной войны, обозначил позиционирование себя Советским Союзом и Соединенными Штатами как, соответственно, «империю справедливости» и «империю свободы» [Westad 2005]. Советская пропаганда трактовала американский образ жизни как воплощение несправедливости (понимаемой, прежде всего, как неравенство: имущественное, классовое, социальное, расовое, а также как эксплуатацию колониальных народов), а борьбу за социалистические преобразования – как гарантию обеспечения социальной справедливости.

⁵ Советские волейболисты – лучшие в мире // Физкультура и спорт. 1949. № 10. С. 5.

⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза; Устав Коммунистической партии Советского Союза. М., 1962.

⁷ См., например: Самойлов Д. Значок молодых патриотов // Физкультура и спорт. 1950. № 9. С. 12–13.

Противоположность двух общественно-экономических систем обнаруживает себя и в спорте. В опубликованном в ФиС докладе главы Госкомспорта на XI съезде ВЛКСМ было подчеркнуто, что «в отличие от капиталистических стран, где спорт служит интересам правящей верхушки государства, советская физическая культура с первых дней формировалась, росла и будет расти как достояние всего народа»⁸. Демонстрация, в соответствии с марксистской методологией, социально-экономической основы пороков спорта в американском обществе, где все подчинено добыванию денег, позволяла журналу представить их в качестве не случайных, а закономерных для данной социальной системы явлений, которые могут быть устранены только с ее ликвидацией: «Буржуазный спорт – это попросту область, где размещается капитал с целью извлечь побольше прибыли»⁹.

Показательно, что спортсмены трактуются как «частная собственность предпринимателей»¹⁰. В связи с этим журнал обращал особое внимание на профессионализацию спорта в США; термин «профессионал» стал маркером инаковости и символом недостатков американского спорта. Этим определялось и отношение к атлетам США: они рассматривались как не только часть вражеского мира со всеми его пороками, но и его жертвы; «У нас в СССР победитель, чемпион, рекордсмен – это лицо, пользующееся почетом, уважением товарищей, общественности, всего народа. Чемпион, рекордсмен в странах капитализма – это раб капитала, это робот из “конюшни” какого-нибудь крупного дельца от спорта»¹¹. После же завершения карьеры профессиональные спортсмены в большинстве своем владели жалким существованием¹².

Справедливость одного строя и несправедливость другого проявляет себя в том, что в советском обществе, в отличие от американского, занятия спорта доступны всем социальным слоям, что ни одна социальная группа не подвергается дискриминации¹³. Важнейшим для политики советской идентичности был вопрос межнационального согласия в обществе. Тема дружбы народов

⁸ *Аполлонов А.Н.* Физическое воспитание и комсомол // Физкультура и спорт. 1949. № 3. С. 2.

⁹ *Гремин Н.* Подумай об этом // Физкультура и спорт. 1948. № 9. С. 2–3.

¹⁰ Советский рекорд // Физкультура и спорт. 1949. № 6. С. 3.

¹¹ Там же.

¹² *Кулешов А.* Неограниченные рекорды // Физкультура и спорт. 1950. № 12. С. 36.

¹³ *Кулешов А.* Принцы и нищие // Физкультура и спорт. 1952. № 8. С. 38.

была одной из центральных и в публикациях ФиС¹⁴. Это было тем более значимо, что расовая дискриминация – это тот порок американского общества, который находился в центре внимания советской пропаганды; он был замечен и при описании различий спорта в СССР и США [Edelman, Young 2020].

Особую роль в идеологической конфронтации холодной войны играл женский вопрос [May 1988]. В отличие от США, в СССР женщины имеют все возможности для занятия большим спортом. Отдельно подчеркивалось, что они продолжают заниматься спортом высших достижений даже после рождения ребенка – т. е. большой спорт и женственность в СССР не противоречат друг другу¹⁵. В США же спорт и подлинная женственность несовместимы; в качестве свидетельства того, что капиталистическое общество издевается над природой человека, журнал неоднократно использовал репрезентации женских спортивных единоборств¹⁶.

Личность спортсмена

Важнейшее место в структуре коллективной идентичности занимают репрезентации образцового представителя сообщества, и идеал советского спортсмена являл собой частный случай канона нового советского человека. Атлеты СССР наделялись такими качествами, как преданность делу коммунизма, коммунистической партии и товарищу Сталину, советский патриотизм, интернационализм. Среди принципов советской морали, следование которым требовалось от спортсменов, – коллективизм, товарищество, скромность, уважение к труду, честность. Главный мотив спортивных подвигов атлетов – это их любовь к Родине. Советская Родина – один из важнейших концептов холодной войны; противостояние внешним и внутренним врагам рассматривалось в качестве защиты Родины [Рябов, Рябова 2024]. В эти годы в ФиС выходят десятки публикаций, подчеркивающих, что цель достижений советских спортсменов – это слава Родины-матери¹⁷. Различия в спортивной

¹⁴ См., например: Советский рекорд // Физкультура и спорт. 1949. № 6. С. 3.

¹⁵ См., например: Наше счастье // Физкультура и спорт 1951. № 3. С. 8–9.

¹⁶ Соболев П., Андреев В. На лыжных соревнованиях в Соединенных Штатах // Физкультура и спорт. 1950. № 5. С. 34–35.

¹⁷ См., например: Лето 1947 года // Физкультура и спорт. 1947. № 4. С. 2.

мотивации «своих» и «чужих» представлены, например, в статье с примечательным названием «Два идеала»: «Советский спортсмен настойчиво оттачивает свое мастерство... не для того, чтобы ловкие предприниматели делали доллары. <...> Мастерство советского спортсмена нужно его Родине; оно служит еще большему возвышению ее славы. <...> Родина! <...> Она открывает ему и дорогу в спорт, и наш спортсмен отвечает Родине горячей любовью»¹⁸.

Что же касается американцев, то их спортивная карьера определялась «убогой и тревожной мечтой о деньгах как о высшем счастье в жизни»¹⁹. Символ Родины был важным компонентом всей политической конструкции СССР, поэтому обращение к нему со стороны спортсменов было также и вкладом в легитимацию власти; в связи с этим необходимо упомянуть еще один постоянно упоминаемый источник силы и вдохновения чемпионов – «оправдать доверие товарища Сталина»²⁰.

Советские атлеты олицетворяли физическую гармонию, связанную с развитием всех групп мышц и сохранением здоровья спортсмена – в отличие от западного спорта, где интересы бизнеса требуют, ради сиюминутной выгоды, связанной с рекордами, натаскивания на результат, что фактически ведет к разрушению тела атлета²¹. Еще более значимым было то, что спортсмены СССР были воплощением гармонии личностной: всесторонне развитыми людьми, образованными, с широким кругозором, живущими полноценной жизнью советского гражданина²². Между тем в США спорт культивирует развитие физических способностей человека в ущерб его интеллектуальной состоятельности. Предметом особых насмешек стал образ супермена-культуриста. В статье «“Сверхчеловеки”» рассказывается о конкурсе «Мистер Универсал»: «Людей нет – только узлы мышц, невероятных по объему и рельефу <...> С точки зрения эстетики все это может вызвать только отвращение, с точки зрения физической культуры – это карикатура на нее»²³.

¹⁸ Сливинский В. Два идеала // Физкультура и спорт. 1948. № 7. С. 10–11.

¹⁹ Там же.

²⁰ Во славу Родины, во славу Сталина // Физкультура и спорт. 1947. № 8. С. 8–9.

²¹ Лин А. Советский мировой рекорд // Физкультура и спорт. 1950. № 3. С. 31–32.

²² Сливинский В. Указ. соч. С. 10–11.

²³ Чесноков Б. «Сверхчеловеки» // Физкультура и спорт. 1951. № 12. С. 39.

Спортивный этос

Важной составляющей канона советского спортсмена являются его моральные качества. Противопоставление коллективизма и индивидуализма – важнейшая оппозиция этического дискурса холодной войны – занимала заметное место и в репрезентациях отношений между советскими спортсменами. Показательно, что эта оппозиция проявляет себя и в чисто спортивных аспектах – например, в публикациях, посвященных спортивной тактике в командных видах спорта, авторы (в частности, К. Бесков, знаменитый в будущем тренер сборной СССР по футболу) подчеркивали коллективный стиль игры советских спортсменов, противопоставляя его стилю игры западных атлетов²⁴.

Что же касается отношений между спортсменами в Америке, то они базируются на принципе индивидуализма. Главное правило американского общества – «человек человеку волк» – действует и в спорте, где также все основано на законе джунглей: выживает сильнейший. В основе такого отношения – пропаганда враждебности между людьми, которая заставляет видеть в ближнем только конкурента; она неотъемлема от общества, основанного на частной собственности. В статье, опубликованной в ФиС в 1949 г., отмечается: «Победа, достижение, рекорд каждого советского человека становятся у нас в СССР достоянием коллектива, народа, являясь ценным вкладом в общее дело строительства коммунистического общества. Другое дело в странах капитализма. Преуспеть, добиться «процветания» там можно только за счет гибели других. <...> ...победа, успех, рекорд – вызывают лишь зависть, звериную злобу конкуренции»²⁵.

Помимо отношений внутри спортивной команды, спортивный этос двух миров различается в отношении к сопернику. Для советской морали характерно уважительное отношение, проявление благородства, следование принципу честной игры. Американский же спортсмен стремится к победе любой ценой и этот принцип игнорирует; «воспитанный в духе крайнего индивидуализма, в духе насаждаемых буржуазией волчьих нравов, он порою не останавливается ни перед чем, даже перед преступлением, лишь бы пробиться вперед»²⁶.

²⁴ Бесков К. О тренировке футболиста // Физкультура и спорт. 1950. № 3. С. 34–37.

²⁵ Советский рекорд... С. 3.

²⁶ Сливинский В. Указ. соч. С. 10–11.

Одно из наиболее очевидных проявлений отсутствия уважения к сопернику – культ насилия²⁷. Подчеркнем, что культ насилия – это одна из наиболее часто встречающихся характеристик в советских репрезентациях американского образа жизни в целом [Рябов 2023], акцентирование которой, позволяя сравнивать «врага номер один» с животными, служило формой его дегуманизации. В анализируемый период эпитет «звериный» применительно к американскому спорту и царящих в нем нравов стал едва ли не наиболее часто используемым. Звериным законам капиталистического общества – «человек человеку волк», «бизнес превыше всего» – полностью подчинена и спортивная жизнь²⁸. В качестве наиболее наглядной иллюстрации этого ФиС использовал репрезентации так называемого кэтча, борьбы без правил: «Американский кэч, борьба по принципу «хватай, где можешь», – омерзительное зрелище, которое у каждого разумного человека может вызвать только отвращение. Но для американских поджигателей войны кэч – это одно из средств растления народа, воспитания звериных инстинктов, низменных страстей, одно из средств тотальной подготовки к новой войне»²⁹.

Спорт и международные отношения

В условиях начавшейся холодной войны особое значение имели репрезентации влияния спорта на международные отношения. Журнал утверждает: «Охваченные бредовой идеей мирового господства, милитаристические круги США превращают всю страну в военный лагерь, готовят молодежь к захватническим войнам через спорт...»³⁰. Напротив, советские атлеты находятся в первых рядах борцов за мир; в 1950 г. ФиС в каждом номере помещает фотографии известных спортсменов, подписывающих Стокгольмское воззвание.

Участие в борьбе за мир – это важный элемент коллективной идентичности спортсменов СССР, который в значительной степени

²⁷ Соловов Г. Система растления // Физкультура и спорт. 1949. № 11. С. 28–29.

²⁸ Повинуясь звериным законам // Физкультура и спорт. 1950. № 11. С. 38.

²⁹ Вот он – американский кэч, вот он – «герой» Америки // Физкультура и спорт. 1950. № 11. С. 39.

³⁰ Костин П., Тарасов Н. Воспитание убийц // Физкультура и спорт. 1952. № 3. С. 39.

определял и представления об их социальной миссии, о вкладе спорта в построение светлого будущего. Их победы на мировой арене имели значение для борьбы за мир еще по той причине, что они позволяли противостоять идее о «превосходстве американского образа жизни, о якобы “особой” исторической миссии современного американизма по отношению к остальному миру», для пропаганды которой «империалистические круги США широко используют спорт»³¹. Обвинения США в претензиях на исключительную роль в мировой цивилизации, к которым журнал прибегал нередко, служили одной из дискурсивных практик символической нацификации «врага номер один», занимавшей важнейшее место в легитимации холодной войны [Рябов 2023]. Борьба с американским империализмом выглядела как продолжение борьбы с гитлеризмом, также построенном на идее превосходства, что облегчало трансформацию образа прежнего союзника во врага. В спортивном дискурсе эта тема также была заметна³². Прямое уподобление США нацистской Германии проводилось через открытую маркировку различных аспектов спортивной жизни в США как фашистских³³. Символическая нацификация осуществлялась и на уровне привлечения соответствующей терминологии. В частности, пропаганда активно обыгрывала термин «супермен». Журнал пишет: «В США сейчас много трубят о “супермене” – американском сверхчеловеке. Американцы – умнейшие дельцы, храбрейшие солдаты, талантливейшие спортсмены»³⁴.

Спорт и внутренние «чужие»

Политика коллективной идентичности предполагает маргинализацию тех членов сообщества, которые не отвечают требуемым канонам и нарушают установленные нормы. При этом проведение соответствующих символических границ внутри социума также осуществляется при помощи репрезентаций внешнего врага. В политике советской идентичности реальные или предполагаемые симпатии к США, ее политике и культуре, сходство с американцами являлись поводом для стигматизации индивидов или соци-

³¹ *Крячко И.* Физическая культура в СССР // *Физкультура и спорт.* 1949. № 5. С. 2.

³² См., например: *Соловов Г.* Система растления // *Физкультура и спорт.* 1949. № 11. С. 28–29.

³³ Там же. С. 28.

³⁴ *А.Т.* В стране доллара // *Физкультура и спорт.* 1951. № 3. С. 38.

альных групп в качестве «пятой колонны». В спортивном дискурсе отразились кампания против низкопоклонства перед Западом и борьба с космополитизмом³⁵.

В свою очередь, отход от советских норм поведения в спорте трактовался как результат тлетворного влияния буржуазных нравов, а нарушители норм – как представители «внутренних чужих»³⁶. Так, руководители ВЛКСМ и Спорткомитета решительно протестовали против практики содержания на окладе ведущих атлетов, используемой в некоторых спортивных обществах, расценивая это как проникновение этоса буржуазного спорта [Зубкова, Куприянов 2020].

«Две Америки»

Наконец, отметим еще один аспект политики советской идентичности, которая находит выражение и в спорте. Сама сущность советской идеологии с ее приоритетом классового над национальным требовала, чтобы, помимо образов «плохих», реакционных американцев, советскому человеку были представлены и образы «хороших», прогрессивных: коммунистов, представителей рабочего класса, борцов за мир, «людей доброй воли», темнокожих американцев, «простого народа». Идея двух Америк была значима для политики советской идентичности, во-первых, потому что она вносила вклад в формирование советскости как основанной на принципах интернационализма. Во-вторых, это позволяло поместить советскость в глобальный контекст, придавая ей общечеловеческое измерение: политика СССР поддерживается не только советским народом, но и «людьми доброй воли» на всей Земле, в том числе в США.

Этой идее следовал и спортивный дискурс. ФиС рассказывает о том, как «передовые люди американского спорта» борются за мир. В частности, читатель узнает о том, что бейсболисты из Миннеаполиса, протестуя против войны в Корее, написали письмо в одну из газет, в котором говорится: «Честные спортсмены Америки предпочитают обстреливать спортивные мишени мячами, нежели пулями стрелять в людей»³⁷. Особое место в спортивном дискурсе

³⁵ См., например: *Аполлонов Л.Н.* Сталинская забота о процветании // *Физкультура и спорт.* 1949. № 12. С. 4. О «борьбе с космополитизмом» в спорте см. также: [Зубкова, Куприянов 2020; Сперанский 2022].

³⁶ См., например: *Всесоюзный день физкультурника* // *Физкультура и спорт.* 1947. № 7. С. 2.

³⁷ *Костин П., Тарасов Н.* Указ. соч. С. 39.

занимал образ Поля Робсона, и журнал рассказывает, что этот «солдат мира» и большой друг Страны Советов в прошлом был выдающимся игроком в американский футбол и подвергался преследованиям со стороны расистов³⁸.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что спортивный дискурс активно использовался в конструировании советской идентичности, внося вклад в создание образов Советской Родины и советского народа. Репрезентации спорта стали частью образов советскости, способствуя укреплению чувства национальной гордости.

Журнал акцентировал в советском спортивном этосе ценности преданности делу коммунизма, любви к Родине, коллективизма, товарищества, равноправия мужчин и женщин. Социальную миссию спорта видели в укреплении престижа Советской Родины и демонстрации успешности социалистического строя, его превосходства над капиталистическим, в подготовке советских людей к труду и обороне, в укреплении дружбы народов страны, в борьбе за мир.

Важную роль в формировании советскости играла негативная идентичность: создание образа США было необходимым элементом политики советской идентичности. Это нашло выражение и в спортивном дискурсе, который при создании образов «своих» использовал репрезентации США. Черты образа врага, свойственные репрезентациям Америки в целом, характерны и для репрезентаций Америки спортивной: приоритет интересов крупного бизнеса; социальное неравенство в доступе к занятиям спортом; расовая дискриминация; беспощадная эксплуатация спортсменов-профессионалов дельцами; развитие физических способностей атлетов в ущерб интеллектуальным и нравственным качествам; индивидуализм, восприятие другого как конкурента; нечестность, стремление к победе любой ценой; культ звериной жестокости и насилия; милитаризация; использование для оправдания войны и для пропаганды американской исключительности во всем мире. Спорт высших достижений конструируется как арена противостояния двух миров, различия между которыми представлены как противоположности.

Завершая статью, отметим перспективы дальнейшего исследования темы. Прежде всего это верификация выводов на материале

³⁸ Кулешов А. Поля Робсон, борец за мир // Физкультура и спорт. 1953. № 2. С. 4–5.

других спортивных источников. Кроме того, учитывая, что в последние годы все большее внимание обращается на необходимость сравнительных исследований для понимания советско-американской конфронтации [Shorten 2018; Рябов 2023], то был бы эвристичен компаративный анализ с привлечением аналогичных материалов спортивного дискурса США данного периода; тем более что первые шаги в этом направлении уже сделаны [Shaw, Youngblood 2017; Романов 2019; Романов 2023].

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305-П.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 22-18-00305-P.

Литература

- Ачкасов 2013 – Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 4. С. 71–77.
- Журавлева 2024 – Журавлева В.И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности // Международная аналитика. 2024. Т. 15. № 1. С. 20–45.
- Зубкова, Куприянов 2020 – Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Профессионализация советского спорта в условиях холодной войны (1946–1959) // Российская история. 2020. № 1. С. 143–159.
- Куприянов и др. 2023 – Куприянов А.И., Зубкова Е.А., Мухаматуллин Т.А., Прозуменщиков М.Ю. Советский спорт в контекстах холодной войны. М.: Весь мир, 2023. 488 с.
- Прозуменщиков 2004 – Прокуменщиков М.Ю. Большой спорт и большая политика. М.: РОССПЭН, 2004. 462 с.
- Романов 2019 – Романов А.Ю. Спорт и холодная война. Т. 1. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 262 р.
- Романов 2023 – Романов А.Ю. Спорт и холодная война. Т. 2. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2023. 326 с.

- Рябов 2023 – «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
- Рябов, Рябова 2024 – *Рябов О.В., Рябова Т.Б.* «Советская Родина» как концепт холодной войны. Материнский символ страны в массовой песне // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 4–22.
- Сперанский 2022 – *Сперанский А.В.* Советский спорт в послевоенные годы: выход на мировую арену // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 170–178.
- Edelman 1993 – *Edelman R.* Serious fun: A history of spectator sport in the USSR. N.Y.: Oxford University Press, 1993. 286 p.
- Edelman, Young 2020 – *Edelman R., Young Ch.* Introduction. Explaining Cold War sport // The whole world was watching: sport in the Cold War / ed. by R. Edelman, Ch. Young. Stanford: Stanford University Press, 2020. P. 1–26.
- Fox 2006 – *Fox J.E.* Consuming the nation: Holidays, sports, and the production of collective belonging // Ethnic and Racial Studies. 2006. Vol. 29. No. 2. P. 217–236.
- May 1988 – *May E.T.* Homeward bound: American families in the Cold War era. N.Y.: Basic Books, 1988. 284 p.
- Peppard, Riordan 1993 – *Peppard V., Riordan J.* Playing politics: Soviet sport diplomacy to 1992. Greenwich, CT: JAI Press, 1993. 184 p.
- Riordan 1991 – *Riordan J.* Sport, politics, and communism. Manchester: Manchester University Press, 1991. 169 p.
- Sharp 2000 – *Sharp J.P.* Condensing the Cold War. Reader's digest and American identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. 240 p.
- Shaw, Youngblood 2017 – *Shaw T., Youngblood D.* Cold War sport, film, and propaganda: A comparative analysis of the superpowers // Journal of Cold War Studies. Vol. 19. No. 1. P. 160–192.
- Shorten 2018 – *Shorten R.* The Cold War as comparative political thought // Cold War History. 2018. Vol. 18. No. 4. P. 385–408.
- Westad 2005 – *Westad O.* The global Cold War: Third world interventions and the making of our times. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. XIV, 484 p.

References

- Achkasov, V.A. (2013), "Politics of identity in contemporary world", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4, pp. 71–77.
- Edelman, R. (1993), *Serious fun: A history of spectator sport in the USSR*, Oxford University Press, New York, USA.
- Edelman, R. and Young, Ch. (2020), "Introduction. Explaining Cold War sport", in Edelman, R. and Young, Ch., eds., *The whole world was watching: sport in the Cold War*, Stanford University Press, Stanford, USA, pp. 1–26.

- Fox, J.E. (2006), "Consuming the nation: Holidays, sports, and the production of collective belonging", *Ethnic and Racial Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 217–236.
- Kupriyanov, A.I., Zubkova, E.Yu., Mukhamatulin, T.A. and Prozumenshchikov, M.Yu. (2023), *Sovetskii sport v kontekstakh kholodnoi voiny* [Soviet sport in the contexts of the Cold War], Ves' mir, Moscow, Russia.
- May, E.T. (1988), *Homeward bound: American families in the Cold War era*, Basic Books, New York, USA.
- Peppard, V. and Riordan, J. (1993), *Playing politics: Soviet sport diplomacy to 1992*, JAI Press, Greenwich, USA.
- Prozumenshchikov, M.Yu. (2004), *Bol'shoi sport i bol'shaya politika* [Big sport and big politics], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Riabov, O.V., ed. (2023), "Vrag nomer odin" v simvolicheskoi politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoi voiny ["Enemy number one" in the symbolic policy of the cinematographies of the USSR and the USA during the Cold War], Aspect Press, Moscow, Russia.
- Riabov, O.V. and Riabova, T.B. (2024), "The 'Soviet Motherland' as the Cold War concept. The mother symbol of the country in the Soviet popular songs", *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 4–22
- Riordan, J. (1991), *Sport, politics, and communism*, Manchester University Press, Manchester, UK.
- Romanov, A.Yu. (2019), *Sport i kholodnaya voina* [Sport and the Cold War], vol. 1, RGPU imeni A.I. Gertsena, Saint Petersburg, Russia.
- Romanov, A.Yu. (2023), *Sport i kholodnaya voina* [Sport and the Cold War], vol. 2, RGPU imeni A.I. Gertsena, Saint Petersburg, Russia.
- Sharp, J.P. (2000), *Condensing the Cold War. Reader's digest and American identity*, University of Minnesota Press, Minneapolis, USA.
- Shaw, T. and Youngblood, D. (2017), "Cold War sport, film, and propaganda: A comparative analysis of the superpowers", *Journal of Cold War Studies*, vol. 19, no. 1, pp. 160–192.
- Shorten, R. (2018), "The Cold War as comparative political thought", *Cold War History*, vol. 18, no. 4, pp. 385–408.
- Speranskii, A.V. (2022), "Soviet sport in the post-war years: entering the world arena", *Ural'skii istoricheskii vestnik*, vol. 76, no. 3, pp. 170–178.
- Westad, O. (2005), *The global Cold War: Third world interventions and the making of our times*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Zhuravleva, V.I. (2024), "Russia and the United States as constitutive others in the national identity discourses", *Mezhdunarodnaya analitika*, vol. 15, no. 1, pp. 20–45.
- Zubkova, E.Yu. and Kupriyanov, A.I. (2020), "Professionalization of Soviet sports in the Cold War (1946–1959)", *Rossiiskaya istoriya*, no. 1, pp. 143–159.

Информация об авторе

Олег В. Рябов – доктор философских наук, профессор, Высшая школа экономики – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия; 190121, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16;

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, д. 48; riabov1@inbox.ru

Information about the author

Oleg V. Riabov, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, HSE University – Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia; 16, Soyuz Pechatnikov St., Saint Petersburg, Russia, 190121;

Herzen University, Saint Petersburg, Russia; 48, Moika River Emb., Saint Petersburg, Russia, 191186; riabov1@inbox.ru

Роль ядерной угрозы в конструировании образа США на советском телеэкране в первой половине 1980-х гг.

Игорь М. Тарбеев

*Высшая школа экономики – Санкт-Петербург,
Санкт-Петербург, Россия;
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
actimel@yandex.ru*

Аннотация. Статья обращается к роли советского телевидения конца 1970-х – начала 1980-х гг. в конструировании образа США сквозь призму ядерной угрозы. Статья ставит задачу выявить устойчивые механизмы телевизионного дискурса, через которые происходило переосмысление исторической памяти и конструирование новых символов ядерной угрозы в условиях нового витка конфронтации на последнем этапе холодной войны. Основным источником статьи являются телепрограммы «Международная панорама», «Время», «Новости» и «Прожектор перестройки», где память о Хиросиме соединялась с текущими сюжетами международной политики и становилась частью устойчивого символического ряда. В исследовании рассматриваются приемы, с помощью которых телевидение расширяло круг «жертв» ядерной эскалации: от японцев, пострадавших во время ядерной бомбардировки, до европейцев и американцев, участвовавших в протестах против гонки ядерных вооружений, что позволяло выстроить образ бесправия и фиктивности «буржуазной демократии».

Ключевые слова: советское телевидение, ядерная угроза, холодная война, гонка вооружений, Международная панорама, образ США, пропаганда

Для цитирования: Тарбеев И.М. Роль ядерной угрозы в конструировании образа США на советском телеэкране в первой половине 1980-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 52–67. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-52-67

The role of the nuclear threat in constructing the image of the United States on Soviet television in the first half of the 1980s

Igor M. Tarbeev

*HSE University – Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia;
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, actimel@yandex.ru*

Abstract. The article examines the role of Soviet television in the late 1970s and early 1980s in constructing the image of the United States through the prism of the nuclear threat. The article seeks to identify the recurring mechanisms of television discourse through which historical memory was reinterpreted and the new symbols of the nuclear threat were constructed in the context of a renewed confrontation at the final stage of the Cold War. The main sources of the study are the programs *Mezhdunarodnaya Panorama* (International Panorama), *Vremya* (Time), *Novosti* (News), and *Prozhektor perestroiki* (Spotlight on Perestroika), where the memory of Hiroshima was intertwined with the contemporary issues of international politics and became part of a stable symbolic repertoire. The analysis focuses on the techniques by which television expanded the circle of “victims” of nuclear escalation – from the Japanese affected by the atomic bombing to the Europeans and Americans participating in the protests against the nuclear arms race – thereby shaping the image of powerlessness and the illusory character of “bourgeois democracy”.

Keywords: Soviet television, nuclear threat, Cold War, Hiroshima, arms race, image of the United States, propaganda

For citation: Tarbeev, I.M. (2025), “The role of the nuclear threat in constructing the image of the United States on Soviet television in the first half of the 1980s”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 52–67, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-52-67

Введение

12 апреля 1981 г. в аналитической передаче «Международная панорама» вышел сюжет о последствиях атомной бомбардировки Хиросимы. Его появление было необычным: 35-летняя годовщина трагедии прошла годом ранее, в 1980-м, но тогда советское телевидение ее не отметило. Кроме того, днем Хиросимы традиционно считается 6 августа, когда на японский город была сброшена американская ядерная бомба «Мальш», а не 12 апреля, День космонавтики в СССР. Действительно, 9 августа 1981 г. «Международ-

ная панорама» показала еще один сюжет, посвященный первой в истории ядерной бомбардировке, на сей раз приуроченный ко дню Хиросимы.

С этого момента подобные материалы стали выходить ежегодно. Пристальное внимание к Хиросиме знаменовало собой трансформацию телевизионного дискурса о США, окончательный разрыв с политикой разрядки и новый виток конфронтации в советско-американских отношениях. Одним из важнейших элементов этого дискурса становилась тема ядерной угрозы, которую, по мнению советских идеологов, несла для всего мира внешняя политика Соединенных Штатов.

К концу 1970-х гг. хрупкое равновесие разрядки стремительно разрушалось. Уже во время президентской гонки 1976 г. Р. Рейган и Дж. Картер критиковали политику разрядки предыдущей администрации Никсона – Киссинджера – Форда как излишне про-советскую, что осложняло затянувшиеся переговоры по ОСВ-2¹. Подписанный в Вене в июне 1979 г. договор так и не стал символом продолжения диалога: в декабре того же года НАТО приняло так называемое «двойное решение» о размещении ракет средней дальности в Европе, а 25 декабря в Афганистан вошли советские войска [Рабуш 2021]. Уже в январе 1980 г. администрация Картера отозвала договор из Сената, объявила бойкот Олимпиады в Москве и ввела первые санкции против СССР.

В 1980 г. кризис усилили массовые протесты в Польше, инициированные движением «Солидарность», которые вновь поставили вопрос о реализации «доктрины Брежнева». Приход к власти нового президента от Республиканской партии Р. Рейгана в 1981 г. лишь углубил конфронтацию – новый президент даже направил советскому руководству предостережение о том, что не допустит силового решения польского вопроса со стороны СССР [Збоев 2016]. Если Дж. Картер еще пытался сочетать ограниченную разрядку с критикой советской политики [Воробьева, Юнгблюд 2019], то Рейган взял курс на масштабное наращивание военных расходов и демонстративно жесткую риторику – кульминацией стала его речь 1983 г. об «империи зла» [Хворостяный 2006]. Эти шаги обозначили окончательный разрыв с политикой разрядки и переход к новому витку противостояния [Батюк 2018].

¹ В 1976 г. Р. Рейган проиграл праймериз в республиканской партии Дж. Форду в том числе из-за своей более радикальной позиции. Активное использование «демонического» образа СССР в рамках президентской кампании высмеивалось и американской прессой. См.: [Журавлёва 2023].

Важнейшей частью новой конфигурации советско-американских отношений стала именно проблема ядерного оружия и образ нависшей ядерной войны. В ноябре 1983 г. США приступили к размещению способных нести ядерный заряд ракет средней дальности «Першинг-II» в Западной Европе, что резко сокращало «время подлета» до Москвы. Советское руководство, действовавшее в логике операции «РЯН» (акроним для «ракетно-ядерного нападения»), начатой КГБ в 1981 г. для выявления признаков возможного внезапного удара, воспринимало эти шаги как прямую подготовку к войне. На этом фоне учения НАТО *Able Archer 83* были восприняты в Москве как прикрытие реальной атаки. По уровню риска ситуация сравнивалась с Карибским кризисом [Zubok 2007].

К сожалению, несмотря на множество работ, посвященных последнему этапу конфронтации в советско-американских отношениях, в отечественной и зарубежной историографии специально не рассматривалась роль советского телевидения в конструировании враждебного образа США как ядерной сверхдержавы в этот период. Подобное исследование не проводилось и в рамках растущего интереса к изучению советского телевидения, история которого пока что привлекает зарубежных ученых сама по себе и не касается имагологического измерения международных отношений [Roth-Eu 2011, Эванс 2024].

В данной статье анализируется трансформация телевизионного образа США под влиянием событий конца 1970 – начала 1980-х гг. В центре внимания – конструирование образа ядерной угрозы, поскольку именно проблема гонки ядерных вооружений оказалась в центре двусторонних отношений в тот момент. Основными источниками послужили видеосюжеты из передач «Международная панорама», «Время», «Новости», «Прожектор перестройки», а также других советских телепередач. Методологическая база опирается на конструктивистский подход; ключевыми инструментами выступают дискурс- и семиотический анализ, позволяющие исследовать как закадровый нарратив, так и визуальный ряд.

Хиросима как символическое пространство ядерной угрозы

В уже упомянутом сюжете «Международной панорамы» от 12 апреля 1981 г. США не упоминаются вовсе. Предложивший встретиться в хиросимском музее атомной бомбы «президент

японской Академии наук»², физик-теоретик К. Фусими, у которого взял интервью советский тележурналист-востоковед В.Я. Цветов, даже не упомянул, какая страна сбросила бомбы на японский город. Вместо этого сюжет ярко демонстрирует трагические последствия применения ядерного оружия: Фусими, показывая макет Хиросимы в момент ядерного удара, рассказывает о количестве жертв и масштабах разрушений. Кроме того, Цветов взял интервью у жертвы ядерной бомбардировки, посвятившего свою жизнь борьбе с распространением ядерного оружия³.

Несмотря на отсутствие каких-либо упоминаний главного виновника трагедии, контекст выхода телесюжета позволяет однозначно вписать его в антиамериканский дискурс. Благодаря небольшой исторической дистанции (всего 36 лет) и широкой известности истории ядерной бомбардировки Японии, Соединенные Штаты, хоть и остаются неназванными, все же незримо присутствуют в выпуске «Международной панорамы». Кроме того, ролик появляется в очень определенном контексте: решение о размещении в Западной Европе ракет «Першинг-II», способных нести ядерный заряд, широко освещается в советской прессе. На прошедшем 23 февраля 1981 г. XXVI съезде КПСС Генеральный секретарь Л.И. Брежнев посвятил большой блок международной части своего доклада опасности ядерной гонки вооружений⁴.

Помещенный в этот контекст телесюжет о последствиях ядерного удара по Хиросиме превращался в миф, совершая символическую трансформацию, описанную Р. Бартом. Подобно тому, как чернокожий солдат на обложке журнала «Пари-матч» в контексте Алжирской войны превращается в символ французской империи и ответ «хулителям колониализма» [Барт 2014], трагедия Хиро-

² В.Я. Цветов адаптирует для советского телезрителя название Научного совета Японии – главного научного объединения ученых в Стране восходящего солнца, президентом которого был К. Фусими. В Японии также существует Академия наук, однако ее президентом в 1981 г. был ученый-экономист Х. Арисава.

³ О последствиях атомной бомбардировки Хиросимы. Международная панорама. Эфир 12 апреля 1981 // Советское телевидение. Гостелерадиофонд. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IPhh1USVj3M> (дата обращения: 01.09.2025).

⁴ Отчет Центрального комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики: Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л.И. Брежнева // Советская культура. 1981. 24 февр. С. 3–4.

символ превращается в иллюстрацию агрессивности американского империализма, который единственный раз в истории использовал ядерное оружие, а ныне эскалирует гонку ядерных вооружений. В то время как видеоряд демонстрирует наглядные свидетельства американской военной мощи, закадровый голос переводит слова К. Фусими, поддержавшего мирные инициативы Советского Союза в области ядерного вооружения и предложение Л.И. Брежнева о создании международного научного комитета по борьбе против ядерной войны.

Визуальный и нарративный символ ядерной угрозы, исходящей от США, противопоставляемый советским мирным инициативам, которые были поддержаны единственной в мире страной-жертвой боевого применения ядерного оружия, позволяет создать оппозицию «Я – Другой» даже в условиях формального отсутствия американского «Другого». Этот прием позволял советской пропаганде вписывать сюжеты о Хиросиме, которые в 1980-х гг. выходили как минимум раз в год, в антивоенный и антиамериканский дискурс даже без упоминания США. Однако уже вскоре советские журналисты предпочли артикулировать этот дискурс более явно.

Следующий выпуск «Международной панорамы», посвященный годовщине трагедии – Дню Хиросимы – уже прямо указывал на виновных, тем самым явно артикулируя как напряженность советско-американских отношений, так и оппозицию «Я – Другой». Известный эксперт-международник, дипломат Г. Герасимов спокойно и авторитетно рассказывает зрителю о том, что «Хиросима и Нагасаки были не столько последними битвами завершающейся Второй мировой войны, сколько первыми битвами зарождавшейся холодной войны»:

«Разум и безрассудство. Разум расщепил атом, а безрассудство воспользовалось. Ученые с бомбой опоздали: к первому испытательному взрыву в июле 1945 г. Германия стояла на коленях, Япония была накануне того, чтобы запросить о пощаде. Опоздав, ученые обратились к американскому правительству с просьбой воздержаться от использования нового оружия под занавес заканчивавшейся войны. Но они сделали свое дело, и дальше решали уже политики. <...>

Ученые и инженеры, занятые в проекте по созданию атомной бомбы, возможно, думали, что защищают мир от фашизма. Но их руководитель генерал Гровс не был столь наивен и позднее он вспоминал: «Через две недели после того, как я стал во главе работ, я уже не сомневался в том, что они ведутся на основе принципа, согласно которому врагом является Россия». Принцип остался и по сей день.

На его основе после “Манхэттена” осуществлено и осуществляется множество других жестоких проектов»⁵.

Обличение виновника ядерной бомбардировки, содержащееся в этой подводке к видеорепортажу о мемориальной церемонии в Хиросиме, с помощью того же, но на сей раз явно артикулированного приема увязывает современные проблемы советско-американских отношений с трагедией прошлого. В таком контексте кадры траурной процессии и торжественные слова мэра Хиросимы о недопустимости повторения применения ядерного оружия становятся инструментом критики современной американской политики, напоминанием о последствиях «безрассудства политиков и генералов» и «имперского самоутверждения США»⁶.

В последующие годы этот дискурс продолжал развиваться. Например, в августе 1985 г. в приуроченном к сороковой годовщине трагедии выпуске говорится:

«Это была неделя, снова взывавшая к памяти, совести и разуму человечества. К памяти о трагедии Хиросимы и Нагасаки. Сорок лет тому назад они были испелены двумя первыми американскими атомными бомбами. Совесть человечества вновь судила тех океанских политиков и генералов, которые отдали приказ бросить эти бомбы на беззащитные города. Приговор гласит: “Милитаризм виновен”»⁷.

Характерной особенностью конструирования враждебного американского Другого, от которого исходит угроза ядерной войны, на советском телеэкране становится демонстрация ужасов «имперского самоутверждения США» через его жертв.

Реактуализация образа Хиросимы как результата безрассудства американских политиков и генералов естественным образом превращает и японцев в жертв Второй мировой войны. До нового витка конфронтации в начале 1980-х гг. термин «милитаризм» в советском публичном дискурсе во многом ассоциировался с

⁵ День Хиросимы. Международная панорама. Эфир 9 августа 1981 (00:00 – 01:45) // Советское телевидение. Гостелерадио. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0-N9fwJE2cc> (дата обращения: 01.09.2025).

⁶ Там же.

⁷ К 40-летию бомбардировки Хиросимы. Международная панорама. Эфир 11 августа 1985 (00:00 – 00:30) // Советское телевидение. Гостелерадио. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FpOboKj70ks> (дата обращения: 01.09.2025).

характеристикой именно японского государства 1930–1940-х гг. Кроме того, ранее в советских документальных телефильмах Японии внимание зрителя не акцентировали на Хиросиме и Нагасаки, часто обходясь одной-двумя общими фразами⁸. Такой образ Японии в СССР легко объясним непростыми и часто напряженными отношениями между двумя странами, которые даже не заключили мирный договор после окончания Второй мировой войны. Япония воспринималась советским руководством как главный форпост США в Тихоокеанском регионе.

Именно в контексте напряжения советско-американских отношений 1980-х гг. японцы превращаются в жертв, а ежегодная коммеморация бомбардировки транслируется советским телевидением⁹. Демонстрация опасности гонки ядерных вооружений конструируется через образ ее жертв – и не только непосредственных жертв ядерных ударов. Круг жертв непрерывно расширяется, вовлекая все больше людей, что позволяет провести традиционное для советского идеологического дискурса разделение на обычных людей и анонимных разжигателей войны.

Новые жертвы ядерной бомбы

Мы уже видели, как в «Международной панораме» проводилось это четкое разграничение между учеными, которые стремились защитить мир от фашизма и призывали не использовать бомбу, и военно-политическим руководством страны, принявшим решение о нанесении ядерных ударов по мирному населению

⁸ См. например: Это – Япония (1969) // Советское телевидение. Гостелерадио. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=E11QPDRrkN4> (дата обращения: 01.09.2025).

⁹ Интересно, что в советском кино тема Хиросимы и образ японцев как жертв войны возникали даже в период разрядки, ярким примером чему служит фильм А. Митты «Москва, любовь моя», вышедший на экраны в 1974 г. Таким образом, советские политические обозреватели старались лишний раз не затрагивать эту тему, несмотря на то, что никакого табу на нее не существовало, а советские кинематографисты могли создавать трогательные истории о японских жертвах войны. Проверка этой гипотезы о различии визуальных жанров требует дальнейших исследований как в области более глубокого изучения советского телевидения 1970–1980-х гг., так и в сфере компаративного анализа телевизионных и кинематографических дискурсов о японском и американском Другом.

японских городов для устрашения Советского Союза¹⁰. Однако и обычных военных можно включить в число жертв ядерной бомбы. Так, в выпуске 1985 г. после обличения политиков и генералов телеведущий рассказывает о Поле Брегмане, который 9 августа 1945 г. служил штурманом во время налета на Нагасаки. Накануне сороковой годовщины бомбардировки «уже давно находившийся в подавленном состоянии» Брегман был найден повесившимся в своем доме в Калифорнии¹¹. Кроме того, в сюжете рассказывается о пилоте П. Тиббетсе, который характеризуется как «образцовый офицер, дисциплинированный, набожный, держащий в строгости экипаж и готовый выполнить все, что ему поручат»¹², т. е. обладающий вполне положительными качествами для военного человека. Получается, жертвами ядерной бомбы, оказавшейся в руках у «заокеанских политиков и генералов», становятся простые и честные люди – ученые и военные, которые хотели честно служить своей стране.

Жертвами выступает и мирное население других стран. К примеру, 2 апреля 1982 г. в программе «Новости» вышел репортаж из небольшого городка Хаттенбах в ФРГ. Дело в том, что в рамках усиления контингента в Западной Европе и размещения ракет с ядерными боеголовками в ФРГ американские военные начали проводить учения и разрабатывать планы предполагаемой войны. «Так вот, в этих учениях Хаттенбах фигурирует как цель ядерного

¹⁰ День Хиросимы. Международная панорама. Эфир 9 августа 1981 (00:00 – 01:45) // Советское телевидение. Гостелерадио. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0-N9fwJE2cc> (дата обращения: 01.09.2025); К 40-летию бомбардировки Хиросимы. Международная панорама. Эфир 11 августа 1985 (00:00 – 00:30) // Советское телевидение. Гостелерадио. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FpOboKj70ks> (дата обращения: 01.09.2025).

¹¹ К 40-летию бомбардировки Хиросимы. Международная панорама. Эфир 11 августа 1985 (00:34 – 01:15) // Советское телевидение. Гостелерадио. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FpOboKj70ks> (дата обращения: 01.09.2025). Судя по всему, советские журналисты цитируют это сообщение United Press International: Navigator from Nagasaki bombing raid commits suicide // UPI Archives. Aug. 5, 1985. URL: <https://www.upi.com/Archives/1985/08/05/Navigator-from-Nagasaki-bombing-raid-commits-suicide/8259492062400/> (дата обращения: 01.09.2025).

¹² К 40-летию бомбардировки Хиросимы. Международная панорама. Эфир 11 августа 1985 (00:34 – 01:15) // Советское телевидение. Гостелерадио. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FpOboKj70ks> (дата обращения: 01.09.2025).

удара, наносимого американцами в будущей войне. Не только на жителей Хаттенбаха и округи, но и на всю общественность страны этот факт произвел ошеломляющее впечатление, ибо Хаттенбах, в данном случае, выступает лишь как символ судьбы, уготованной американскими стратегами сотням населенных пунктов ФРГ, всей стране, превращаемой в плацдарм планируемой американцами ограниченной ядерной войны»¹³. Советский тележурналист берет интервью у местного священника, который, разумеется, шокирован этими новостями и выступает решительно против американских ракет на территории ФРГ.

Простые граждане представляются одновременно жертвами потенциальной ядерной войны и своих правительств. В то время как они выходят на массовые протесты против американского ядерного оружия, власти продавливают политику милитаризации.

Так, например, размещение ракет в Германии и поддержка правительством ФРГ программы СОИ (Стратегическая оборонная инициатива, которую журналисты прозвали «звездными войнами») позволяет журналистам провести традиционную [Журавлёва 2023] для советского визуального дискурса о США нацификацию американского и немецкого Других:

«Хотя уходящий 1985 год был необычным – это год 40-летия разгрома фашистской Германии. И в ФРГ год прошел под знаком юбилея: здесь много говорили и писали об уроках прошлого, звучали клятвенные заверения, что урок истории усвоен и что с немецкой территории никогда больше не будет исходить большая война. Так заверяли на словах. Но одновременно при официальной поддержке активизировались реваншистские силы, подняли голову неонацисты. “Вечно вчерашних” вдохновил Битбург, где федеральный канцлер вместе с американским президентом воздал почести солдатам гитлеровского вермахта – включая эсэсовцев»¹⁴.

¹³ Американское ядерное оружие в ФРГ. Новости. Эфир 2 апреля 1982 (00:40 – 01:20) // Советское телевидение. Гостелерадио. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c4ueqwfomEs> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁴ Речь идет о посещении Рейганом и Колем концлагеря Берген-Бельзен 5 мая 1985 г. До этого президент США отказался посетить концлагерь Дахау, чтобы не «послать немецкому народу неверный сигнал». Вместо этого Рейган посетил мемориальное кладбище немецких солдат в Берген-Бельзене и возложил венок, чтобы «подчеркнуть дух примирения» между двумя бывшими врагами. Оказалось, что вместе с рядовыми солдатами Вермахта в Берген-Бельзене похоронены 49 военнослужащих Ваффен-СС, что вызвало резкую критику прежде всего со стороны еврейского сооб-

Год уходящий отмечен и размещением на территории ФРГ всех 108 американских ядерных ракет “Першинг-II”. А в самый канун Нового года в Бонне принято решение начать с американцами переговоры об участии в программе космических вооружений. И в вопросе размещения американских атомных ракет первого удара, и в вопросе участия в американской программе космических вооружений Бонн действует вразрез с волей большинства населения собственной страны»¹⁵.

Предыдущий сюжет в этой же программе новостей показывал, что у рядовых немцев совсем иные заботы: предпраздничная суета и экономические трудности, вынудившие миллионы жить за чертой прожиточного минимума¹⁶. Милитаризации сопротивляются и простые жители Японии, к примеру, население острова Мияко, где США собирается построить военную базу. В то время как простые рыбаки опасаются шума и военного присутствия, Токио давит на островитян, угрожая заблокировать деньги, выделенные на восстановление инфраструктуры после недавнего землетрясения¹⁷.

Таким образом, число пострадавших от «американского империализма» и гонки ядерных вооружений неуклонно растет. Волна массовых демонстраций, прокатившихся по Европе и США [Knoblauch 2017; Rojecki 1999; Fazzi 2016], интерпретируется в советском телевизионном дискурсе как борьба против «безрассудства политиков и генералов». Кроме того, символическая трансформация, основанная на сочетании контекста происходящего, кадрового нарратива и визуального ряда, подчеркивала отсутствие реальной демократии, бесправность жертв ядерного милитаризма.

Так, рассказывая о протестах против размещения американского ядерного оружия в Греции, комментатор подчеркивает, что манифестации проходят на «земле Эллады», а премьер-министр страны,

щества в США. См.: *Skelton G.* Reagan to honor German war dead on V-E Day Trip // Los Angeles Times. 1985. April 12. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1985-04-12-mn-7772-story.html> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁵ Международная панорама. Эфир 31.12.85 (24:00 – 25:30) // Советское телевидение. Гостелерадио. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tAGLv4vtGM&list=PL40OiiJw6-gcSoQXec0hLHoIeBDqzLKRq&index=75> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁶ Там же. (22:00 – 24:00).

¹⁷ Международная панорама. Американские военные базы в Японии. 03.08.1986 г. (04:00 – 10:00) // Советское телевидение. Гостелерадио. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_u3U5ll-Nso&t=69s (дата обращения: 01.09.2025).

сопротивляясь давлению США, ссылается на парламент, который должен вынести решение демократическим путем¹⁸. Два года спустя, в 1987 г., сюжет программы «Время», посвященный протестам в Греции, акцентирует внимание (и визуальными средствами, и закадровым нарративом) на том, что они проходят на фоне древнего Акрополя¹⁹. Апелляция к истории Древней Греции, которая, как известно любому образованному советскому зрителю²⁰, является колыбелью западной демократии, создает новый символический слой, который ярко демонстрирует, насколько мало современные греки могут сделать против давления США.

Освещая протесты в Великобритании против размещения американских крылатых ракет, советский журналист говорит: «Отношение рядовых англичан к милитаристским приготовлениям Рейгана и Тетчер чувствовалось и у цитадели британской буржуазной демократии – британские сторонники мира установили у входа в парламент свои пикеты. На плакатах предельно ясные требования: “Нет крылатым ракетам, нет американским ядерным базам!”»²¹.

Несмотря на протесты, английский парламент одобрил размещение ракет на британских островах. В ответ на это британцы инициировали массовые протесты около американской военной базы, которую пришлось усилить дополнительными батальонами. «Британские женщины на днях продемонстрировали властям свою решимость преградить дорогу ядерной смерти. Более тысячи женщин смели на многих участках проволочные ограждения вокруг базы. Полиция и солдаты военной охраны вступили в настоящий бой

¹⁸ Международная панорама. Эфир 31.12.85 (31:00 – 34:30) // Советское телевидение. Гостелерадио. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tAGLvp4vtGM&list=PL40OiiJw6-gcSoQXec0hLHoleBDqzLK Rq&index=75> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁹ Время. Проектор перестройки. Эфир 10 августа 1987 (13:50 – 14:50) // Советское телевидение. Гостелерадио. URL: https://www.youtube.com/watch?v=FEFLQvTMbWs&list=PL40OiiJw6-gc4FH_Douwo21N3Cah7Vyua&index=14 (дата обращения: 01.09.2025).

²⁰ Исследователи телевидения в СССР обращают внимание на тот факт, что аналитические и информационные передачи замышлялись руководством Гостелерадио и другими чиновниками как интеллектуальные беседы, в которых участвует как авторитетный ведущий-эксперт, так и телезритель, диалог с которым должен быть глубоким и осознанным. См. подробнее: [Roth-Ey 2011, p. 266–268; Эванс 2024, с. 216–229].

²¹ Международная панорама. Эфир 06.11.1983 (13:30 – 13:45) // Советское телевидение. Гостелерадио. URL: https://www.youtube.com/watch?v=tLe4Jl_Qpk8 (дата обращения: 01.09.2025).

со сторонниками мира. Бой, конечно, неравный. Сто восемьдесят человек было арестовано, многие из них предстанут перед судом». Видеоряд показывает столкновения протестующих женщин с полицией. После завершения видеорепортажа зритель переносится обратно в студию, где ведущий Г. Герасимов уже без визуальной демонстрации рассказывает последние новости: «Создано четыре пояса обороны базы. Обороны от англичан!»²².

В число жертв американского ядерного милитаризма попадают не только арестованные британские женщины, но и сами американцы. В эфире программы «Время» от 10 августа 1987 г. было показано несколько видеорепортажей. Сперва говорилось о антивоенной манифестации в Афинах, которая была уже упомянута выше. Затем – об инициативе Министерства юстиции РСФСР о признании ядерного оружия незаконным во всем мире. Наконец, начинается сюжет об антивоенных демонстрациях в США, которые были приурочены к 42-й годовщине бомбардировки Хиросимы. Полиция «учинила жестокую расправу» над участниками акций протеста близ атомного военного предприятия в штате Колорадо – 217 из них были арестованы. Видеоряд демонстрирует кадры жестких арестов демонстрантов²³. Такая последовательность репортажей позволяет не только продемонстрировать очередных жертв ядерной эскалации, но и подчеркнуть собственную миротворческую позицию.

* * *

Итак, советское телевидение начала 1980-х гг. сделало тему ядерной угрозы центральным элементом в конструировании образа США. Реактуализация бомбардировки Хиросимы позволила связать трагедию прошлого с современным витком конфронтации и превратить ее в устойчивый символический миф о неизменной агрессивности американского милитаризма. Даже при отсутствии прямых упоминаний виновника контекст неизбежно указывал на Соединенные Штаты как источник опасности для всего мира.

Важным механизмом формирования образа угрозы стало расширение круга жертв ядерной эскалации: от японцев и ученых, которые выступали против применения бомбы, до европейцев, оказавшихся в эпицентре потенциальной «ограниченной ядерной войны», и самих американцев, участвовавших в протестах. Этот

²² Там же. (14:00 – 16:50).

²³ Время. Проектор перестройки. Эфир 10 августа 1987 (18:40 – 19:20) // Советское телевидение. Гостелерадио. URL: https://www.youtube.com/watch?v=FEFLQvTMbWs&list=PL40OiiJw6-gc4FH_Douwo21N3Cah7Vyua&index=14 (дата обращения: 01.09.2025).

мотив жертвенности дополнялся демонстрацией бесправия: массовые выступления против ракет и программы СОИ оказывались бессильными перед решениями политиков и генералов. Таким образом, западные демократии изображались как фикция, давно утратившая свое истинное значение: демонстрации на фоне Акрополя и британского парламента не способны остановить гонку ядерных вооружений, а оборачиваются лишь массовыми арестами.

В итоге образ США, сосредоточенный вокруг «безрассудства» политиков, обладающих невероятным оружием, емко выразил ведущий «Международной панорамы» А.Е. Бовин, процитировав шекспировского Ричарда III: «Ведь совесть – слово, созданное трусом, чтоб сильных напугать и остеречь. Кулак нам совесть, а закон нам – меч!»²⁴.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда по гранту № 22-18-00305-П

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant No. 22-18-00305-П.

Литература

- Барт 2014 – *Барт Р.* Мифологии. М.: Академический проект, 2014. 351 с. (Философские технологии)
- Батюк 2018 – *Батюк В.И.* Холодная война между США и СССР (1945–1991 гг.): Очерки истории. М.: Весь мир, 2018. С. 195–230.
- Воробьева, Юнгблюд 2019 – *Воробьева Т.А., Юнгблюд В.Т.* Взаимоотношения в треугольнике США – СССР – КНР в конце периода разрядки международной напряженности (1977–1980 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 1 (64). С. 59–82.
- Журавлёва 2023 – *Журавлёва В.И.* «Холодная война образов» в политической карикатуристике: американское мессианское послание vs советское // История:

²⁴ Международная панорама. Эфир 31.12.85 (44:20 – 45:00) // Советское телевидение. Гостелерадио. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tAGLv4vtGM&list=PL40OiiJw6-gcSoQXec0hLHoIeBDqzLK Rq&index=75> (дата обращения: 01.09.2025).

- Электронный научно-образовательный журнал. 2023. Вып. 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1> (дата обращения: 01.09.2025).
- Збоев 2016 – *Збоев А.В.* Участие США в ослаблении советского влияния в Восточной Европе в период президентства Р. Рейгана (1981–1989 гг.) // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 12. С. 54–63.
- Рабуш 2021 – *Рабуш Т.В.* Союзники СССР и советская политика в Афганистане в 1980-е годы // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 185–201.
- Хворостяный 2006 – *Хворостяный А.А.* Теоретические основы доктрины национальной безопасности администрации Р. Рейгана // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 2 (134). С. 37–41.
- Эванс 2024 – *Эванс К.* Между «Правдой» и «Временем»: История советского Центрального телевидения. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 400 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)
- Fazzi 2016 – *Fazzi D.* The Nuclear freeze generation: The early 1980s anti-nuclear movement between “Carter’s Vietnam” and “Euroshima” // A European youth revolt. Palgrave studies in the history of social movements in the 1980s / ed. by K. Andresen, B. van der Steen. L.: Palgrave Macmillan, 2016. P. 145–158.
- Knoblauch 2017 – *Knoblauch W.M.* Nuclear freeze in a Cold War: The Reagan administration, cultural activism, and the end of the arms race. Amherst: University of Massachusetts Press, 2017. 168 p. (Culture and Politics in the Cold War and Beyond)
- Rojecki 1999 – *Rojecki A.* Silencing the opposition: Antinuclear movements and the media in the Cold War. Urbana: University of Illinois Press, 1999. 220 p.
- Roth-Ey 2011 – *Roth-Ey K.* Moscow prime time: How the Soviet Union built the media empire that lost the cultural Cold War. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2011. 315 p.
- Zubok 2007 – *Zubok V.M.* A failed empire. The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007. 504 p.

References

- Bart, R. (2014), *Mifologii* [Mythologies], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.
- Batiuk, V.I. (2018), *Kholodnaya voina mezhdu SShA i SSSR (1945–1991 gg.): Ocherki istorii* [The Cold War between the USA and the USSR (1945–1991). Notes on history], Ves’ mir, Moscow, Russia, pp. 195–230.
- Evans, C. (2024), *Mezhdu “Pravdoi” i “Vremenem”: Istoriya sovetskogo Tsentral’nogo televideniya* [Between “Pravda” and “Vremya”: A history of Soviet Central television], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia. (*Biblioteka zhurnala “Neprikosnovennyi zapas”*)
- Fazzi, D. (2016), “The Nuclear freeze generation: The early 1980s anti-nuclear movement between ‘Carter’s Vietnam’ and ‘Euroshima’”, in Andresen, K. and Steen, van der, B., eds., *A European Youth Revolt*, Palgrave studies in the history of Social movements, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 145–158.

- Khvorostyanyj, A.A. (2006), "Theoretical foundations of the National Security Doctrine of the Reagan administration", *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, vol. 134, no. 2, pp. 37–41.
- Knoblauch, W.M. (2017), *Nuclear freeze in a Cold War: The Reagan administration, cultural activism, and the end of the arms race*, University of Massachusetts Press, Amherst, USA. (*Culture and Politics in the Cold War and Beyond*)
- Rabush, T.V. (2021), "Allies of the USSR and Soviet policy in Afghanistan in the 1980s", *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 3, pp. 185–201.
- Rojecki, A. (1999), *Silencing the opposition: Antinuclear movements and the media in the Cold War*, University of Illinois Press, Urbana, USA.
- Roth-Ey, K. (2011), *Moscow prime time: How the Soviet Union built the media empire that lost the cultural Cold War*, Ithaca, NY, USA.
- Vorob'yova, T.A. and Yungblud, V.T. (2019), "Relations within 'Triangle' USA – USSR – China at the end of détente (1977–1980)", *MGIMO Review of International Relations*, vol. 64, no. 1, pp. 59–82.
- Zboev, A.V. (2016), "USA participation in weakening the Soviet influence in Eastern Europe during the presidency of R. Reagan (1981–1989)", *Herald of Vyatka State University*, no. 12, pp. 54–63.
- Zhuravleva V. (2023), "The Cold War of images in political cartoons: the American messianic concept vs the Soviet messianic concept", *Istoriya: Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*, vol. 132, iss. 10, available at: <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1> (Accessed 1 Sept. 2025).
- Zubok, V.M. (2007), *A failed empire. The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*, University of North Carolina Press, Chapel Hill, USA.

Информация об авторе

Игорь М. Тарбеев, кандидат исторических наук, Высшая школа экономики – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия; 190068, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 123;

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32а; actimel@yandex.ru

Information about the author

Igor M. Tarbeev, Cand. of Sci. (History), HSE University – Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia; 123, Griboyedov Canal Emb., Saint Petersburg, Russia, 190068;

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; actimel@yandex.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327.3

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-68-83

MERCOSUR as a political project: the features of integration and the prospects for evolution

Aleksandr V. Malov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, malov.pvo@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the study of the Common Market of South American Countries (MERCOSUR). With the help of the subject-institutional, geopolitical, historical-philosophical approaches, synthesized with the methods of the predictive, strategic, and situational analysis, the author verified the integration impulses of MERCOSUR, as well as predicted the direction of development of that intergovernmental organization. By means of a case study method and the principle of unity of the logical and the historical, the author identified the political integration impulses (footholds) and outlined the strategic development prospects (points of growth) of MERCOSUR, which contributed to the strengthening of the bloc as a self-sufficient geopolitical unit. In particular, the author proves that the integration impulses of the MERCOSUR project are the processes of “Bipolarization”, “Pacification”, “Interregionalization”, “Democratization” and “Autonomization”. At the same time, the author predicts that the direction of the development of this organization will be based on the concepts of “Nearshoring” and “Friendshoring”, contributing to the structuring of new logistics routes and the optimization of the existing supply chains, which will be adjusted for the territorial proximity and the political loyalty of the independent MERCOSUR member countries.

Keywords: MERCOSUR, Latin America, nearshoring, friendshoring, globalization

For citation: Malov, A.V. (2026), “MERCOSUR as a political project: the features of integration and the prospects for evolution”, *RSUH/ RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 68–83, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-68-83

МЕРКОСУР как политический проект: особенности интеграции и перспективы эволюции

Александр В. Малов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, malov.pvo@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена изучению проекта «Общего рынка стран Южной Америки – МЕРКОСУР». Корпус субъектно-институционального, геополитического и историко-философского подходов, синтезированный с методами прогностического, стратегического и ситуационного анализа, способствовали как определению интеграционных импульсов блока МЕРКОСУР, так и прогнозированию вектора развития этой межправительственной организации. При помощи метода кейс-стади и принципа единства логического и исторического были определены политические особенности интеграции («точки опоры») и обозначены стратегические перспективы развития («точки роста») блока МЕРКОСУР, способствующие укреплению последнего в статусе самостоятельной геополитической единицы. В частности, доказывается, что интеграционными импульсами проекта МЕРКОСУР выступают процессы «биполяризации», «пацифизации», «межрегионализации», «демократизации» и «автономизации». Наравне с этим прогнозируется, что вектор развития этой организации будет опираться на концепции «ниршоринга» и «френдшоринга», способствуя структуризации новых логистических маршрутов и оптимизации ныне действующих цепочек поставок, выстроенных с поправкой на территориальную близость и политическую лояльность независимых стран-участниц МЕРКОСУР.

Ключевые слова: МЕРКОСУР, Латинская Америка, ниршоринг, френдшоринг, глобализация

Для цитирования: Малов А.В. МЕРКОСУР как политический проект: особенности интеграции и перспективы эволюции // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 68–83. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-68-83

Introduction

The collapse of the Import Substitution Industrialization model (*ISI*), which was triggered by the Latin American debt crisis of the 1970s, encouraged most South American countries to choose a different experimental path for economic growth, involving the removal of trade barriers and the promotion of competitive exports through the

adaptation of world-class technologies [Briceño-Ruiz 2013, pp. 9–39]. The initial reaction to the growing global crisis was the introduction of prescriptions for Economic stabilization, Structural adjustment programs (*SAPs*) and Shock therapy, which prescribed the transition of States to an export-oriented development model. At this crucial moment, the MERCOSUR project was modeled as a platform for sub-regional trade and economic liberalization, which helps its member countries to consistently open up to the emerging global market, preempt the regional crisis and adapt to a new form of collective security [Velasco e Cruz 2022, pp. 189–209].

MERCOSUR: the emergence and formation of a political unit

The project of the Common Market of the South (Span. – *Mercado Común del Sur: MERCOSUR*) was created in 1991 during the ratification of the Treaty of Asunción (Span. – *Tratado de Asunción*¹) by the Presidents of Argentina, Brazil, Paraguay and Uruguay, which provides for the gradual leveling of trade barriers, the consistent introduction of a single external tariff and the methodical coordination of macroeconomic policies of the alliance members [Esteradeordal, Goto, Saez 2001, pp. 180–202]. The successful completion of the first “transit phase”, which symbolized the process of the bloc’s evolution from a “Free trade Zone” to a “Customs Union” [Molle 1994, pp. 10–12], was recorded on December 17, 1994, during the signing of the Protocol of Ouro Preto (Span. – *Protocolo de Ouro Preto*²) by officials of four Latin American states. Since then, MERCOSUR has acquired a formal institutional structure, gaining the status of an international legal entity [Seitenfus, Ventura 2003], an intergovernmental organization with no supranational governing bodies [Carranza 2011, pp. 27–62].

As of May 2025, the Argentine Republic, the Federative Republic of Brazil, the Republic of Paraguay and the Oriental Republic of Uruguay are full participants and the main “concessionaires” (financial guarantors) MERCOSUR (which ratified the decision on its creation in

¹ Mercosur. URL: <https://www.mercosur.int/documentos-y-normativa/normativa/> (дата обращения 12.05.2025).

² Protocolo de Ouro Preto (Adicional al Tratado de Asunción sobre la Estructura Institucional del MERCOSUR), de 17 de diciembre de 1994. URL: <https://www.mercosur.int/documento/protocolo-ouro-preto-adicional-tratado-asuncion-estructura-institucional-mercosur/> (дата обращения 12.05.2025).

March 1991)³. The fifth full member of the association, whose participation has been suspended since 2016 (in accordance with the provisions of the second paragraph of Article No. 5 of the Ushuaia Protocol⁴), is the Bolivarian Republic of Venezuela.

The Plurinational State of Bolivia is the sixth full member of MERCOSUR. The integration of Bolivia began in 2012, and the protocol on its accession was signed in 2015 and required ratification by the parliaments of all member countries of the bloc. The upper house (Federal Senate) of the National Congress of Brazil (which remained the last country not to do so) approved Bolivia's accession at the end of November 2023. The law on joining MERCOSUR was submitted to the Plurinational Legislative Assembly on December 15, 2023, and on June 14, 2024, the document was approved by the Chamber of Deputies (Span. – *Cámara de Diputados*), and on July 3, 2024, by the Chamber of Senators (Span. – *Cámara de Senadores*). After the protocol was approved by a unanimous vote of lawmakers, the law was promulgated on July 7, 2024 by President Luis Alberto Arce. After the process of handing over the Instrument of ratification of the Protocol on Accession to MERCOSUR, Bolivia committed itself to adopt the entire package of regulatory measures of the bloc within a four-year period and consolidate free mutual trade with its full participants. However, it should be added that, along with full members, the associated members of MERCOSUR are the Republic of Chile, the Republic of Colombia, the Republic of Ecuador, the Co-operative Republic of Guyana, the Republic of Peru, the Republic of Suriname (see Figure No. 1).

Nowadays, the MERCOSUR project is a symbol of the “New [Söderbaum 2003, pp. 1–2]” / “Strategic [Axline 1999, pp. 11–74]” regionalism, which is at the next stage (according to W. Molle's classification) of its development, characterized by a movement from the “Customs Union” to the “Common Market” [Molle 1994, pp. 10–12]. However, before assessing the degree of reactivity in moving along a given route, it is necessary to establish the true foundations for the consolidation of the MERCOSUR bloc itself, which go beyond the boundaries of trade and market cooperation of Latin American countries (outlined by economism).

³ Mercosur. URL: <https://www.mercosur.int/en/about-mercursosur/mercursosur-countries/> (дата обращения 12.05.2025).

⁴ Protocolo de Ushuaia sobre Compromiso Democrático en el MERCOSUR, la Republica de Bolivia y la Republica de Chile, de 27 de junio de 1992. URL: <https://www.mercosur.int/documento/protocolo-ushuaia-compromiso-democratico-mercursosur-bolivia-chile/> (дата обращения 28.08.2024).

*Fig. 1. MERCOSUR Project Participant Card
(according to statistics for 2025).*

Source: CFR.org Editors. Mercosur:

South America's Fractious Trade Bloc. – 12 December 2024.

URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/mercosur-south-americas-fractious-trade-bloc#chapter-title-0-3> (дата обращения 12.05.2025)

Political integration impulses (footholds) of MERCOSUR

Agreeing with the opinion of a number of foreign researchers [Ferrer 2000, pp. 39–44], we note that the emergence of the MERCOSUR project, which now operates on the principle of collective fortification from the entrepreneurial activity of other countries, was facilitated by compelling political and geostrategic reasons [Peña 2011, p. 108]. Let us briefly describe the main ones. So, the first impulse for the integration of

MERCOSUR was the process of reducing the degree of conflict in the region, through the “Pacification” of relations between the two Great Latin American powers. The process of ending the historical antagonism between Argentina and Brazil was initiated in 1986 through the ratification of the Programme for Integration and Economic Cooperation (*PICE*), based on strengthening mutual trust in the field of nuclear energy, as well as on the diversification of bilateral trade. It should be added that both countries, which had experienced the negative impact of military regimes on their economic performance, needed a new development paradigm that would include industrial modernization, renewed investment, and macroeconomic stabilization focused on combating inflation. The main hopes for achieving these goals were pinned on the bilateral partnership. At the same time, it should be mentioned that the key precedent for integration in the so-called “authoritarian times” was the tripartite agreement on integration in the hydropower sector, concluded in 1979 between Argentina, Brazil and Paraguay [Pose, Bizzozero 2019, p. 253]. Four years later, continuing the procedure of calibrating the balance of power with the help of the detente policy, the presidents of the two countries (C. Menem and F. Collor de Mello), signed the Buenos Aires Act, which provides not only for partnership customs and tariff regulation and market consolidation of the two countries (by 1994), but also projects international institutional integration (by 2000). The strengthening “allied axis” soon stimulated the strategic interest of neighboring States (Paraguay and Uruguay), which entered the phases of bilateral and quadrilateral negotiations on the potential of the common economic space in 1991 [Gonçalves 2013, pp. 33–60]. Ultimately, the stage of tactical debate culminated in the signing of the Treaty of Asunción which legally constituted the MERCOSUR project [Palmieri et al. 2024, pp. 1–12].

The second incentive for the consolidation of MERCOSUR, which has a political character, is the so-called Democratic transition, which became relevant at the end of the era of bureaucratic-military authoritarian regimes in Latin American countries [Robinson 2004, pp. 135–153]. Similarly, “Democratization” as a constant function of regionalization was an additional factor in the creation of the MERCOSUR project [Gardini 2010]. The wave of democratization in South America, driven by the process of regionalization, has consistently affected all members of the potential cooperative space (MERCOSUR). For example, in Argentina, the last leader of the military dictatorship, L. Galtieri, resigned due to the defeat in the Falklands War, announcing the elections in which R. Alfonsín was elected (in 1983). In Brazil, the process of democratization began in 1985 due to the election of T. Neves as head of state. However, the sudden death of the head of state opened the

way for his successor J. Sarney, whose government was formed through institutional reforms and the adoption of a new Constitution in 1988 [Vigevani, Cepaluni 2016]. Paraguay entered the process of re-democratization after the Coup d'état in 1989, carried out by A. Rodriguez (a former associate of the last leader of the right-wing dictatorial regime A. Stroessner), who was elected president after the revolutionary cataclysms in the country. In the 1985 presidential elections in Uruguay, J.M. Sanguinetti won a convincing democratic victory. Along with the rotation of political systems in each of the above-mentioned states, the principle of democracy was officially approved at the collective (inter-governmental) level. Thus, the thesis of recognizing democratic values as a basic component for the successful development of MERCOSUR was enshrined in the Las Leñas Presidential Declaration of 27 June 1992⁵. Subsequently, unconditional commitment to the ideal of democracy acquired a more pronounced legislative force, codified by the Ushuaia Protocol (Span. – *Protocolo de Ushuaia*⁶), ratified in 1998. Due to violations of the democratic rules declared by this legal document, Venezuela's participation as a full member of MERCOSUR was suspended in 2016 [Corrales, Penfold 2020]. Consequently, the act of expelling a participant for non-compliance with the regulated principle of democracy confirms its strategic importance (as a specific form of ostracism), especially for the sustainability of the program platform of the regional integration association.

The third organizational impulse, associated with the emergence of the so-called “regional bipolar structure [Axline 1999, pp. 11–74]” correlates with the trade and economic “Bipolarization” of America. This is a process in which the MERCOSUR project acted as a tool designed to curb the interregional expansion of the NAFTA bloc (the pole of geopolitical gravity) [Wordliczek 2021, p. 294], rather than as a link focused on tactical attachment to North American Free Trade Agreement [Buscaglia, Long 1998, pp. 52–79]. Thus, MERCOSUR acted as a module of the system of checks and balances and retained a certain degree of political independence, even contrary to the statutory protocol of the ideology of neoliberal globalism, which prescribes subordinated adherence to the course of “open regionalism” coordinated by the principles

⁵ MERCOSUR 30 Años: 1991–2021. Edición Conmemorativa. 2021. URL: <https://www.mercosur.int/documento/mercosur-30-anos-1991-2021-edicion-conmemorativa/> (дата обращения 12.05.2025).

⁶ Protocolo de Ushuaia sobre Compromiso Democrático en el MERCOSUR, la Republica de Bolivia y la Republica de Chile, de 27 de junio de 1992. URL: <https://www.mercosur.int/documento/protocolo-ushuaia-compromiso-democratico-mercosur-bolivia-chile/> (дата обращения 12.05.2025).

of the Washington Consensus (a similar conclusion “runs counter” to the prevailing opinion in the scientific community about MERCOSUR as a purely derivative project from the Washington Consensus [Kellogg 2007, p. 194]).

The procedure of increasing the level of “Autonomization”, as the fourth guideline contributing to the consolidation of MERCOSUR, was transformed into an attempt to transition the bloc from the “American-centrist model of globalization [Riggirozzi, Tussie 2012, pp. 1–16]” to a more equitable, in terms of rights and opportunities, a political project of a multipolar world. In this regard, the crystallizing strategy of a new version of regionalism (“post-liberal [Sanahuja 2009, pp. 11–54]”, “post-hegemonic [Riggirozzi, Tussie 2012, pp. 1–16]”, “continental [Bizzozero 2014, pp. 57–78]”, “21st century [Zelichovich 2016, pp. 1–27]”) was presented as an alterglobalist reaction to the “uprising of Pan-Americanism [Velasco e Cruz 2022, pp. 189–209]”, supervised by the national interests of the United States.

The 2000s commodities boom provoked by the intensification of demand in China, methodically reinforced the upward trend towards strengthening the sovereignty of the MERCOSUR member countries, which successfully overcame the catastrophic processes from 1999 to 2003 [Nolte, Correa 2021, pp. 87–122]. During this period, MERCOSUR experienced an internal and external crisis due to the devaluation of the Brazilian real (*BRL*) in 1999 and Argentina’s default on its debt obligations in 2001 [Giacalone 2024, p. 103]. An additional component that consolidated the autonomy of the MERCOSUR bloc in those years was the political triumph of the so-called “new left [Rodriguez-Garavito 2008, pp. 129–157]” in the Latin American region, whose agenda, characterized by the exchange rate specificity of “post-neoliberal governments [Flores-Macias 2010, pp. 414–415]” was based on protectionization, sovereignization, nationalization, socialization, and the redistribution of various forms of capital.

The MERCOSUR project, having successfully entered the post-crisis phase of development, refocused on the process of “Interregionalization” as the fifth strategic impulse consolidating the alliance. The prioritization of foreign economic cooperation, variably developing along two alternative tracks (Atlantic and Asia-Pacific), contributed to the positional shift of the bloc from the so-called Western Triangle (USA – European Union – MERCOSUR) towards the Eastern Quadrangle (USA – European Union – MERCOSUR – China). Today, China is the largest trade and economic partner of the MERCOSUR bloc, which is several times ahead of the United States and the EU in terms of export and import operations (see table 1). The reconfiguration of the strategic partnership matrix along the “South-South tra-

jectory”, through the successful incorporation of the new “socialist” variable (China), testified to the transformation of the global market environment through a tectonic pole shift in the international trade and economic system, which jeopardized the historically established Euro-Atlantic orientation of the MERCOSUR.

Table 1

MERCOSUR’s main foreign trade partners
(calculated as a percentage)

Partner		2001	2005	2009	2014	2019	2022
Export	UE	19,8	17,4	16,8	15,4	14,5	14,3
	USA	27,7	24,2	7,3	16,3	11	10,2
	China	2,8	4,7	9,2	15	23,7	22,5
Import	UE	24,1	20,6	19,0	18,4	17,7	16,0
	USA	22,9	18,5	16,7	16,1	16,3	17,4
	China	3,2	6,6	12,6	16,5	19,5	21,9

Source: [Caetano, Pose 2023, p. 227].

Strategic development prospects
(points of growth) of MERCOSUR

The identified rates of geo-economic drift of MERCOSUR, intensified by the “Second Edition of the left turn [Ивановский 2024, с. 229–230]” in the Latin American region, indicative inform about the growing “crisis of globalization [Sanahuja 2019, pp. 60–94]”, foreshadowing the approaching culmination of the “unipolar moment [Krauthammer 1990, p. 23]”. However, despite the weakening hegemony of the United States, which retains effective tools of soft coercion in its arsenal (such as Weaponize interdependence [Farrell, Newman 2019, p. 45]), most countries on the periphery of imitation capitalism are inertly adhering to the tactics of hedging geopolitical risks, implemented despite the anti-colonial and counter-hegemonic rhetoric of their officials, discursively inspired by the principle of Emancipatory multipolarity [Pieterse 2011, p. 28]. Thus, according to M.V. Alvarez (professor at the National University of Rosario), MERCOSUR participants use a similar strategy of “prudent/flexible neutrality” due to fears of open involvement in the current con-

frontation between Superpowers (the United States and China), threatening Latin American countries with the loss of preferential positions in the global trade and economic system. Taking into account the pragmatic and utilitarian incentive to maintain the status quo, in the light of a stable prospect of strategic uncertainty, the course of further development of MERCOSUR will be based on a combination of two organizational principles: 1) Nearshoring (reducing the distance / chain links between the production, processing and consumption of goods and services according to the territorial and geographical principle [Capello, Dellisanti 2024, pp. 4225–4249] and 2) Friendshoring (building a production chain with contractors from friendly countries [Caetano, Pose 2023, p. 224]). The conceptual mix of modified outsourcing versions, in our opinion, contributes to the construction of new logistics routes and optimization of existing supply chains, adjusted for such geopolitical factors as territorial proximity and political loyalty. The chosen synthetic trajectory, which takes into account Carl Schmitt's "friend-enemy dichotomy", favors a new impetus for MERCOSUR consolidation along both regional and interregional tracks, while allowing it to avoid the ever-increasing "globalization of risks [Actis 2022, pp. 91–111]" in the context of "securitization of state economic policies and economization of national roadmaps [Roberts, Moraes, Ferguson 2019, p. 655]".

Conclusion

In the process of defining and describing the stages of the genesis and evolution of the MERCOSUR project, we verified the political and geostrategic foundations for the consolidation of the bloc. At the same time, the specific "Footholds" and "Points of growth" of the bloc (see fig. 2) are steadily transcending the boundaries of market cooperation in Latin American countries outlined by economism. In particular, it was identified that the integration impulses of MERCOSUR are the processes of "Bipolarization", "Pacification", "Interregionalization", "Democratization" and "Autonomization". At the same time, we verified predicts that the direction of development of this organization will be based on the concepts of "Nearshoring" and "Friendshoring". The combination of modified outsourcing versions, in our opinion, contributes to the formation of new logistics routes and optimization of existing supply chains, taking into account factors such as territorial proximity and political loyalty. In the long run, the chosen trajectory favors the consolidation of the MERCOSUR bloc along both regional and interregional tracks, while allowing it to avoid the increasing globalization of risks and localization of uncertainty.

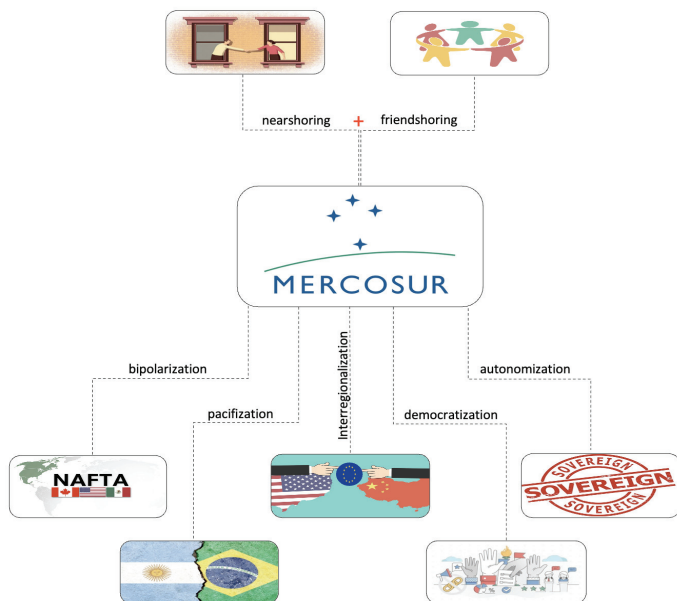

Fig. 2. The MERCOSUR project:
political integration impulses (footholds) and strategic
development prospects (points of growth).

Note: Compiled by the author

Литература

- Ивановский 2024 – Ивановский З.В. «Розовая волна» в Латинской Америке: стратегия и тактика новых левых // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2024. № 42. С. 221–257.
- Actis 2022 – Actis E. La era de la globalización de riesgos // *CEBRI-Revista: Brazilian Journal of International Affairs*. 2022. No. 2. P. 91–111.
- Palmieri et al. 2024 – Palmieri R., Amice C., Amato M., Verneau F. Beyond the finish line: Sustainability hurdles in the EU–Mercosur Free Trade Agreement // *Social Sciences*. 2024. Vol. 13. P. 1–12.
- Axline 1999 – Axline W.A. El TLCAN, el regionalismo estratégico y las nuevas direcciones de la integración latinoamericana // *Escenarios de integración regional en las Américas* / ed. by J. Briceño Ruiz. Mérida: ULA: Consejo de Publicaciones, 1999. P. 11–74.
- Bizzozero 2014 – Bizzozero L. La política exterior de Brasil hacia América Latina: del regionalismo abierto al continental // *La política internacional de Brasil: de la región al mundo* / ed. by R. Bernal-Meza, y L. Bizzozero. Montevideo: Cruz del Sur. 2014. P. 57–78.

- Briceño-Ruiz 2013 – *Briceño-Ruiz J.* Ejes y modelos en la etapa actual de la integración económica regional en América Latina // Estudios Internacionales. 2013. Vol. 45. No. 175. P. 9–39.
- Buscaglia, Long 1998 – *Buscaglia E., Long C.* An economic analysis of legal integration in Latin America // Review of Policy Research. 1998. Vol. 15. No. 2–3. P. 52–79.
- Capello, Dellisanti 2024 – *Capello R., Dellisanti R.* Regional inequalities in the age of nearshoring // The World Economy. 2024. Vol. 47. No. 3. P. 4225–4249.
- Caetano, Pose 2023 – *Caetano G., Pose N.* Unión Europea y Mercosur: perspectivas de acuerdo en la coyuntura geopolítica actual // Revista CIDOB d'Afers Internacionals. 2023. No. 135. P. 221–246.
- Carranza 2011 – *Carranza M.* La institucionalidad “ligera” del Mercosur y sus perspectivas de sobrevivencia en la segunda década del siglo XXI // El Mercosur y las complejidades de la integración regional / ed. by J. Briceño Ruiz. Buenos Aires: Teseo, Universidad de Los Andes. CDCHTA ULA, 2011. P. 27–62.
- Corrales, Penfold 2020 – *Corrales J., Penfold M.* Un dragón en el trópico. Caracas: La Hoja del Norte. 2020. 260 p.
- Esteradeordal, Goto, Saez 2001 – *Esteradeordal A., Goto J., Saez R.* The new regionalism in the Americas: The case of MERCOSUR // Journal of Economic Integration. 2001. Vol. 16. No. 2. P. 180–202.
- Farrell, Newman 2019 – *Farrell H., Newman A.L.* Weaponized interdependence: How global economic Networks shape state coercion // International Security. 2019. Vol. 44. No. 1. P. 42–79.
- Ferrer 2000 – *Ferrer A.* Problemas y perspectivas del MERCOSUR // Mercosur, una estrategia de desarrollo: nuevas miradas desde la economía y la política / ed. by C. Barbato. Montevideo: Trilce. 2000. P. 39–44.
- Flores-Macias 2010 – *Flores-Macias G.A.* Statist vs. Pro-market: Explaining Leftist governments' economic policies in Latin America // Comparative Politics. 2010. Vol. 42. No. 4. P. 413–433.
- Gardini 2010 – *Gardini G.L.* The origins of Mercosur: democracy and regionalization in South America. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2010. 267 p.
- Giacalone 2024 – *Giacalone R.* Ampliando los actores del mecanismo causal en la relación crisis-cambio institucional de ASEAN y Mercosur // Relaciones Internacionales. 2024. No. 56. P. 95–113.
- Gonçalves 2013 – *Gonçalves W.* Mercosul e a questão do desenvolvimento regional // Mercosul 21 anos: maioridade ou imaturidade? / ed. by E.S.A. Resende, Mallmann M.I. Curitiba: Appris, 2013. P. 33–60.
- Kellogg 2007 – *Kellogg P.* Regional integration in Latin America: Dawn of an alternative to neoliberalism? // New Political Science. 2007. Vol. 29. No. 2. P. 187–209.
- Krauthammer 1990 – *Krauthammer C.* The unipolar moment // Foreign Affairs. 1990/91. Vol. 70. No. 1. P. 23–33.
- Molle 1994 – *Molle W.* The economics of European integration: theory, practice, policy. Brookfield: Dartmouth Publishers. 1994. 557 p.

- Nolte, Correa 2021 – *Nolte D., Correa C.* Mercosur and the EU: the false mirror // *Lua Nova*. 2021. Vol. 112. P. 87–122.
- Peña 2011 – *Peña F.* El Mercosur veinte años después y su future // *El Mercosur y las complejidades de la integración regional* / ed. by J. Briceño Ruiz. Buenos Aires: Tesco: Universidad de Los Andes. CDCHTA ULA, 2011. P. 105–119.
- Pose, Bizzozero 2019 – *Pose N., Bizzozero L.* Regionalismo, economía política y geopolítica: tensiones y desafíos en la nueva búsqueda de inserción internacional del Mercosur // *Revista uruguaya De Ciencia Política*. 2019. Vol. 28. No. 1. P. 250–278.
- Pieterse 2011 – *Pieterse J.N.* Global rebalancing: Crisis and the East-South turn // *Development and Change*. 2011. Vol. 42. No. 1. P. 22–48.
- Roberts, Moraes, Ferguson 2019 – *Roberts A., Moraes H., Ferguson V.* Toward a geo-economic order in international trade and investment // *Journal of International Economic Law*. 2019. Vol. 22. Iss. 4. P. 655–676.
- Robinson 2004 – *Robinson W.* Global crisis and Latin America // *Bulletin of Latin American Research*. 2004. Vol. 23. No. 2. P. 135–153.
- Rodriguez-Garavito 2008 – *Rodriguez-Garavito C.* The new left: origins, trajectory and prospects // *The new Latin American left: Utopia reborn* / ed. by P. Barrett et al. L.: Pluto Press, 2008. P. 129–157.
- Riggirozzi, Tussie 2012 – *Riggirozzi P., Tussie D.* The rise of post-hegemonic regionalism in Latin America // *The rise of post-hegemonic regionalism. The case of Latin America* / ed. by P. Riggirozzi, D. Tussie. Dordrecht: Springer, 2012. P. 1–16. (United Nations University Series on Regionalism; vol. 4)
- Sanahuja 2009 – *Sanahuja J.* Del regionalismo abierto al regionalismo posliberal. Crisis y cambio en la integración regional en América Latina // *Anuario de la integración de América Latina y el Gran Caribe* / ed. by L. Martínez, L. Peña, M. Vázquez. Buenos Aires: CRIES, 2009. P. 11–54.
- Sanahuja 2019 – *Sanahuja J.A.* Crisis de la globalización, el regionalismo y el orden liberal: El ascenso mundial del nacionalismo y la extrema derecha // *Revista Uruguaya de Ciencia Política*. 2019. Vol. 28. No. 1. P. 59–94.
- Seitenfus, Ventura 2003 – *Seitenfus R., Ventura D.* Introdução ao Direito Internacional Público. Porto Alegre: Livraria do Advogado. 2003. 228 p.
- Söderbaum 2003 – *Söderbaum F.* Introduction: Theories of new regionalism // *Theories of new regionalism* / ed. by F. Söderbaum, T.M. Shaw. L.: Palgrave Macmillan. 2003. P. 1–21. (International Political Economy Series)
- Velasco e Cruz 2022 – *Velasco e Cruz S.C.* International order? Inter-American relations and political outlook for Latin America // *Velasco e Cruz S.C. The United States in a troubled world. Essays in Interpretation*. Cham: Springer, 2022. P. 189–209.
- Vigevani 2016 – *Vigevani T., Cepaluni G.* A política externa brasileira: a busca da autonomia, de Sarney a Lula. São Paulo: SciELO – Editora UNESP, 2016. 180 p.
- Wordliczek 2021 – *Wordliczek R.* From North American Free Trade Agreement to United States – Mexico – Canada Agreement (USMCA): US – Mexico economic relations in the context of US National Security // *Politeja*. 2021. No. 5 (74). P. 293–313.

Zelicovich 2016 – *Zelicovich J.* El MERCOSUR frente al “Regionalismo del siglo XXI”. Algunas claves para la comprensión del devenir del proceso de integración // Aportes para la Integración Latinoamericana. 2016. Vol. 34. No. 22. P. 1–27.

References

- Actis, E. (2022), “La era de la globalización de riesgos”, *CEBRI-Revista: Brazilian Journal of International Affairs*, no. 2, pp. 91–111.
- Palmieri, R., Amice, C., Amato, M. and Verneau, F. (2024), “Beyond the finish line: sustainability hurdles in the EU-Mercosur Free Trade Agreement”, *Social Sciences*, vol. 13, pp. 1–12.
- Axline, W.A. (1999), “El TLCAN, el regionalismo estratégico y las nuevas direcciones de la integración latinoamericana”, in Briceño Ruiz, J. (ed.), *Escenarios de integración regional en las Américas*, ULA, Consejo de Publicaciones, Mérida, Mexico.
- Bizzozero, L. (2014), “La política exterior de Brasil hacia América Latina: del regionalismo abierto al continental”, in Bernal-Meza, R., Bizzozero, L. (eds.), *La política internacional de Brasil: de la región al mundo*, Cruz del Sur, Montevideo, Uruguay.
- Briceño-Ruiz, J. (2013), “Ejes y modelos en la etapa actual de la integración económica regional en América Latina”, *Estudios Internacionales*, vol. 45, no. 175, pp. 9–39.
- Buscaglia, E. and Long, C. (1998), “An economic analysis of legal integration in Latin America”, *Review of Policy Research*, vol. 15, no. 2–3, pp. 52–79.
- Capello, R. and Dellisanti, R. (2024), “Regional inequalities in the age of nearshoring”, *The World Economy*, vol. 47, no. 3, pp. 4225–4249.
- Caetano, G. and Pose, N. (2023), “Unión Europea y Mercosur: perspectivas de acuerdo en la coyuntura geopolítica actual”, *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*, no. 135, pp. 221–246.
- Carranza, M. (2011), “La institucionalidad ‘ligera’ del Mercosur y sus perspectivas de sobrevivencia en la segunda década del siglo XXI”, in Briceño Ruiz, J., ed., *El Mercosur y las complejidades de la integración regional*, Teseo, Universidad de Los Andes, CDCHTA ULA, Buenos Aires, Argentina.
- Corrales, J. and Penfold, M. (2020), *Un dragón en el trópico*, La Hoja del Norte, Caracas, Venezuela.
- Esteradeordal, A., Goto, J. and Saez, R. (2001), “The new regionalism in the Americas: The case of MERCOSUR”, *Journal of Economic Integration*, vol. 16, no. 2, pp. 180–202.
- Farrell, H. and Newman, A.L. (2019), “Weaponized interdependence: How global economic Networks shape state coercion”, *International Security*, vol. 44. no. 1, pp. 42–79.
- Ferrer, A. (2000), “Problemas y perspectivas del MERCOSUR”, in Barbato, C., ed., *Mercosur, una estrategia de desarrollo: nuevas miradas desde la economía y la política*, Trilce, Montevideo, Uruguay.

- Flores-Macias, G.A. (2010), "Statist vs. Pro-market: Explaining Leftist governments' economic policies in Latin America", *Comparative Politics*, vol. 42, no. 4, pp. 413–433.
- Gardini, G.L. (2010), *The origins of Mercosur: democracy and regionalization in South America*, Palgrave Macmillan, New York, USA.
- Giacalone, R. (2024), "Ampliando los actores del mecanismo causal en la relación crisis-cambio institucional de ASEAN y Mercosur", *Relaciones Internacionales*, no. 56, pp. 95–113.
- Gonçalves, W. (2013), "Mercosul e a questão do desenvolvimento regional", in Resende, E.S.A. and Mallmann, M.I., eds., *Mercosul 21 anos: maioridade ou imaturidade?*, Appris, Curitiba, Brazil, pp. 33–60.
- Iwanowski, Z.W. (2024), " 'Pink Tide' in Latin America: strategy and tactics of the New Left", *Latin American Historical Almanac*, vol. 42, pp. 221+ Rossella Palmieri 257.
- Kellogg, P. (2007), "Regional integration in Latin America: dawn of an alternative to neo-liberalism?", *New Political Science*, vol. 29, no. 2, pp. 187–209.
- Krauthammer, C. (1990), "The unipolar moment", *Foreign Affairs*, vol. 70, no. 1, pp. 23–33.
- Molle, W. (1994), *The economics of European integration: theory, practice, policy*, Dartmouth Publishers, Brookfield, USA.
- Nolte, D. and Correa, C. (2021), "Mercosur and the EU: the false mirror", *Lua Nova*, vol. 112, pp. 87–122.
- Peña, F. (2011), "El Mercosur veinte años después y su future", in Briceño Ruiz, J., ed., *El Mercosur y las complejidades de la integración regional*, Teseo, Universidad de Los Andes, CDCHTA ULA, Buenos Aires, Argentina.
- Pose, N. and Bizzozero, L. (2019), "Regionalismo, economía política y geopolítica: tensiones y desafíos en la nueva búsqueda de inserción internacional del Mercosur", *Revista Uruguaya De Ciencia Política*, vol. 28, no. 1, pp. 249–278.
- Pieterse, J.N. (2011), "Global rebalancing: crisis and the East-South Turn", *Development and Change*, vol. 42, no. 1, pp. 22–48.
- Riggirozzi, P. and Tussie, D. (2012), "The rise of post-hegemonic regionalism in Latin America", in Riggirozzi, P. and Tussie, D., eds., *The rise of post-hegemonic regionalism. The case of Latin America*, Springer, Dordrecht, Netherlands, pp. 1–16. (*United Nations University Series on Regionalism*; vol. 4)
- Roberts, A., Moraes, H. and Ferguson, V. (2019), "Toward a geo-economic order in international trade and investment", *Journal of International Economic Law*, vol. 22, no. 4, pp. 655–676.
- Robinson, W. (2004), "Global crisis and Latin America", *Bulletin of Latin American Research*, vol. 23, no. 2, pp. 135–153.
- Rodriguez-Garavito, C. (2008), "The new left: origins, trajectory and prospects", in Barrett, P., et al., eds., *The new Latin American Left: Utopia reborn*, Pluto Press, London, UK, pp. 129–157.
- Sanahuja, J. (2009), "Del regionalismo abierto al regionalismo posliberal. Crisis y cambio en la integración regional en América Latina y el Caribe", in Martínez, L., Peña, L.

- and Vázquez, M., eds., *Anuario de la integración de América Latina y el Gran Caribe*, CRIES, Buenos Aires, Argentina, pp. 11–54.
- Sanahuja, J.A. (2019), “Crisis de la globalización, el regionalismo y el orden liberal: El ascenso mundial del nacionalismo y la extrema derecha”, *Revista Uruguaya de Ciencia Política*, vol. 28, no. 1, pp. 60–94.
- Seitenfus, R. and Ventura, D. (2003), *Introdução ao Direito Internacional Público*, Livraria do Advogado, Porto Alegre, Brazil.
- Söderbaum, F. (2003), “Introduction: Theories of new regionalism”, in Söderbaum, F. and Shaw, T.M., eds., *Theories of new regionalism*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 1–21. (*International Political Economy Series*)
- Velasco e Cruz, S.C. (2022), “International order? Inter-American relations and political outlook for Latin America”, in Velasco e Cruz, S.C., *The United States in a troubled world. Essays in Interpretation*, Springer, Cham, Switzerland, pp. 189–209.
- Vigevani, T. (2016), *A política externa brasileira: a busca da autonomia, de Sarney a Lula*, UNESP, São Paulo, Brazil.
- Wordliczek, R. (2021), “From North American Free Trade Agreement to United States–Mexico–Canada Agreement (USMCA): US-Mexico economic relations in the context of US national security”, *Politeja*, vol. 74, no. 5, pp. 293–313.
- Zelicovich, J. (2016), “El MERCOSUR frente al ‘Regionalismo del siglo XXI’. Algunas claves para la comprensión del devenir del proceso de integración”, *Revista Aportes Para La Integración Latinoamericana*, vol. 34, no. 22, pp. 1–27.

Information about the author

Aleksandr V. Malov, Cand. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miuskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; malov.pvo@gmail.com

Информация об авторе

Александр В. Малов, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; malov.pvo@gmail.com

Афгано-иранские отношения при талибской власти

Омар М. Нессар

*Институт востоковедения Российской академии наук,
Москва, Россия, nessar@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются современные афгано-иранские отношения в контексте прихода к власти в Афганистане талибов. Анализируется эволюция позиции Тегерана, который на протяжении двадцатилетнего американского присутствия последовательно осуждал действия США как основную причину дестабилизации региона. Современные отношения характеризуются как сугубо прагматичные, с акцентом на вопросы безопасности, экономическое сотрудничество и урегулирование трансграничных водных споров. Экономическое сотрудничество с Ираном представляет значительную ценность для действующих афганских властей в контексте диверсификации внешнеэкономических связей и снижения зависимости от других региональных акторов. Столкнувшись с дефицитом внутренней легитимности, талибы заинтересованы в получении официального дипломатического признания со стороны Тегерана. Формирование иранской позиции в отношении новых афганских властей обусловлено комплексом факторов, включая восприятие талибов в качестве антизападной силы, необходимость противодействия трансграничным угрозам безопасности, а также внутривластную и социально-экономическую динамику в самом Иране. Эти отношения носят сложный, многоплановый характер, сочетая элементы вынужденного партнерства и скрытого противостояния, особенно в вопросах, касающихся прав шиитского меньшинства в Афганистане и использования трансграничных водных ресурсов. В статье исследуется динамика этих отношений, анализируются основные факторы их развития. Автор приходит к выводу, что, несмотря на имеющиеся данные о тесных связях между Тегераном и руководством талибов, взаимодействие между сторонами носит ограниченный характер.

Ключевые слова: Афганистан, Иран, Талибан, безопасность, региональное сотрудничество, водный вопрос

Для цитирования: Нессар О.М. Афгано-иранские отношения при талибской власти // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 84–104. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-84-104

Afghan-Iranian relations under the Taliban rule

Omar M. Nessar

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, nessar@yandex.ru*

Abstract. This article examines the contemporary Afghan-Iranian relations in the context of the Taliban's rise to power in Afghanistan. It analyzes the evolution of Tehran's position, which, throughout the twenty-year American presence, consistently condemned the US actions as the primary cause of regional destabilization. The current relations are characterized as strictly pragmatic, focusing on the security issues, economic cooperation, and the settlement of the trans-boundary water disputes. Economic cooperation with Iran holds a significant value for the current Afghan authorities in the context of the diversification of external economic ties and the reduction of the dependence on other regional actors. Faced with a deficit of domestic legitimacy, the Taliban are interested in obtaining an official diplomatic recognition from Tehran. The formation of Iran's position towards the new Afghan authorities is driven by a complex set of factors, including the perception of the Taliban as an anti-Western force, the need to counter the cross-border security threats, as well as reckoning Iran's internal political and socio-economic dynamics. Those relations are complex and multifaceted, combining the elements of forced partnership and latent confrontation, particularly on the issues concerning the rights of the Shia minority in Afghanistan and the use of the trans-boundary water resources. The article explores the dynamics of those relations and analyzes the key factors driving their development. The author concludes that, despite the available evidence of the close ties between Tehran and the Taliban leadership, the interaction between the two sides remains limited.

Keywords: Afghanistan, Iran, Taliban, security, regional cooperation

For citation: Nessar, M.O. (2025), "Afghan-Iranian relations under the Taliban rule", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 84–104. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-84-104

Введение

Несмотря на трансформацию характера угроз, исходящих из Афганистана, эта страна сохраняет статус критически важного элемента региональной безопасности. Ее геополитическое положение, предполагающее непосредственную границу с постсоветским пространством, обуславливает необходимость комплексного

мониторинга со стороны России, который должен учитывать не только традиционные аспекты безопасности, но и развивающуюся геополитическую конфигурацию вокруг Афганистана, включая взаимодействие с ключевыми региональными акторами.

Особый интерес в данном контексте представляет анализ отношений между Кабулом и Тегераном, учитывая роль Ирана как стратегического партнера России в формировании новых центров влияния и многополярной архитектуры в евразийском пространстве. Нестабильность афгано-иранского диалога, обусловленная водными спорами и идеологическими различиями, способна оказывать прямое воздействие на экономические и политические интересы России в регионе.

Помимо вопросов безопасности, особого внимания заслуживает экономическое измерение региональной динамики. Ключевое значение здесь имеет растущий транзитный потенциал Афганистана, который открывает широкие возможности для реализации масштабных инфраструктурных проектов, в первую очередь – международных транспортных коридоров. Реализация подобных инициатив способна оказать существенное влияние на формирование экономической и логистической архитектуры региона, создавая одновременно новые возможности и потенциальные вызовы для российских интересов.

Все указанные факторы – стратегическая важность Афганистана, сложность региональной конфигурации и необходимость оценки рисков для России – подчеркивают актуальность данного исследования.

Для анализа современных тенденций в афгано-иранских отношениях необходимо учитывать, что до 2021 г. внешнеполитическая стратегия Исламской Республики Иран в отношении Афганистана развивалась в рамках четко очерченной парадигмы. Ее характеризовала резкая критика военного присутствия западных держав в регионе, а также систематическая атрибуция причин региональной нестабильности действиям США и их союзников.

Вместе с тем политическая система Афганистана, сформированная после 2001 г., создала условия для усиления роли этно-конфессиональных групп в политической жизни страны, в том числе шиитской общины, что объективно способствовало расширению возможностей Тегерана для влияния. Развитие медиасферы в Афганистане после 2001 г. открыло для Ирана возможности для усиления своего идеологического и информационного влияния.

Совокупность этих факторов превратила Иран в одного из наиболее влиятельных внешних акторов в Афганистане. Однако кардинальная трансформация геополитической ситуации в регионе,

вызванная выводом американского контингента и приходом к власти талибов, нанесла удар по ее ключевым рычагам иранского влияния в Афганистане.

В данном контексте особую актуальность приобретает системное изучение трансформации двусторонних отношений между Кабулом и Тегераном, включая анализ базовых интересов сторон и комплекса факторов, определяющих динамику их взаимодействия. Такой подход позволяет не только оценить степень преемственности и изменений в позиции Тегерана, но и спрогнозировать возможные векторы дальнейшей эволюции афгано-иранского взаимодействия.

Материалы и методология

Современный этап развития двусторонних отношений между Афганистаном и Ираном (2021–2025 гг.) остается недостаточно исследованным в научно-экспертных кругах. Данный пробел во многом обусловлен временной близостью рассматриваемых событий, что пока не позволило сформировать целостную аналитическую картину.

Методологическую основу данного исследования составляет региоцентричный подход, избранный в связи со спецификой объекта изучения – двусторонних отношений между Афганистаном и Ираном. Учитывая, что данная проблематика остается периферийной в отечественном востоковедении по сравнению с изучением этих стран в отдельности, в качестве аналитической базы привлекаются труды, формирующие исторический контекст и раскрывающие внешнеполитические ориентиры сторон. В этой связи приоритет отдан работам авторов из региона, а также российских исследователей, обладающих соответствующей экспертизой. Особую ценность представляют фундаментальные работы афганских и иранских авторов, в числе которых исследования известного афганского историка В. Можды [Можда 2010], а также труды иранских специалистов М.А. Бахмани-Каджар [Бахмани-Каджар 2007] и Д. Хакпанах [Хакпанах 2023]. Для анализа генезиса и эволюции движения Талибан ключевое значение имеют работа В. Можды [Можда 2004] и труд отечественного афганиста Р.Р. Сикоева [Сикоев 2004].

Кроме того, отдельные аспекты стратегических подходов Кабула и Тегерана нашли отражение в работах отечественных ученых, специализирующихся на изучении Афганистана и Ирана по отдельности. Внешняя политика Афганистана, включая ее региональный

аспект, в той или иной степени находит отражение в работах афганистов, включая В.Г. Коргуна [Коргун 2004], А.А. Князева [Князев 2023], О.Е. Митрофаненкову [Митрофаненкова 2019], У.В. Окимбекова [Окимбеков 2017], С. Пойю [Пойя 2024], М.М. Слинкина [Слинкин 2023], В.С. Христофорова [Христофоров 2014] и других. Отдельные аспекты данной проблематики нашли отражение и в более ранних работах автора настоящего исследования [Нессар 2024].

Аналогично: анализ иранского вектора и исторический контекст формирования внешнеполитических ориентиров Ирана нашли отражение в трудах отечественных специалистов С.Б. Дружиловского [Дружиловский 2010], Е.В. Дунаевой [Дунаева 2018; Дунаева 2024], М.С. Каменевой [Каменева, Федорова 2020], Е.В. Федоровой [Федорова 2019; Федорова 2024].

Анализ работ вышеперечисленных авторов позволяет сделать вывод о недостаточной изученности и отсутствии российских системных исследований современного этапа развития двусторонних отношений между Афганистаном и Ираном. Несмотря на свою несомненную ценность, большая часть этих работ посвящена историческим аспектам взаимодействия, общим принципам внешней политики стран и в большей степени охватывает периоды, предшествующие 2021 г.

Таким образом, для преодоления указанного исследовательского пробела методологическая основа настоящего исследования была сознательно выстроена вокруг анализа первичных источников. В качестве источниковой базы исследования выступили следующие категории материалов: официальные заявления и дипломатические ноты министерств иностранных дел Ирана и сформированного талибами МИД Афганистана; документы и отчеты международных организаций, в первую очередь ООН и ее профильных миссий; отчеты Генерального инспектора США по восстановлению Афганистана (SIGAR); материалы средств массовой информации на персидском языке (как афганских, так и иранских), а также протоколы и коммюнике по итогам двусторонних переговоров.

Для обработки данных в ходе исследования применяются общепринятые научные методы, такие как контент-анализ документов и материалов СМИ, а также ивент-анализ. Данный методический выбор позволяет минимизировать зависимость от еще не сформировавшейся вторичной литературы и, что более важно, выявить ключевые векторы трансформации стратегий сторон непосредственно через их публичные действия и риторику. Следует особо подчеркнуть, что хотя исторический контекст сохраняет свою значимость для понимания преемственности в политике, настоящее

исследование сознательно фокусируется на периоде после августа 2021 г. Эти хронологические рамки являются методически оправданными, поскольку позволяют детально проанализировать именно формирующиеся, а не устоявшиеся тенденции, а также оценить перспективы афгано-иранского взаимодействия в условиях новой политической реальности в Афганистане.

Хронологические рамки исследования (период после августа 2021 г.) предопределили его закономерную «ираноцентричность». Это обусловлено методологическим выбором, а не является недостатком работы. Афганистан под управлением талибов превратился в закрытую политическую систему с минимальной доступностью информации, тогда как Иран демонстрирует высокую информационную активность, что делает его дискурс основным материалом для анализа. Содержательная асимметрия проявляется в том, что Иран активно формирует региональную повестку. Таким образом, фокус на иранской стратегии методически оправдан для анализа ключевого фактора, определяющего динамику отношений в 2021–2025 гг.

Учитывая заданную методологическую рамку, в статье анализируется развитие афгано-иранских отношений через призму ключевых факторов, определивших их динамику.

Хотя обретение Афганистаном независимости в 1919 г. стало отправной точкой для формирования двусторонних связей, их эволюция определялась не столько хронологией событий, сколько сложным взаимодействием геополитических интересов, культурно-исторической общности и перманентных вызовов безопасности.

Несмотря на историко-культурную и религиозную общность, динамика межгосударственных отношений между Кабулом и Тегераном на протяжении XX – начала XXI в. характеризовалась выраженной нелинейностью. Периоды сближения чередовались с этапами конфронтации, обусловленной идеологическими расхождениями и поддержкой противоборствующих акторов в регионе.

В новейшей истории двусторонних отношений наиболее острая фаза пришлась на конец 1990-х гг., в период первого правления талибов. Кризис достиг апогея в 1998 г. после захвата талибами города Мазари-Шариф, в ходе которого погибли сотрудники иранского генерального консульства, включая дипломатов и журналистов. Данный инцидент спровоцировал масштабную военную мобилизацию Ирана и поставил стороны на грань прямого вооруженного конфликта [Можда 2004, с. 123–124]. Эскалация была предотвращена благодаря дипломатическому посредничеству ООН. Тем не менее указанные события остаются одним из наиболее болезненных эпизодов в совместной истории. Последу-

ющее падение режима талибов в 2001 г. и их возвращение к власти в 2021 г. ознаменовали собой критические точки трансформации, каждый раз кардинальным образом менявшие траекторию двустороннего диалога.

Указанная историческая ретроспектива позволяет заключить, что афгано-иранские отношения традиционно развивались в условиях структурной нестабильности. Однако современный этап, наступивший после августа 2021 г., привел к качественно новой конфигурации региональных сил, требующей отдельного анализа.

Эволюция афгано-иранских отношений после августа 2021 г. характеризуется сложным переплетением взаимных интересов и вызовов. Вывод иностранных войск и установление контроля талибов над Афганистаном создали новую региональную динамику, в рамках которой обе стороны вынуждены пересматривать традиционные внешнеполитические подходы в условиях меняющегося баланса сил.

Смена власти в Кабуле привела к существенной потере традиционного влияния Ирана в афганском политическом поле. Многолетние инвестиции Тегерана в поддержку определенных политических сил, этно-конфессиональных групп (в частности шиитов-хазарейцев), а также масштабные вложения в создание проиранских информационных ресурсов, включая телеканалы, радиостанции и печатные СМИ, оказались в значительной степени девальвированы в новых политических реалиях. Инфраструктура мягкой силы, целенаправленно выстраивавшаяся десятилетиями, была либо демонтирована, либо существенно ограничена в своей деятельности, что привело к резкому сокращению информационного присутствия и идеологического влияния Ирана в афганском публичном пространстве.

Ключевой особенностью текущего этапа является переход от идеологически мотивированной повестки к прагматичному взаимодействию. На смену прежней объединяющей антиамериканской риторике пришли конкретные вопросы, требующие совместного решения: управление водными ресурсами, контроль над наркотрафиком, регулирование миграционных потоков и обеспечение прав религиозных меньшинств.

Политическая трансформация в Афганистане существенно изменила расстановку сил. Новые власти столкнулись с необходимостью выстраивания отношений с традиционными региональными партнерами, включая Иран. В то же время Тегеран оказался перед необходимостью адаптации к изменившимся реалиям, вырабатывая новые инструменты влияния в условиях утраты прежних рычагов воздействия. Текущий диалог между двумя странами развивается по нескольким направлениям. Экономическое сотруд-

ничество, включая развитие транспортной и портовой инфраструктуры, составляет практическую основу взаимодействия. Вопросы безопасности и стабильности остаются приоритетными для Ирана, что отражается в их подходе к пограничному контролю и противодействию незаконному обороту наркотиков.

Особое внимание в двусторонних отношениях уделяется выработке сложного баланса между прагматичными экономическими интересами и необходимостью учета внутренней политической динамики. Для афганской стороны ключевыми задачами во взаимодействии с Тегераном остаются достижение полномасштабного дипломатического признания, а также прекращение контактов иранской стороны с афганской вооруженной оппозицией. Однако, как полагает российский исследователь И.Е. Федорова, нельзя исключать, что иранская сторона ожидает существенных встречных уступок за этот важный дипломатический шаг, рассматривая его как предмет торга [Федорова 2024].

Этот процесс характеризуется исключительной осторожностью и постепенностью, поскольку Иран, стремясь компенсировать потерю политического влияния наращиванием экономического присутствия, вынужден одновременно учитывать как сложность внутриафганской повестки, так и реакцию международного сообщества на любой формат легитимации режима в Кабуле. Таким образом, вопрос признания превратился в многомерную дипломатическую игру с высокой степенью неопределенности.

Факторы формирования иранского подхода к талибам

Указанные выше дилеммы и противоречия, определяющие текущую фазу афгано-иранских взаимоотношений, не только вызывают напряженную дискуссию в политическом истеблишменте Ирана, но и спровоцировали растущий раскол между официальной позицией властей и настроениями широкой общественности. Если правящие круги вынуждены балансировать между идеологической риторикой и прагматическими интересами, то иранское общество демонстрирует все большее неприятие режима талибов. Это нарастающее противоречие создает дополнительное давление на Тегеран.

Позиция Ирана в отношении талибов формировалась под воздействием комплекса идеолого-стратегических факторов.

Во-первых, иранское руководство исходит из убежденности в том, что талибы представляют собой антизападную силу, ориентированную на достижение независимости, противостояние запад-

ной культурной экспансии и американскому доминированию. Эти характеристики в значительной степени совпадают с ключевыми принципами внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран. Во-вторых, Иран рассматривает талибов в качестве эффективного противовеса группировке ИГИЛ-Хорасан (запрещена в России), которая воспринимается Тегераном как серьезная угроза региональной безопасности и национальным интересам страны [Хакпанах 2023].

Тем не менее это не означает полного единодушия и отсутствия разногласий между Тегераном и талибами. Иран можно отнести к числу стран, чей афганский внешнеполитический курс формируется под влиянием множества внутренних факторов, включая социальные, культурные, экономические процессы.

Во-первых, Иран и Афганистан связаны общими языковыми, культурными и религиозными особенностями, что оказывает значительное влияние на восприятие афганской проблематики в иранском обществе.

Во-вторых, на территории Ирана находится большое число афганских беженцев, чьи настроения и позиции в определенной степени воздействуют на формирование общественного мнения внутри страны.

В-третьих, напряженность в двусторонних отношениях, связанная с водным вопросом, который обострился после прихода талибов к власти, способствует росту критического отношения иранского общества к действующему афганскому руководству.

Эти факторы создают сложную дилемму для иранских властей, которые, с одной стороны, стремятся выстраивать прагматичные отношения с талибами, но, с другой стороны, сталкиваются с отсутствием поддержки или даже открытым неприятием такой политики со стороны значительной части иранского общества.

Тот факт, что иранским властям необходимо принимать во внимание позицию общественности в отношении талибов, находит свое отражение в процедуре передачи контроля над посольством Афганистана в Тегеране представителям талибов. Несмотря на очевидную вовлеченность в процесс, иранские власти стремились дистанцироваться от процедуры, формально перекладывая ответственность на афганскую сторону. Так, министерство иностранных дел Ирана, комментируя передачу дипломатической миссии, заявило, что этот вопрос является исключительно внутренним делом Афганистана, подчеркнув, что Тегеран не участвовал в данном процессе¹.

¹ پاسخ کنعانی به سوالی در خصوص تغییرات داخلی سفارت افغانستان در تهران [Ответ Кенани на вопрос относительно изменений в посольстве Афганистана]

Подобный шаг можно расценить как косвенное признание того, что иранские власти учитывают настроения общественности, часть которой симпатизирует противникам талибов. Впрочем, демонстративный нейтралитет не помешал внешнеполитическому ведомству Ирана организовать прощальный ужин для дипломатов свергнутого правительства Афганистана – жест, который, с одной стороны, выглядит как дань дипломатической вежливости, а с другой – позволяет Тегерану сохранить лицо в глазах критиков талибов².

Другим показательным примером противоречивого отношения иранского общества к политике властей в афганском вопросе стал визит министра иностранных дел Исламской Республики в Кабул в феврале 2025 г. Примечательно, что это первый официальный визит такого уровня за все три с лишним года правления талибов, что подчеркивает осторожность Тегерана в выстраивании отношений с новыми афганскими властями. Несмотря на официальный характер поездки, она вызвала волну критики внутри Ирана, где значительная часть общества продолжает воспринимать талибов враждебно. Влиятельная тегеранская газета «Исламская Республика» резко осудила действия министра, назвав его поездку «несвоевременной». Издание также охарактеризовало правительство талибов как «мятежное, жестокое и отсталое», подчеркнув отсутствие у него внутренней легитимности. Этот эпизод иллюстрирует глубокий разрыв между прагматичной внешней политикой иранского руководства и общественными настроениями, которые остаются крайне критичными в отношении афганского режима³.

Подобное противоречие находит отражение и в экспертном сообществе Ирана, где сохраняется сложное восприятие политики Тегерана в отношении талибов. На ряде конференций и семинаров, проведенных в Тегеране с участием представителей академических кругов и экспертов, звучали преимущественно критические оценки в адрес новых афганских властей. Особого

в Тегеране] // Министерство иностранных дел Ирана, 20.02.2023. URL: <https://mfa.gov.ir/portal/newsview/711655/> (дата обращения: 18.03.2025).

² تهران [Прием Министерства иностранных дел Ирана в честь бывших дипломатов Афганистана в Тегеране] // ParsToday, 14.12.2016. URL: <https://parstoday.ir/dari/news/afghanistan-i20509> (дата обращения: 18.03.2025).

³ سفر نابهنگام و پرحشییه برای ایران [Несвоевременная и дорогостоящая поездка для Ирана] // Исламская Республика, 20.02.2025. URL: <https://jepress.ir/?newsid=346567> (дата обращения: 11.03.2025).

внимания заслуживает состав участников этих мероприятий: организаторы приглашают не только афганских беженцев, но и представителей политических течений, оппозиционно настроенных по отношению к талибам⁴. Высказывания, звучавшие на этих мероприятиях, можно рассматривать как индикатор преобладающих настроений в иранском обществе, что подчеркивает существующий диссонанс между официальной позицией государства и общественным мнением.

Учитывая сложный характер отношений между Ираном и талибами в 1990-х гг., многие предполагали, что развитие двусторонних отношений после 2021 г. будет проходить в ином формате. Данные ожидания разделяли и представители антиталибских движений, рассчитывавшие на поддержку Тегерана и формирование конфронтационного формата отношений между Ираном и новыми властями в Афганистане. Однако смена проамериканского режима в Кабуле на новый политический порядок, установленный талибами, сделала бы переход к открытой конфронтации с афганскими властями нецелесообразным для Ирана. Кроме того, доминирование талибов во всех сегментах афганской государственности после 2021 г. выступило объективным триггером для пересмотра Ираном своих подходов.

В сложившихся условиях поддержание напряженности в отношениях с новым правительством Афганистана не соответствовало бы стратегическим интересам Тегерана, что предопределило необходимость поиска более сбалансированного подхода к взаимодействию с талибами. Более того, эскалация напряженности, особенно в форме вооруженного противостояния, могла бы нанести ущерб интересам Ирана, учитывая географическую близость, исторические связи и необходимость поддержания стабильности в приграничных регионах.

Формирование нового иранского подхода к афганскому направлению было обусловлено кардинальной трансформацией внутри-

⁴ См., например: Международная научно-практическая конференция «Изучение движений сопротивления в Афганистане», Тегеран: Ун-тим. Харезми, 15.11.2023. URL: <https://flps.khu.ac.ir/content/70344/%D9%87%D9%85%D8%A7%DB%8C%D8%B4-%D8%B9%D9%84%D9%85%DB%8C-%D8%A8%DB%8C%D9%86-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%84%D9%84%DB%8C-%D8%AC%D8%B1%DB%8C%D8%A7%D9%86-%D8%B4%D9%86%D8%A7%D8%B3%DB%8C-%D9%85%D9%82%D8%A7%D9%88%D9%85%D8%AA-%D8%AF%D8%B1-%D8%A7%D9%81%D8%BA%D8%A7%D9%86%D8%B3%D8%AA%D8%A7%D9%86> (дата обращения: 06.04.2025).

афганской ситуации, принципиально отличающейся от предшествующих десятилетий. Ключевым фактором стало установление талибами беспрецедентного уровня контроля, охватывающего не только территорию страны, но и все сферы общественно-политической жизни. В частности, произошла маргинализация традиционных для Ирана внутренних акторов, которые на протяжении многих лет служили основными партнерами Тегерана в Афганистане и в новых условиях утратили возможность влиять на политические процессы.

Таким образом, прагматичный подход Тегерана к взаимодействию с новым афганским руководством обусловлен как идеологическими, так и практическими соображениями.

Развитие отношений после 2021 г.

Несмотря на существующие противоречия и сложности, выработанный сторонами подход не препятствует активному развитию двусторонних отношений. Коммуникация между Кабулом и Тегераном в период с 2021 по 2025 г. демонстрирует в целом положительную динамику. Иран вошел в число государств, установивших взаимодействие с талибами еще до смены власти в Кабуле. Благодаря этому Исламская Республика оказалась в числе стран, чьи дипломатические представительства продолжили функционировать в Афганистане как в период смены власти, так и после нее. Однако, как представляется, иранские власти, в том числе в силу сложного отношения иранского общества к талибам, проявляли определенную сдержанность в налаживании официальных отношений с новым афганским руководством, что привело к их отставанию от ряда других государств региона в данном вопросе.

Первые официальные дипломатические контакты между сторонами были установлены в октябре 2021 г. Впоследствии взаимодействие продолжилось, однако оно осуществлялось преимущественно на уровнях ниже высшего руководства. Только начиная с апреля 2022 г. двусторонние отношения перешли на новый этап развития. В частности, в апреле 2022 г. состоялся телефонный разговор между министром иностранных дел в правительстве талибов А.Х. Муттаки и главой МИД Исламской Республики Иран Х.А. Амир-Абдуллахияном. После этого официальные контакты между сторонами стали более частыми. Знаковым событием в развитии двусторонних отношений стала передача контроля над дипломатическим представительством Афганистана представителям талибов, которая произошла 27 февраля 2023 г.

В период с августа 2021 г. по начало 2025 г. правительственные делегации талибов, включая заместителей премьер-министра и министра иностранных дел, неоднократно посещали Тегеран. Однако, как уже отмечалось ранее, иранские власти проявляли сдержанность в развитии официальных контактов с новым афганским руководством. Это проявилось, в частности, в том, что первый визит министра иностранных дел Ирана в Кабул состоялся лишь в 2025 г., что подчеркивает осторожный подход Тегерана к нормализации отношений с талибами.

В 2021–2025 гг. большинство встреч между сторонами были сосредоточены на обсуждении конкретного круга вопросов, включая обеспечение безопасности границ, противодействие контрабанде наркотических веществ, а также проблемы, связанные с совместным использованием водных ресурсов трансграничных рек. Кроме того, значительное внимание уделялось вопросам инвестиционного сотрудничества, в частности в таких секторах, как энергетика, горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство и развитие железнодорожной инфраструктуры. Со своей стороны, представители правительства талибов неоднократно выражали обеспокоенность положением афганских беженцев на территории Исламской Республики Иран.

Как было отмечено, Иран до августа 2021 г. признавал факт контактов с политическим представительством талибов, одновременно отрицая сообщения о предоставлении какой-либо материальной или военной поддержки группировке. Однако в период американского военного присутствия в Афганистане, в особенности в его последние годы, иранские власти неоднократно становились объектом обвинений в оказании различной помощи талибам, включая поставки вооружений и предоставление убежища членам движения⁵.

Американский исследователь Барнетт Рубин интерпретирует сближение Ирана с талибами, наблюдавшееся еще до августа 2021 г., как результат двух взаимосвязанных факторов: во-первых, стремления талибов к диверсификации своих внешних связей и, во-вторых, скрытой конкуренции между Ираном и Пакистаном за влияние на афганское движение. В частности исследователь отме-

⁵ متعمه شدن افسر ارشد سپاه پاسداران ايران به حمايت از گروه طالبان [Обвинение высокопоставленного офицера Корпуса стражей исламской революции в поддержке движения Талибан] // Sputnik, 26.03.2018. URL: <https://sputnik.af/20180326/%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%B7%D8%A7%D9%84%D8%A8%D8%A7%D9%86-%D8%AD%D9%85%D8%A7%DB%8C%D8%AA-2173855.html> (дата обращения: 06.04.2025).

чают: «Ахтар Мансур⁶ и его преемник Хайбатулла⁷ искали в Иране временного убежища, когда их отношения с *ISI* (пакистанская межведомственная разведка. — *О. Н.*) ухудшались» [Rubin 2020, p. 295]. В современный период исследователи отмечают сохраняющуюся специфичность отношений Ирана с талибами, хотя многие аспекты этих связей остаются неподтвержденными.

Особый исследовательский интерес в контексте усиления межфракционной напряженности внутри талибской элиты представляет анализ потенциальных связей Тегерана с различными течениями движения. В частности, внимание исследователей привлекают сообщения о возможных тесных контактах иранских представителей с окружением духовного лидера талибов муллы Хайбатуллы Ахундзады, который остается практически недоступным для подавляющего большинства внешних акторов⁸.

Основные вызовы в двусторонних отношениях

Важным аспектом динамики афгано-иранских отношений является эволюция внешнеполитической позиции Кабула. Действия талибского руководства свидетельствуют о стремлении к независимому курсу, особенно в решении вопросов водопользования и пограничной безопасности. Эта позиция создает объективные ограничения для реализации внешнеполитических интересов региональных акторов, включая Иран. Указанная трансформация во многом определяет текущие параметры двустороннего взаимодействия и его результативность.

В этой связи следует отметить, что даже устойчивые контакты между Ираном и руководством талибов демонстрируют ограниченную результативность с точки зрения стратегических интересов Тегерана. Неспособность Ирана урегулировать ключевые двусторонние вопросы (такие как водные споры или безопасность границ) ставит под сомнение действительно стратегический характер этих отношений, сводя их, скорее, к тактическому взаимодействию. Как следствие, вместо стратегического сближения, активизация

⁶ Лидер движения Талибан с 2016 г. По официальной информации, был убит ударом американского БПЛА при пересечении ирано-пакистанской границы.

⁷ Нынешний лидер движения Талибан, с 2017 г.

⁸ См. например, интервью бывшего посла ИРА в Тегеране О. Даудзая. URL: https://youtu.be/NiwY_M6nVOc?si=jlDU67Nn3Gz4yXTw (дата обращения: 05.04.2025).

контактов в краткосрочной перспективе сопровождалась формированием устойчивых вызовов в нескольких сферах. Совокупное воздействие этих факторов способно существенно изменить траекторию развития афгано-иранских отношений в среднесрочной перспективе.

Во-первых, речь идет о вооруженных пограничных столкновениях между силами талибов и военнослужащими Исламской Республики Иран, которые после августа 2021 г. приобрели более регулярный характер. Согласно данным ООН, в период с августа 2021 г. по декабрь 2024 г. было зафиксировано 17 инцидентов на афгано-иранской границе⁹. Основными причинами пограничных столкновений являются действия контрабандистов и вооруженных формирований, а также попытки талибов изменить линию границы, как умышленные, так и ошибочные, наряду с незаконными попытками пересечения границы со стороны беженцев.

Во-вторых, наблюдается обострение миграционного кризиса, создающего значительную нагрузку на социально-экономические системы Ирана. Хотя данные по оттоку беженцев из страны после прихода талибов к власти разнятся, однако анализ отчетов Международной организации по миграции указывает на существенное увеличение потока, направленного преимущественно в Иран. Резкий рост числа афганских мигрантов вызывает недовольство местного населения, что превращает миграционный вопрос в дополнительный дестабилизирующий фактор и стимулирует Иран к усилению пограничного контроля, включая строительство стены на границе с Афганистаном.

Политика принудительной депортации афганских беженцев, инициированная Ираном на фоне внутреннего общественного недовольства, приобрела новый импульс после эскалации ирано-израильского конфликта, перешедшего в открытую вооруженную фазу летом 2025 г. Поводом для ужесточения данной кампании послужили заявления иранских властей о предполагаемом соучастии части афганских беженцев в подготовке антииранских акций в пользу Израиля¹⁰. Данный курс порождает комплекс политических и репутационных последствий. С одной стороны, массовая репа-

⁹ The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security 2021, 2022, 2023, 2024. URL: <https://docs.un.org/en/> (дата обращения: 19.04.2025).

¹⁰ بنت: صدھا مهاجر افغان در ايران به جاسوسی متهم شده‌اند [Сотни афганских мигрантов в Иране обвинены в шпионаже] // 8am.media, 05.07.2025. URL: <https://8am.media/fa/bennett-hundreds-of-afghan-refugees-in-iran-accused-of-espionage/> (дата обращения: 12.09.2025).

триация мигрантов встречает сопротивление со стороны нынешних афганских властей, которые не готовы к их масштабному приему и реинтеграции. С другой стороны, подобные принудительные меры наносят ущерб позитивному образу Ирана в афганском общественном сознании – стратегическому активу, традиционно учитывавшемуся иранскими властями при выработке внешней политики.

Примечательно, что афганская диаспора в Иране, несмотря на проблемы с легальным статусом, обладает значительным политическим потенциалом. Ее состав характеризуется преобладанием оппозиционно настроенных к талибам групп, включая шиитские общины (преимущественно хазарейского происхождения), бывших военнотружущих правительственных сил и сторонников антиталибских движений. В условиях возможной политической трансформации в Афганистане данный демографический ресурс может приобрести стратегическое значение.

В-третьих, с приходом талибов наблюдается эскалация напряженности в афгано-иранских отношениях, связанная с вопросами совместного использования водных ресурсов трансграничной реки Гильменд. В период 2022–2024 гг. распределение водного стока стало предметом острых межгосударственных разногласий. Проблема усугубляется хроническим дефицитом воды в приграничных районах Ирана (провинция Систан и Белуджистан), что провоцирует социальное недовольство и усиливает внутривластическую напряженность. Так, иранские власти вынуждены реагировать на давление со стороны населения, что выражается в публичной критике афганской стороны¹¹.

Параллельно с решением неотложных задач двусторонней повестки важное значение для понимания позиции Ирана имеет анализ его официальной внешнеполитической риторики, формирующей идеологический фундамент региональной стратегии. Этот аспект позволяет выявить системные приоритеты иранского руководства, выходящие за рамки оперативного реагирования на текущие вызовы. Официальные позиции Ирана, выраженные

¹¹ См., например, заявление президента ИРИ: *اخطار رئیس‌جمهور ایران به حکومت افغانستان در مورد حقوق آب* [Предупреждение президента Ирана правительству Афганистана относительно водных прав] // Ариана. 18.02.2024. URL: <https://www.ariananews.af/fa/%D8%A7%D8%AE%D8%B7%D8%A7%D8%B1-%D8%B1%D8%A6%DB%8C%D8%B3-%D8%AC%D9%85%D9%87%D9%88%D8%B1-%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%A8%D9%87-%D8%AD%D8%A7%DA%A9%D9%85%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%81%D8%BA%D8%A7%D9%86/> (дата обращения: 06.04.2025).

в политических заявлениях, декларациях и многосторонних дипломатических форматах, отражают комплексный характер его региональной политики, включая афганское направление. В риторике Тегерана последовательно выделяются следующие ключевые приоритеты:

1. Поддержка создания инклюзивного правительства в Афганистане, что соответствует стратегическим интересам Ирана в развитии внутриафганской ситуации.

2. Защита прав этнических и религиозных меньшинств, способствующая укреплению позиций близких к Ирану этно-конфессиональных групп.

3. Акцент на гарантии прав женщин, что служит инструментом формирования благоприятного образа страны в афганском общественном мнении.

4. Обеспечение региональной безопасности и стабильности как ключевой элемент внешнеполитической доктрины¹².

Заключение

Проведенный анализ показывает, что с установлением власти талибов и сопутствующей трансформации политической системы Афганистана Иран утратил прежние возможности влияния на его внутренние процессы. Это обусловило переход отношений в фазу вынужденного прагматизма, для которой характерно сочетание тактического сотрудничества с фундаментальными противоречиями.

Иран оказался в сложной идеологической и стратегической ловушке, вызванной возвращением талибов к власти в Афганистане. С одной стороны, иранское руководство столкнулось с существенным ограничением традиционных инструментов влияния на внутриафганские процессы. С другой – оно лишено возможности занять открыто конфронтационную позицию в отношении нового кабульского режима, что обусловлено как соображениями региональной безопасности, так и экономическими интересами.

Основное идеологическое противоречие заключается в том, что на протяжении двух десятилетий официальная иранская риторика последовательно утверждала, что именно военное присутствие США является корнем всех проблем региона. Следовательно,

¹² [Совместное требование Тегерана и Душанбе о создании инклюзивного правительства в Афганистане] // ТОЛО. 10.11.2023. URL: <https://tolonews.com/index.php/fa/afghanistan-185953> (дата обращения: 06.04.2025).

признание того, что уход американского контингента привел к власти силу, чья деятельность также представляет угрозу интересам Ирана, создает угрозу внутренней и внешней легитимности данной внешнеполитической доктрины.

Таким образом, современная иранская политика в отношении Афганистана характеризуется глубокой двойственностью. С одной стороны, антизападная риторика афганских властей и их противостояние с ИГИЛ-Хорасан* создают объективную основу для тактического взаимодействия, отвечающего интересам иранской безопасности. С другой стороны, сохраняющаяся неспособность Тегерана добиться существенного прогресса в решении ключевых вопросов – таких как урегулирование водных споров, обеспечение безопасности границ и защита прав шиитских общин хазарейцев – наглядно свидетельствует о принципиальной ограниченности и непрочности такого сотрудничества.

В краткосрочной перспективе Иран, по всей видимости, вынужден мириться с текущим положением дел, поскольку альтернативные модели взаимодействия с афганскими властями либо отсутствуют, либо сопряжены с неприемлемыми рисками. В долгосрочном плане Тегеран, вероятно, рассчитывает на постепенную нормализацию отношений по мере идеологической и институциональной эволюции режима в Афганистане, а также наращивает свое влияние через углубление экономической кооперации.

Ключевым фактором, определяющим динамику двусторонних отношений, остается влияние внешнеполитического контекста. Это наглядно продемонстрировал 12-дневный вооруженный конфликт между Ираном и Израилем летом 2025 г., последствием которого стала интенсификация депортации афганских беженцев с иранской территории. Данный эпизод подчеркивает, что развитие афгано-иранского диалога остается подверженным влиянию региональных кризисов, способных переформатировать приоритеты сторон.

Литература

- Бахмани-Каджар 2007 – *Бахмани-Каджар М.А.* ایران و افغانستان از یگانگی تا تعین مرز های سیاسی [Иран и Афганистан: от общности к установлению политических границ]. Тегеран, 2007. 551 с. (на перс. яз.)
- Дружиловский 2010 – *Дружиловский С.Б.* Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции // Россия и мусульманский мир. 2010. № 7. С. 123–133.

* Запрещена в России

- Дунаева 2018 – *Дунаева Е.В.* Внешняя политика ИРИ: традиционные подходы и новые веяния // *Иран: прошлое и настоящее: сб. статей*. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2018. С. 331–342.
- Дунаева 2024 – *Дунаева Е.В.* 46-й год Исламской Республики Иран: возможны ли изменения во внешней и внутренней политике // *Восточная аналитика*. 2024. № 4. С. 103–114.
- Каменева, Федорова 2020 – 40 лет Исламской Республике Иран / ред. М.С. Каменева, И.Е. Федорова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2020. 358 с.
- Князев 2023 – *Князев А.А.* Трансформация и перспективы стабильности Афганистана (август 2021 – начало 2023 г.) // *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 2023. Т. 23. № 7. С. 159–170.
- Коргун 2004 – *Коргун В.Г.* История Афганистана: XX век. М.: Крафт+: Ин-т востоковедения РАН, 2004. 529 с.
- Митрофаненкова 2019 – *Митрофаненкова О.Е.* Афганский наркотрафик и борьба Ирана с незаконным оборотом наркотиков // *Восточная аналитика*. 2019. № 1. С. 91–99.
- Можда 2010 – *Можда А.В.* روابط سیاسی افغانستان و ايران در قرن بیستم [Политические отношения Афганистана и Ирана в XX в.]. Тегеран, 2010. 464 с. (на яз. дари).
- Можда 2004 – *Можда А.В.* پنج سال سلطنه طالبان [Пять лет правления Талибана]. Тегеран, 2004. 184 с. (на яз. дари)
- Нессар 2024 – *Нессар М.О.* Особенности управления в Афганистане в период 2021–2024 гг. // *Россия и мир: научный диалог*. 2024. № 3. С. 78–89.
- Окимбеков 2017 – *Окимбеков У.В.* Афганистан и сопредельные страны: торгово-экономические отношения // *Труды Института востоковедения РАН*. 2017. Вып. 5. С. 252–270.
- Поя 2024 – *Поя С.* Анализ внешней политики правительства «Талибана»: Позиция Пакистана, США, России и стран региона по Афганистану // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 333–341.
- Сикоев 2004 – *Сикоев Р.Р.* Талибы: религиозно-политический портрет. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2004. 256 с.
- Слинкин 2023 – *Слинкин М.М.* Военные конфликты на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке в XXI в. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2023. 500 с.
- Федорова 2019 – *Федорова И.Е.* Ирано-афганские отношения на современном этапе // *Восточная аналитика*. 2019. № 4. С. 135–141.
- Федорова 2024 – *Федорова И.Е.* Ирано-афганские отношения после прихода талибов к власти в 2021 г. // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 88–94.
- Хакпанах 2023 – *Хакпанах Д.* Политика Ирана в контексте афганского кризиса после 2021 г. // *Россия и мир: научный диалог*. 2023. № 2. С. 107–117.
- Христофоров 2014 – *Христофоров В.С.* Политическое урегулирование афганской проблемы в контексте международных отношений в 1980-е гг. // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение»*. 2014. № 18 (140). С. 116–125.

Rubin 2020 – Rubin B.R. Afghanistan: What everyone needs to know. N.Y.: Oxford University Press, 2020. 352 p. (What everyone needs to know?)

References

- Bakhtani-Kajar, M.A. (2007), «سیاسی های مرز تعیین تا یگانگی از افغانستان و ایران [Iran and Afghanistan: from commonality to the establishment of political borders]», Tehran, Iran.
- Druzhilovskii, S.B. (2010), «Internal factors of the formation of foreign policy of Iran and Turkey», *Rossiya i musul'manskii mir*, no. 7, pp. 123–133.
- Dunaeva, E.V. (2018), «Foreign policy of the Islamic Republic of Iran: traditional approaches and new trends», in *Iran: proshloe i nastoyashchee: sbornik statei* [Iran: past and present. Collected articles], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia, pp. 331–342.
- Dunaeva, E.V. (2024), «The 46th year of the Islamic Republic of Iran: are changes in foreign and domestic policy possible?», *Vostochnaya analitika*, no. 4, pp. 103–114.
- Fedorova, I.E. (2019), «Iranian-Afghan relations at the present stage», *Vostochnaya analitika*, no. 4, pp. 135–141.
- Fedorova, I.E. (2024), «Iranian-Afghan relations after the Taliban came to power in 2021», *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 3, pp. 88–94.
- Haqqanah, D. (2023), «Iran's policy in the context of the Afghan crisis after 2021», *Russia & World: Scientific Dialogue*, no. 2, pp. 107–117.
- Kameneva, M.S. and Fedorova, I.E., eds. (2020), *40 let Islamskoi Respubliki Iran* [40 years of the Islamic Republic of Iran], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Khristoforov, V.S. (2014), «Political settlement of the Afghan problem within the context of international relations in the 1980s», *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, vol. 140, no. 18, pp. 116–125.
- Knyazev, A.A. (2023), «Transformation and prospects for the stability of Afghanistan (August 2021 – beginning of 2023)», *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta*, vol. 23, no. 7, pp. 159–170.
- Korgun, V.G. (2004), *Istoriya Afganistana: XX vek* [History of Afghanistan. 20th century], Kraft+, Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Mitrofanenkova, O.E. (2019), «Afghan drug trafficking and Iran's fight against illicit drug trafficking», *Vostochnaya analitika*, no. 1, pp. 91–99.
- Mozhda, A.V. (2010), «بیستم قرن در ایران و افغانستان سیاسی روابط [Political relations between Afghanistan and Iran in the 20th century]», Tehran, Iran.
- Mozhda, A.V. (2004), «طالبان سلطنه سال پنچ [Five years of the Taliban rule]», Tehran, Iran.
- Nessar, M.O. (2024), «Features of governance in Afghanistan in the period 2021–2024», *Russia & World: Scientific Dialogue*, no. 3, pp. 78–89.

- Okimbekov, U.V. (2017), "Afghanistan and the neighboring countries: trade and economic relations", *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*, iss. 5, pp. 252–270.
- Poya, S. (2024), "Analysis of the foreign policy of the Taliban government. Position of Pakistan, USA, Russia and countries of the region on Afghanistan", *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 3, pp. 333–341.
- Rubin, B.R. (2020), *Afghanistan: what everyone needs to know*, Oxford University Press, New York, USA. (*What everyone needs to know?*)
- Sikoev, R.R. (2004), *Taliby: religiozno-politicheskii portret* [Taliban: a religious and political portrait], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Slinkin, M.M. (2023), *Voennye konflikty na Blizhnem i Srednem Vostoke i v Severnoi Afrike v XXI v.* [Military conflicts in the Middle East and North Africa in the 21st century], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Омар М. Нессар, кандидат исторических наук, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12; nessar@yandex.ru

Information about the author

Omar M. Nessar, Cand. of Sci. (History), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 12, Rojdestvenka St., Moscow, Russia, 107031; nessar@yandex.ru

Космическая политика США при администрациях Барака Обамы и Дональда Трампа: сравнительный анализ

Денис Д. Макаров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dalek.mak@gmail.com*

Аннотация. Доктрина космической политики – один из основных документов, определяющих направление космической политики в Соединенных Штатах. В статье рассматриваются и сравниваются доктрины космической политики, принятые администрациями Барака Обамы и Дональда Трампа. Для более полной картины также приводится анализ ключевых законодательных актов, связанных с развитием космической отрасли США при двух администрациях. Методологической основой становится сравнительный анализ представленных документов, он позволяет выделить основные изменения, привнесенные администрацией Трампа. Среди них ключевыми являются усиление роли частного сектора, создание Национального космического совета и пересмотр программы по освоению астероида с переориентацией ее на Луну. В то же время, исходя из предпосылки, согласно которой космическая политика США как система характеризуется не только влиянием отдельных личностей, но и относительной устойчивостью в силу большого количества вовлеченных акторов, делается вывод, что можно говорить не столько о принципиально новом характере космической политики администрации Трампа, сколько об определенных нововведениях при общей преемственности. Ни одно из указанных ключевых нововведений не привносит реальные изменения в систему космической политики, сформировавшуюся в США.

Ключевые слова: космическая политика, США, Дональд Трамп, Барак Обама, доктрина космической политики, частный космический сектор

Для цитирования: Макаров Д.Д. Космическая политика США при администрациях Барака Обамы и Дональда Трампа: сравнительный анализ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 105–118. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-105-118

US Space Policy of Obama's and Trump's administrations: a comparative analysis

Denis D. Makarov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dalek.mak@gmail.com*

Abstract. The Space Policy doctrine is one of the main documents determining the direction of space policy in the United States. The article examines and compares the space policy doctrines adopted by the administrations of Barack Obama and Donald Trump. For a complete picture, the article also analyses the key legislative acts related to the development of the US space industry under the two administrations. A comparative analysis of the presented documents serves as a methodological basis; it allows the author to highlight the main changes introduced by the Trump administration. Among them, the key ones are the strengthening of the role of the private sector, the creation of the National Space Council and the revision of the asteroid exploration program with its reorientation to the Moon. At the same time, based on the premise that the US space policy as a system is characterized not only by the influence of individuals, but also by relative stability due to the large number of the actors involved, it is concluded that there was no fundamentally new nature of the Trump administration's space policy, but rather certain innovations were introduced, with the general continuity being kept. None of those key innovations bring real changes to the space policy system formed in the United States.

Keywords: space policy, USA, Donald Trump, Barack Obama, space policy doctrine, private space sector

For citation: Makarov, D.D. (2025), "US Space Policy of Obama's and Trump's administrations: a comparative analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 105–118, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-105-118

Введение

С возвращением Дональда Трампа в Белый дом в качестве президента США встает вопрос о том, какой вектор примет космическая политика Соединенных Штатов в следующие четыре года. За прошедшие с предыдущего срока Трампа четыре года был сформирован аналитический базис, в котором президентство последнего рассматривается как период восстановления космической политики США после ее «рецессии» при Бараке Обаме. Ключевую

роль в этом процессе отдают президенту, при этом основной упор делается на вопросы национальной безопасности и частного космического сектора. В XXI веке доктрина космической политики США сменялась с каждым президентом, однако именно при президенте Трампе достигла состояния относительного равновесия, когда последующая администрация уже не стала вносить значительных изменений в установившиеся программы и направления космической деятельности. Речь идет, например, о крупной исследовательской миссии по освоению Луны и Марса, которая была инициирована при Буше-младшем и впоследствии меняла формат при администрациях Обамы и Трампа.

Среди российских исследований, посвященных данной тематике, можно выделить статью В.Б. Уварова «Космическое наследие Дональда Трампа», в котором описываются ключевые документы, принятые с 2016 по 2020 г. Уваров выделяет частный космический сектор как основное направление, в котором администрация Трампа развивала космическую политику [Уваров 2021]. Е.И. Кузнецов также подчеркивает расширение роли частного сектора при Трампе, однако вписывает этот процесс в укрепление национальной безопасности [Кузнецов 2021]. Зарубежные исследователи также чаще фокусируются на вопросах национальной безопасности при Трампе, посвящая работы появившимся при президенте космическим силам. Так, Д.С. Лантис через нарративный анализ прослеживает появление при администрации Трампа новых концепций, связанных с защитой космического пространства [Lantis 2025]. Что касается деятельности администрации Барака Обамы, М.С. Смит сравнивает ее с космической политикой Буша и находит, что при Обаме Соединенные Штаты стали более направленными на сотрудничество [Smith 2011]. Такой вывод делается на основе анализа риторики, содержащейся в документах космической политики, принятых администрацией Обамы. С. Пагкратис отмечает направленность на сотрудничество, а также внимание к национальной безопасности и коммерческому сектору, однако утверждает, что космическая политика Обамы скорее расширила сферы деятельности, намеченные при Буше [Pagkratis 2010].

Данная работа стремится представить анализ гражданского аспекта космической политики двух администраций, который позволил бы вписать деятельность каждой администрации в более широкую систему космической политики. Подразумевается, что космическая политика США как система характеризуется не только влиянием отдельных личностей, но и относительной устойчивостью в силу большого количества вовлеченных акторов. Сле-

довательно, можно говорить не столько о принципиально новом характере космической политики администрации Трампа, сколько об определенных нововведениях при общей преемственности.

Для оценки космической политики администраций Барака Обамы и Дональда Трампа используется сравнительный анализ. А. Лейпхарт описывает его как «метод поиска эмпирических отношений между переменными» и особенно отмечает, что сравнительный анализ не требует измерения или определенного последовательного выстраивания переменных [Lijphart 1971, p. 683]. В качестве переменных рассматриваются конкретные направления космической политики двух администраций, взятые из источников. Главным таким источником становится доктрина космической политики (National Space Policy), которая является собой подробный документ, описывающий цели и направления космической политики США. Дополнительно используются также законодательные акты о деятельности в космосе, принятые при администрациях: при Б. Обаме – поправка Вульфа и Закон о конкурентоспособности коммерческих космических запусков; при Д. Трампе – исполнительные указы о возрождении Национального космического совета и поощрении международной поддержки добычи и использования полезных ископаемых, а также семь Директив космической политики.

Космическая политика как система

Перед тем как начать анализ действий администраций Обамы и Трампа, необходимо дать определение термину «космическая политика». В.Л. Жданов определяет космическую политику как «политику, сфера приложения которой – космос и все относящиеся к нему направления политической активности» [Жданов 2015, с. 1631]. При этом ключевым актором космической политики становится государство, а в более широком смысле – социум. Европейский институт космической политики (European Space Policy Institute, ESPI) уточняет, что космическая политика складывается из национальных приоритетов государства и состоит из космических программ, которые проводятся в конкретных временных рамках и с конкретными бюджетами¹. Также в некоторых случаях имеет место разделение на секторы: гражданский, военный и частный [Shabbir, Sarosh, Nasir 2021, p. 3]. Основным актором,

¹ ESPI 2019 – ESPI report 70 – Evolution of the role of space agencies. Full report // ESPI. Vienna. 2019. Oct. 83. P. 18.

занимающимся реализацией гражданской космической политики в таком ее определении, является космическое агентство. В более широком смысле в космическую деятельность государства принято включать и те активности, которые напрямую не относятся к космической политике [Wood, Weigel 2012, p. 223] – такой подход релевантен для государств, не имеющих четко выраженной космической политики и космического агентства, чего нельзя сказать о Соединенных Штатах.

Алгоритм формирования и реализации космической политики отличается от государства к государству. В рамках системного подхода его, как правило, определяют через отношения правительственных (агентства/министерства) и, в некоторых случаях, неправительственных (частные компании) акторов, которые в нем участвуют². Данный подход релевантен и для США.

В случае США ключевым агентством, занимающимся *реализацией* космической политики, является NASA. Однако это лишь один из этапов *формирования* космической политики в США, который включает в себя большее количество акторов и состоит из трех последовательных шагов: разработка проекта, утверждение и реализация. За разработку отвечает непосредственно президент, на этом этапе он консультируется с представителями администрации, NASA и Министерства обороны касательно целей космической политики. Некоторые негосударственные организации, занимающиеся продвижением космической повестки, также могут предоставлять соответствующие советы и лоббировать различные цели³. Затем проект передается в Конгресс, где подкомитет Палаты представителей по космосу и аэронавтике и подкомитет Сената по науке и космосу проводят слушания относительно гражданской политики и планируемых бюджетных расходов⁴. Сегодня на этапе реализации активно задействуется не только NASA, но и частные космические организации США.

Достаточно репрезентативное отражение космическая политика конкретной администрации находит в сочетании национальной космической политики (если таковая была представлена) и принятых законов о космической деятельности.

² См., например: ESPI 2020 – ESPI Report 74 – Securing Japan. Full report // ESPI. Vienna. 2020. Jul. P. 8.

³ Ярким примером такой организации является американская “The Planetary Society”.

⁴ ESPI 2019 – ESPI report 70 – Evolution of the role of space agencies. Full report // ESPI. Vienna. 2019. Oct. 83. P. 6–8.

*Сравнительный анализ
национальной космической политики США
при администрациях Барака Обамы
и Дональда Трампа*

Доктрина космической политики (National Space Policy) – главный документ, определяющий основные цели США в космосе, а также методы их достижения. Доктрина разрабатывается и утверждается президентом Соединенных Штатов и является важным, хотя далеко не единственным инструментом формирования космической политики. В XXI в. доктрина космической политики США менялась трижды: при Джордже Буше-младшем, при Бараке Обаме и при Дональде Трампе. Далее рассматриваются два последних документа, в качестве рамки анализа в первую очередь используются степень интернационализации, степень межсекторального взаимодействия и степень внимания к частному сектору.

В 2010 г. была опубликована новая национальная космическая политика, разработанная администрацией Обамы. В документе подчеркивалась позиция США как мирового лидера в космической сфере⁵. Основываясь на ключевых тезисах космической политики администрации Буша, этот документ предусматривал пять руководящих принципов, описывающих восприятие космического пространства Соединенными Штатами:

1. Устойчивость, стабильность и свободный доступ к космосу для всех, космос как сфера национальных интересов.

2. Конкурентоспособный коммерческий космический сектор как необходимый элемент национальной космической программы.

3. Право всех стран исследовать и использовать космос в мирных целях.

4. Национальные претензии на суверенитет каким-либо государством невозможны.

5. США стремятся обеспечить свободное использование космоса для всех ответственных сторон и защищать свои космические активы⁶.

В 2020 г. выходит обновленная версия национальной космической политики США, разработанная администрацией Дональда Трампа. Первое важное отличие этого документа заключается в том, что он был выпущен уже под конец президентского срока и вобрал

⁵ National space policy of the United States of America. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/national_space_policy_6-28-10.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

⁶ Ibid.

в себя результат четырех лет работы администрации Трампа, включая пять космических директив (Space Policy Directive), о которых будет сказано в следующем параграфе. Таким образом, документ стал скорее ретроспективой, закрепившей изменения, произошедшие при новой администрации.

Так, развивая концепции космической политики 2010 г., новый документ добавил к руководящим принципам концепцию «Соединенные Штаты как лидер космической сферы в сотрудничестве с *единомышленниками*»⁷ (курсив мой. – Д. М.). В качестве важного дополнения администрация Трампа также подчеркнула планы по добыче и эксплуатации космических ресурсов в соответствии с существующими законами США⁸. Эти изменения риторики послужили маркерами фактических сдвигов в восприятии Соединенными Штатами космического пространства. В текущей парадигме это вопрос как космических ресурсов (в более широком смысле – космической экономики), так и определенных космических альянсов для дружественных США стран. Сочетая эти два аспекта, американская космическая политика стала в большей степени ориентирована на влияние, которое США могут оказывать на движение и направление других космических программ по всему миру. Это особенно важно в контексте того факта, что постепенно приближается окончание эксплуатации Международной космической станции (МКС), – предыдущей попытки США сформировать направление международной космической повестки. При этом и позиционирование США как лидера в космической сфере, и упор на частный космический сектор (как будет показано далее) были присущи еще администрации Обамы.

Далее, в рамках космической политики 2010 г. аспект международного сотрудничества впервые был выведен на уровень отдельной межсекторальной задачи, где в качестве основной цели рассматривалось укрепление лидерских позиций США в космосе⁹. В доктрине космической политики 2020 г. международное сотрудничество в очередной раз рассматривалось как инструмент для продвижения лидерства США в космосе, однако были добавлены некоторые новые концепции. В частности, космическая политика 2020 г. обязала агентства «поощрять другие страны перенимать подходы Соединенных Штатов к регулированию космоса и прак-

⁷ National space policy of the United States of America. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/12/National-Space-Policy.pdf> (дата обращения: 02.02.2025).

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

тики, внедряемые в коммерческом космическом секторе», а также «содействовать надлежащему распределению обязанностей, затрат и рисков между международными партнерами» и «содействовать новым рыночным возможностям для коммерческих космических услуг Соединенных Штатов»¹⁰. Агентства должны двигаться в направлении расширения международного сотрудничества, и руководители агентств должны, в частности, «поощрять международную поддержку практикам добычи и эксплуатации ресурсов космического пространства»¹¹.

Новый документ также допустил запуск космических аппаратов, произведенных в США, за пределами США – в случае, если территория принадлежит государству-союзнику, либо государству единомышленнику¹². Есть два возможных объяснения добавления этого отрывка в текущий документ. Одно касается бразильского космодрома Алкантара, который стал доступен американским частным космическим компаниям после того, как США и Бразилия подписали соглашение о технологических гарантиях¹³ в 2019 г. Второй вариант предполагает влияние американской частной пусковой компании Rocket Lab, космодром которой, Rocket Lab Launch Complex 1, расположен в Новой Зеландии. Rocket Lab сотрудничает с NASA в проекте Gateway¹⁴, а отношения с Бразилией при Трампе и Болсонару носили теплый характер, поэтому оба события в равной степени могли стать катализатором поправки.

Доктрина космической политики Барака Обамы вводила принципы межсекторального взаимодействия, в которых основной упор делался на повышение устойчивости космических систем позиционирования, синхронизации и навигации (PNT), включая GPS, защиту радиочастотного спектра и развитие космической ядерной энергетики¹⁵. Доктрина Трампа расширила концепцию космической ядерной энергетики, теперь она включает

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Brazil (19-1216.1) – Agreement on Technology Safeguards Associated with U.S. Participation in Launches from the Alcantara Space Center. URL: <https://www.state.gov/brazil-19-1216.1> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁴ Mission to the Moon. URL: <https://www.rocketlabusa.com/missions/lunar/> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁵ National Space Policy of the United States of America. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/national_space_policy_6-28-10.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

космические ядерные энергетические и двигательные системы (SNPP), которые предположительно будут использоваться при исследовании Луны. В принципы межсекторального взаимодействия было добавлено новое измерение – киберпространство и кибербезопасность.

Наконец, одним из наиболее крупных решений в рамках президентского срока Барака Обамы была отмена пилотируемой программы «Созвездие», разработка которой началась при администрации Буша. Вместо этого новая администрация предложила план посадки на астероид к 2025 г. (Asteroid Redirect Mission, ARM) и выход на орбиту Марса¹⁶ где-то в 2030-х гг. Одной из первых директив Дональда Трампа, в свою очередь, стала замена пункта доктрины космической политики Барака Обамы, в котором говорилось о полете на астероид. Программа ARM была отменена, и ей на смену администрация Трампа вернула проект полета на Луну, и затем на Марс. Новая программа получила название «Артемиды». Следует отметить, что средства достижения программ ARM и «Артемиды» оставались те же, что и у «Созвездия» – космический корабль Orion и ракета SLS. Единственное отличие – при администрации Трампа более широкая роль отводилась частному сектору. Здесь заметна роль других участников системы – космического агентства, Сената и Конгресса, которые продолжали продвигать разработку систем Orion и SLS в любых условиях.

Законодательные акты о космической деятельности, принятые при двух администрациях

Законодательные акты, связанные с регулированием космической деятельности, позволяют привести дополнительные аргументы в пользу того, что направленность космической политики администраций Обамы и Трампа имела схожий характер. Более того, они позволяют предположить, что администрация Обамы внесла более значительные изменения в систему космической политики США, чем администрация Трампа.

Во время президентства Барака Обамы в силу вступило два законодательных акта, которые оказали значительное влияние на ландшафт космической политики в США и показали ее как интегрированную часть внешней политики. В 2011 г. Конгресс принял поправку Вульфа, которая фактически запретила NASA в каком-либо виде сотрудничать с Китаем или негосударственными

¹⁶ Ibid.

организациями, связанными с Китаем. Так, раздел 1340 поправки гласил: «ни один из фондов, предоставленных этим подразделением, не может быть использован <...> для участия, сотрудничества или двусторонней координации действий каким-либо образом с Китаем или любой китайской компанией...»¹⁷. В то время как при администрации Буша были некоторые попытки наладить связи между космическими агентствами США и Китая¹⁸, эта поправка сделала невозможными любые действия в данном направлении. Далее в 2015 г. был выпущен Закон о конкурентоспособности коммерческих космических запусков, который, помимо всего прочего, разрешил добычу и использование космических ресурсов в коммерческих целях¹⁹ – первое постановление такого рода, за которым последовали аналогичные законы в других странах. Этот закон наравне с программами коммерческих запусков на МКС положил начало развитию частного сектора, который при администрации Трампа стал проявлять себя как отдельный участник системы космической политики.

В то время как администрация Обамы была вынуждена отойти от активного участия в космической программе из-за последствий кризиса 2008-го г., администрация Трампа, напротив, активно сосредоточилась на космической политике. Первым действием, которое и предопределило вовлеченность новой администрации в космос, стало возрождение Национального космического совета (НКС) вскоре после инаугурации Трампа²⁰ в 2017 г. НКС служит в качестве вспомогательного органа, в задачи которого входит рассмотрение и разработка рекомендаций для президента по вопросам космической политики США. На деле большинство рекомендаций НКС, которые были разработаны в ходе его восьми заседаний (с 2017 по 2020 г.), позже были преобразованы в президентские Директивы космической политики (SPD). Вице-президент Майк Пенс был председателем, а Скотт Пейс, работавший в

¹⁷ Public law of the US “Department of defense and full-year continuing appropriations act, 2011”. 2011. Vol. 112–10. P. 86.

¹⁸ NASA administrator departs China after ‘rewarding’ first visit. URL: https://web.archive.org/web/20200225002543/https://www.nasa.gov/about/highlights/griffin_china.html (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁹ Public law of the U.S. “U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act”. 2015. Vol. 114-90. P. 18–20.

²⁰ Executive Order on the National Space Council. URL: <https://web.archive.org/web/20211201174856/https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/12/01/executive-order-on-the-national-space-council/> (дата обращения: 02.02.2025).

NASA во время администрации Буша и активно поддерживавший «Созвездие», был назначен исполнительным секретарем. Всего администрация Трампа выпустила семь SPD²¹:

- SPD-1: возвращение на Луну и Марс объявлено целью космической политики;
- SPD-2: от Министерства торговли требовалось выработать четкие процедуры в следующих сферах коммерческой деятельности: лицензирование запусков и посадок космических кораблей, дистанционное зондирование, использование радиочастот;
- SPD-3: приоритет управления космическим движением и информирования о космической ситуации в рамках космической политики США;
- SPD-4: образование Космических сил, шестого вида вооруженных сил армии США;
- SPD-5: принципы кибербезопасности космических систем;
- SPD-6: национальная политика в отношении космической ядерной энергетики;
- SPD-7: эксплуатация, защита и развитие систем позиционирования, навигации и синхронизации (PNT).

Также в 2020 г. был принят исполнительный указ о поощрении международной поддержки добычи и использования полезных ископаемых²², который вместе с менее формальными Соглашениями Артемиды²³ еще раз обозначили направленность США на развитие космической экономики и стали инструментами как внутреннего, так и внешнего продвижения позиции государства в этом вопросе. Последние были разработаны NASA и являют собой инструмент подключения стран к лунной программе без прямых обязательств. Соответственно, при Трампе космическая политика осталась, помимо прочего, интегрированной частью внешней политики.

²¹ Перечисляемые далее документы и их описания доступны: Space Policy Archive. URL: https://csps.aerospace.org/resources/space-policy-archive?field_administration_target_id_1=3&name=&field_publication_date_value=&field_document_type_target_id=17&field_originator_target_id=80&field_subject_target_id=All (дата обращения: 02.02.2025).

²² Executive Order on encouraging international support for the recovery and use of space resources. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (дата обращения: 02.02.2025).

²³ Artemis accords. URL: <https://www.nasa.gov/artemis-accords/> (дата обращения: 02.02.2025).

Заключение

Из проведенного анализа видно, что администрация Дональда Трампа продолжала отдельные направления космической политики, очерченные при администрации Барака Обамы – в частности развитие коммерческого сектора и международного сотрудничества. Изменения же касались скорее тех аспектов, которые были продиктованы экономическим кризисом и, как следствие, не были популярны среди представителей космической отрасли – речь идет, разумеется, о программе высадки на астероид, которая за период президентства Обамы практически не развивалась. Ключевым изменением самой системы космической политики США при администрации Трампа стало возвращение Национального космического совета, который в большей степени, нежели чем сама администрация, отвечал за разработку космической повестки.

Впрочем, стоит сразу оговориться, что при администрации Джо Байдена роль НКС была сведена к минимуму, а следовательно, большой вопрос, можно ли говорить о том, что совет внес реальное изменение в систему космической политики США. С одной стороны, это дополнительный элемент, дающий возможность получить влияние новым акторам, с другой – по сути своей является дополнением к администрации президента. Анализ деятельности первой администрации Трампа показывает, что большую роль в принятии решений по модификации той или иной отрасли играли отдельные личности, которые могут влиять на позицию администрации и в обход НКС. Даже с возвращением Трампа в Белый дом встает вопрос, будет ли НКС играть такую же роль, какую играл в первый срок – видится вероятным, что его целиком заменит Илон Маск.

В целом же администрация Обамы сильнее повлияла на систему космической политики, всячески поощряя развитие частного сектора. Изменения, внесенные администрацией Трампа в доктрину космической политики США, выглядят как последовательное развитие деятельности администрации Обамы, нежели чем радикальное перечеркивание имеющихся наработок. Вследствие этого можно ожидать такого же поступательного движения и дальше – учитывая, что за период президентства Джо Байдена серьезных изменений в космической политике США не произошло.

Литература

Жданов 2015 – Жданов В.Л. «Космическая политика»: понятие и сущность // Право и политика. 2015. № 11. С. 1629–1632.

- Кузнецов 2021 – *Кузнецов Е.А.* Роль коммерческого космоса в системе национальной безопасности США при администрации Д. Трампа // Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. № 1 (13). С. 85–119.
- Уваров 2021 – *Уваров В.* Космическое наследие Дональда Трампа // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2. Март–апрель. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kosmicheskoe-nasledie-trampa/> (дата обращения: 02.02.2025).
- Lantis 2025 – *Lantis J.S.* “Semper supra”? Trump administration policy narratives and the creation of the space force // Review of Policy Research. 2025. Vol. 42. Iss. 5. P. 1157–1183.
- Lijphart 1971 – *Lijphart A.* Comparative politics and the comparative method // American Political Science Review. 1971. Vol. 65. No. 3. P. 682–693.
- Pagkratis 2010 – *Pagkratis S.* International cooperation in the new U.S. Space Policy: Opportunities for Europe // ESPI Perspectives. 2010. No. 42. P. 1–9.
- Shabbir, Sarosh, Nasir 2021 – *Shabbir Z., Sarosh A., Nasir S.* Policy considerations for nascent space powers // Space Policy. 2021. Vol. 56. No. (article) 101414. URL: https://www.researchgate.net/publication/349639061_Policy_Considerations_for_Nascent_Space_Powers (дата обращения: 02.02.2025).
- Smith 2011 – *Smith M.* President Obama’s National Space Policy: A change in tone and a focus on space sustainability // Space Policy. 2011. Vol. 27. No. 1. P. 20–23.
- Wood, Weigel 2012 – *Wood D., Weigel A.* A framework for evaluating national space activity // Acta Astronautica. 2012. Vol. 73. P. 221–236.

References

- Kuznetsov, E.A. (2021), “The role of the commercial space industry within the US national security under the Trump administration”, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, vol. 13, no. 1, pp. 85–119.
- Lantis, J.S. (2025), “Semper supra? Trump administration policy narratives and the creation of the space force”, *Review of Policy Research*, vol. 42, iss. 5, pp. 1157–1183.
- Lijphart, A. (1971), “Comparative politics and the comparative method”, *American Political Science Review*, vol. 65, no. 3, pp. 682–693.
- Pagkratis, S. (2010), “International cooperation in the New U.S. Space Policy: opportunities for Europe”, *ESPI Perspectives*, no. 42, pp. 1–9.
- Shabbir, Z., Sarosh, A. and Nasir, S. (2021), “Policy considerations for nascent space powers”, *Space Policy*, vol. 56, no. (article) 101414, available at: https://www.researchgate.net/publication/349639061_Policy_Considerations_for_Nascent_Space_Powers (Accessed 2 Feb. 2025).
- Smith, M. (2011), “President Obama’s National Space Policy: A change in tone and a focus on space sustainability”, *Space Policy*, vol. 27, no. 1, pp. 20–23.

- Uvarov, V. (2021), "Donald Trump's space legacy", *Rossiya v global'noi politike*, vol. 19, no. 2, available at: <https://globalaffairs.ru/articles/kosmicheskoe-nasledie-trampa/> (Accessed 2 Feb. 2025).
- Wood, D. and Weigel, A. (2012), "A framework for evaluating national space activity", *Acta Astronautica*, vol. 73, pp. 221–236.
- Zhdanov, V.L. (2015), " 'Space policy': concept and essence", *Pravo i politika*, no. 11, pp. 1629–1632.

Информация об авторе

Денис Д. Макаров, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; dalek.mak@gmail.com

Information about the author

Denis D. Makarov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dalek.mak@gmail.com

Сотрудничество ФРГ со странами Скандинавии в Балтийском море в условиях эскалации кризиса европейской безопасности

Артем С. Ломакин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, lomakinartemmsu@mail.ru*

Аннотация. В условиях существенной эскалации кризиса европейской безопасности представляется крайне актуальным изучение эволюции и системы взглядов стран коллективного Запада в отношении обеспечения безопасности Балтийского моря. Данная статья предпринимает попытку анализа трансформации сотрудничества Федеративной Республики Германия с государствами – Данией, Швецией, Финляндией и Норвегией – в Балтийском море. Фокус исследования ограничен германо-скандинавским треком. Он выделен не по формально-географическому признаку «Скандинавского полуострова», а по совокупности институциональных, военно-политических и экономических связей, которые наделяют именно эти североевропейские государства статусом ключевых партнеров ФРГ в сухопутной, морской и воздушной проекциях безопасности северного фланга. Финляндия включена в анализ исходя из ее неформального статуса «нордической страны», членства в профильных североевропейских форматах и прямой прибрежности к акватории Балтийского моря; термин «скандинавские» в тексте употребляется как операциональная категория, охватывающая нордические государства, критически вовлеченные в безопасность балтийско-североморского пространства. Такой выбор позволяет увидеть специфические механизмы взаимодействия с Германией: морскую компоненту, кооперацию в высокотехнологичных сегментах ВПК и совместные программы вооружений, энергетическую и инфраструктурную связность. На основе сравнительного и событийного методов рассматриваются: исторические предпосылки германо-скандинавского взаимодействия с 1945 г. до «поворотного момента» 2022 г.; влияние вступления Финляндии и Швеции в НАТО на распределение сил НАТО; эволюция форматов «NORDEFCO-Германия», «Joint Expeditionary Force» и Инициативы ЕС по Балтийскому морю; интеграция в области ВМС, инфраструктуры и энергетики; сценарии дальнейшего развития событий. Одним из ключевых результатов данного исследования стало рассмотрение военно-политического взаимодействия между

© Ломакин А.С., 2025

ФРГ и рассматриваемыми странами с точки зрения военно-политической и военно-технической кооперации. Была дана оценка вызовам, которые открываются перед Германией и странами Балтии в контексте активной деградации архитектуры европейской безопасности. Ключевыми задачами данного исследования являются: проследить развитие военно-политических подходов ФРГ по отношению к государствам Скандинавии; проанализировать нынешний уровень и степень развития военно-политических подходов официального Берлина и государств рассматриваемого региона; оценить степень влияния кооперации Германии и государств Скандинавии на проблемы европейской безопасности в контексте эскалации военно-политического кризиса в балтийском регионе.

Ключевые слова: ФРГ, военная политика, сотрудничество, НАТО, кризис безопасности, Финляндия, Дания, Норвегия, Швеция, скандинавский регион

Для цитирования: Ломакин А.С. Сотрудничество ФРГ со странами Скандинавии в Балтийском море в условиях эскалации кризиса европейской безопасности // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 119–142. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-119-142

German cooperation with the Scandinavian countries in the Baltic Sea amid the escalation of the European security crisis

Artem S. Lomakin

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, lomakinartemmsu@mail.ru*

Abstract. Amid a marked escalation of the European security crisis, the evolution and doctrinal framework of the collective West's approach to security in the Baltic Sea deserves close scrutiny. This article examines the transformation of the Federal Republic of Germany's cooperation with Denmark, Sweden, Finland, and Norway in the Baltic maritime theater. The inquiry is deliberately confined to the German-Scandinavian track. It is delineated not by the formal geography of the "Scandinavian Peninsula", but by a constellation of institutional, politico-military, and economic linkages that confer on these Northern European states the status of Germany's principal partners in the land, maritime, and air projections of security along the Northern flank. Finland is included on the basis of its informal designation as a "Nordic country", its participation in core Northern European formats, and its direct access to the Baltic Sea. Throughout the paper, the term "Scandinavian" is employed as an

operational category encompassing the Nordic states critically engaged in the security of the Baltic-North Sea space. This framing illuminates the specific mechanisms of interaction with Germany: the maritime component; energy and infrastructure connectivity; cooperation in high-technology segments of the defense industrial base and the joint armaments programs. Using comparative and event-based methods, the study addresses the historical premises of the German-Scandinavian interaction from 1945 to the “turning point” of 2022; the implications of Finland’s and Sweden’s accession to NATO for the Alliance’s force distribution; the evolution of the “NORDEFCO – Germany” formats, the Joint Expeditionary Force, and the EU’s Baltic Sea initiatives; naval, infrastructure, and energy integration; and prospective scenarios. A core contribution of the study is an assessment of a military-political interaction between Germany and the states under review through the lens of military-political and military-technical cooperation. The analysis evaluates the challenges confronting Germany and the Baltic littoral amid the accelerating erosion of Europe’s security architecture. The principal research tasks are to trace the development of the Federal Republic’s military-political approaches to the relations with the Scandinavian states; to analyze the current level and maturity of Berlin’s policies and those of the states in question; and to assess the extent to which the German-Scandinavian cooperation shapes Europe’s security in the context of escalation of the military-political crisis in the Baltic region.

Keywords: FRG, military policy, cooperation, NATO, Denmark, Norway, Iceland, Sweden, Scandinavian region

For citation: Lomakin, A.S. (2025), “German cooperation with the Scandinavian countries in the Baltic Sea amid the escalation of the European security crisis”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 119–142, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-119-142

Введение

Обозначенная тема исследования привлекает все больше внимания ученых и экспертов как в странах НАТО, так и в РФ. Вопросы исторической ретроспективы вклада ФРГ и стран Скандинавии в обеспечение безопасности на Балтийском море рассматриваются в научных статьях С.Н. Гриняева («Трансформация северо европейской безопасности: роль “NORDEFCO” и фактор Германии») [Гриняев 2025], Д.А. Данилова («Региональный военно-морской штаб “CTF Baltic”: новые структурные решения в Балтийском регионе») [Данилов 2024], в рамках которых затрагивается проблема развития военно-политического и военно-технического сотрудничества на Балтике. Вместе с тем в усло-

виях развития и становления новой политической реальности в Европе после 24 февраля 2022 г. направленность вышеупомянутого сотрудничества между рассматриваемыми государствами приобретает все большее значение в контексте противостояния государств коллективного Запада и РФ.

В качестве методологического базиса данной статьи выступает теория «наступательного реализма», предложенная ведущим американским политологом Джоном Миршаймером [Mearsheimer 2014].

С самого начала процесса объединения в 1990 г. Германия стала уделять гораздо больше внимания продвижению и развитию национальных вооруженных сил не только в плане взаимодействия с союзниками по НАТО [Ulatowski 2024], но и с точки зрения собственных национальных интересов, в том числе и в скандинавском регионе¹. Вместе с тем все чаще фиксируются заявления и конкретные попытки стран Скандинавии о намерениях значительного наращивания национальных вооруженных сил и готовность инвестировать все больше сил и средств на нужды коллективной обороны, в том числе и в регионе Балтийского моря. Кроме того, данное море приобретает все большее внимание в условиях резкого роста кризиса европейской безопасности, в качестве, возможно, очага политической напряженности². С целью изучения роли Балтийского моря в отношениях рассматриваемых стран необходимо рассмотреть вопросы исторической ретроспективы.

Исторический контекст (1945–2022)

Послевоенное развитие сотрудничества ФРГ и стран Скандинавии по вопросам обеспечения безопасности на Балтике было начато фактически сразу после завершения Второй мировой войны, которая вскоре перешла в биполярное противостояние. Помимо первоочередных вопросов послевоенного восстановления (разминирование морского дна и восстановления портовой инфраструктуры), были затронуты вопросы обеспечения мореходства на Балтике в условиях уже холодной войны [Westad 2017].

¹ Квашнин А.В., Останков В.И. Успешное решение проблем строительства Вооруженных Сил – важнейшее условие обеспечения национальной безопасности // Flot.com. 11.03.2004. URL: <https://flot.com/publications/books/shelf/safety/13.htm> (дата обращения: 24.05.2025).

² Washington Summit Declaration // NATO. 10.07.2024. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm (дата обращения: 25.04.2025).

Кроме того, реализовывались проекты и в сфере обеспечения продовольственной безопасности и инфраструктуры (табл. 1). Именно после завершения Второй мировой войны Балтийское море, по сути, стало потенциальной линией соприкосновения между двумя блоками. Уже в 1949 г. Дания и Норвегия присоединились к НАТО, что заложило основу будущей северной зоны ответственности НАТО. Швеция, придерживаясь политики вооруженного нейтралитета, заняла позицию «прозападного невступления», а Финляндия ограничена нейтралитетом, закрепленным Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Советским Союзом, который был подписан в 1948 г.³

Таблица 1

Совместные германо-скандинавские инициативы
по послевоенному восстановлению (1945–1952 гг.)

Год	Формат / операция	Участники
1945 г.	«Белые автобусы» – гуманитарная миссия Шведского и датского Красного Креста	Швеция, Дания, ФРГ
1945–1948 гг.	“German Mine Sweeping Administration” (“GMSA”) – союзническая структура разминирования Балтики под контролем Великобритании	ФРГ, Дания, Норвегия, Швеция, Великобритания
1945 г.	Разминирование сухопутных минных полей Дании	Дания, ФРГ
1945–1954 гг.	Датская продовольственная программа “Rädda Barnen”	Швеция, ФРГ, Дания
1947–1948 гг.	Восстановление железнодорожно-паромной линии Треллеборг – Сассниц	Швеция, ФРГ, СССР
1948–1952 гг.	Европейская программа восстановления («План Маршалла») и «Организация европейского экономического сотрудничества» (“Organisation for European Economic Cooperation”)	ФРГ, Дания, Норвегия, Швеция

Источник: составлено автором на основе открытых источников.

³ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Финляндией. 1948 г. // URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Договор_о_дружбе,_сотрудничестве_и_взаимной_помощи_между_СССР_и_Финляндской_Республикой (дата обращения: 15.09.2025).

Федеративная Республика Германия, образованная в 1949 г., до 1955 г. оставалась вне военных структур НАТО, однако стремительно стала интегрироваться в финансово-экономические процессы послевоенного восстановления Западной Европы, куда были вовлечены также и другие рассматриваемые государства. Налаживались торговые, культурные и иные связи со странами Скандинавии, которые традиционно высоко поддерживались официальным Берлином еще до Второй мировой войны⁴. С момента вступления ФРГ в НАТО в 1955 г. и создания в ответ на данное вступление организации Варшавского договора Балтика оказалась «замороженной» границей двух военно-политических блоков [Овчарук 2024]. С учетом крайне высокой степени милитаризации североевропейские государства вели весьма ограниченный формат гуманитарного межгосударственного сотрудничества по линии созданного в 1952 г. Северного совета (“Nordic Council”)⁵.

Кроме того, ключевым для ФРГ стало развитие «Восточной политики» (“Ostpolitik”) в период работы кабинета канцлера В. Брандта (1969–1974 гг.), которая открыла определенное окно возможностей для развития экономических связей с СССР, что косвенно снизило напряженность и на Балтике⁶. Не менее важным было и подписание заключительного Акта СБСЕ в Хельсинки в 1975 г., который зафиксировал нерушимость границ, но легитимировавшего «человеческое измерение» безопасности, на котором активно настаивали, в том числе, и скандинавские государства⁷.

⁴ Wolfert R. Die Geschichte der deutsch-skandinavischen Beziehungen // BBSR. 2009. URL: https://www.bbsr.bund.de/BBSR/DE/veroeffentlichungen/izr/2009/8_9/Geschichte_dt.pdf (дата обращения: 09.06.2025).

⁵ A stronger North? Nordic cooperation in foreign and security policy in a new security environment // Prime Minister's Office, Finland. 2018. URL: https://sldinfo.com/wp-content/uploads/2018/05/nordic-vnteas-report_final.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

⁶ Loth W. German historians and the German question in the Cold War, 2008 // The Digital Repository of University of Helsinki. 26.03.2008. URL: https://www.researchgate.net/profile/Pauli-Kettunen/publication/28362239_Cold_war_and_the_politics_of_history/links/56b8a79408ae5ad3605f4915/Cold-war-and-the-politics-of-history.pdf#page=164 (дата обращения: 13.06.2025).

⁷ Möttölä K. Finland and the OSCE // OSCE Yearbook 1998. Baden-Baden, 1999. URL: <https://ifsh.de/file-CORE/documents/yearbook/english/98/Moettoelae.pdf> (дата обращения: 11.06.2025).

Завершение биполярного противостояния и объединение ФРГ и ГДР в единое германское государство в 1990 г. радикально изменили стратегический баланс сил в регионе. Уже через два года, в 1992 г., по инициативе Германии, Дании и Польши был основан Совет Балтийского моря (“Council of the Baltic Sea States”, CBSS) – первая универсальная международная площадка, которая объединила все 11 прибрежных стран, в том числе и РФ. В том же году был запущен проект по линии Северного совета – “Nordic Council of Ministers Baltic Sea Programme”. Вместе с тем вторым треком укреплялись связи по линии “Nordic Cooperation” и “Nordic-Baltic Eight” (NB8), где официальный Берлин стремился играть активную роль [Стрюковатый 2024].

Обретя статус «якорной державы» объединенной после холодной войны Европы, Германия активно поддержала дальнейшее развитие и интеграцию новых членов в ЕС и НАТО. Уже к 2004 г. все три прибалтийские республики вступили в обе упомянутые выше организации, что существенно переместило границу североатлантического альянса к восточному берегу Балтики. Для ФРГ и стран Скандинавии это означало необходимость поиска новой устойчивой модели сотрудничества и взаимодействия, способной органично имплементировать постсоциалистические государства. Одной из проблем данного поиска стала повестка энергетического партнерства [Ковалёв, Балашов 2018].

Уже в первой декаде XXI в. Главный вектор региональной политике на Балтике был задан при помощи активного экспорта энергоносителей из РФ, преимущественно газа, что создало новую парадигму сотрудничества: «российский доступный газ – германская технологическая экспертиза – скандинавская логистика». В 2005 г. консорциум “Nord Stream AG” объявил о начале строительства первого в истории газопровода по дну Балтийского моря, объединив ФРГ и РФ в одном «энергетическом тандеме». Не смотря на напряженность в отношениях между официальной Москвой и Таллином в 2007 г., а также кратковременный вооруженный конфликт между РФ и Грузией в 2008 г., сотрудничество воспринималось как прагматичный подход в формате “win-win”. Уже к 2009 г. ЕС одобрил Стратегию для Балтийского моря (“EUSBSR”), которая была ориентирована на защиту окружающей среды, внедрение новейших технологий и сопряжений инфраструктур, в том числе и энергетической [Лещенко 2013].

На военно-политическом же направлении Финляндия и Швеция усиливали свое присутствие в НАТО путем участия в программе НАТО – “The Partnership for Peace” (PfP), а уже с 2009 г. –

в учениях “BALTOPS”⁸ и “Northern Coasts”⁹. Однако вплоть до 2014 г. дискуссии о необходимости и целесообразности членства двух государств в альянсе оставались на периферии. С 2014 г. НАТО инициировало политику «мер предосторожности» (“Readiness Action Plan”), а Германия впервые возглавила группу (“Enhanced Forward Presence”, eFP) в Литве в 2017 г. [Ломакин 2023].

Помимо этого, трансформация политического дискурса внутри ЕС и особенно сильно между ФРГ и США затронула инфраструктурный проект «Северный Поток 2» (“Nord Stream 2”). Таким образом, была обозначена тенденция на фрагментацию балтийского дискурса, который также затронул отношения ФРГ со странами Скандинавии, которые вновь вернулись к вопросам сдерживания Москвы, как это было в период холодной войны. Ключевым параметром военно-политического сотрудничества для рассматриваемых стран является механизм “NORDEFCO” в контексте упрощения доступа к военной инфраструктуре партнеров и регулярные учения в регионе [Новикова, Межевич 2013].

Вместе с тем активно используется формат сотрудничества в рамках альянса “Joint Expeditionary Force” (“JEF”) под эгидой Великобритании, куда также вошли Дания, Норвегия, Швеция и Финляндия, а также Нидерланды и Исландия. Германия вступила в данный формат сотрудничества в качестве наблюдателя, постепенно интегрируя подразделения бундесвера в совместные операции “Northern Spirit” и “Archer”¹⁰. Вместе с тем экономическое сотрудничество стран Скандинавии и Германии оставалось устойчивым даже в условиях санкционного режима против РФ, а также показывало определенный рост за счет развития «зеленого» технологического обмена в рамках инфраструктурных проектов высоковольтной инфраструктуры («Высоковольтная линия постоянного тока», “High Voltage Direct Current”)¹¹.

⁸ *Gotkowska J., Szymański P.* Between co-operation and membership: Sweden and Finland's relations with NATO // OSW Studies. № 62. 2017. URL: https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/OSW-study_62_between_co-operation_and_membership.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

⁹ Ibid.

¹⁰ *Zandee D., Drent M., Hendriks R.* The Defence cooperation models: Lessons learned and usability // Clingendael Report. 2016. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2016-02/Report_Defence_cooperation_models.pdf (дата обращения: 13.06.2025).

¹¹ Nordic-German Energy Cooperation and the Role of HVDC Interconnections // Nordic Energy Research. 2020. URL: <https://www.nordice>

2022 год стал поворотным моментом для национальных военных политик Германии и стран Скандинавии. Можно предположить, что «застрельщиком» в вопросе радикальной трансформации общеевропейских взглядов на вопросы выступил именно официальный Берлин. Заявление федерального канцлера О. Шольца об объявлении «Поворотного момента» “Zietenwende” 27 февраля 2022 г.¹² запустило «цепную реакцию» в соседних странах (Австрия, Нидерланды, Бельгия, Польша) в том числе и в Скандинавии¹³. Объявление об увеличении оборонного бюджета ФРГ на 100 млрд евро в том числе стало заявкой не только на «континентальное лидерство» по вопросам обеспечения безопасности в Европе, но и выступило в качестве призыва для стран-членов альянса и нейтральных европейских государств (Австрия, Швейцария, Финляндия). Уже 1 июня 2022 г. Дания провела референдум, на котором отказалась от своих оговорок по «Общей политике безопасности и обороны ЕС». 4 апреля 2023 г. Финляндия вступила в НАТО, удливнив сухопутную границу альянса с РФ на 1300 км, а уже 7 марта 2024 г. к НАТО присоединилась Швеция. Кроме того, альянс расширил свою программу “eFP” и анонсировал создание Регионального планирования обороны (DDA) с акцентом на дополнительные меры защиты для северной зоны ответственности НАТО («прибрежные корпуса»)¹⁴. В ноябре 2024 г. в Ростке начал свою работу многонациональный штаб “CTF Baltic” под германским руководством, призванный координировать совместные

nergy.org/article/tracking-nordic-clean-energy-progress-2020-edition/#:-:text=Nordic%20Energy%20Research%20*%20First%2C%20the%20creation,development%20of%20carbon%20capture%20and%20storage%20(CCS) (дата обращения: 12.06.2025).

¹² Policy Statement by Olaf Scholz, Chancellor of the Federal Republic of Germany, 27 February 2022 // Bundesregierung. 2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/service/archive/policy-statement-by-olaf-scholz-chancellor-of-the-federal-republic-of-germany-and-member-of-the-german-bundestag-27-february-2022-in-berlin-2008378> (дата обращения: 13.06.2025).

¹³ Wagner R., Schaprian H.-J. Operation Zeitenwende – eine Zwischenbilanz: Was Gesellschaft und Bundeswehr leisten müssen // Friedrich-Ebert-Stiftung, Landesbüro Sachsen-Anhalt. 2024. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/sachsen-anhalt/21753.pdf> (дата обращения: 13.09.2025).

¹⁴ Lorents N. NATO's Regional Defence Plans // International Centre for Defence and Security. Briefing Paper. 2024. URL: https://icds.ee/wp-content/uploads/dlm_uploads/2024/07/No-5_NATOs-Regional-Defence-Plans_NeLe-Lorents.pdf (дата обращения: 11.06.2025).

морские операции и защиту подводной инфраструктуры. Данный шаг вызвал незамедлительную дипломатическую реакцию Москвы и последующий ответ Берлина¹⁵.

Таким образом, за 75 лет Балтика прошла путь от «жесткого» биполярного противостояния к сложной сети институтов (CBSS, NORDEFCO, ЕС, НАТО, JEF), где Германия и страны Скандинавии действуют как «узлы» сложной сети управления и взаимодействия. Что касается энергетического направления, то и здесь произошел радикальный поворот: от взаимовыгодного газового партнерства с РФ регион перешел к стратегии отказа от энергопоставок из РФ и развитию зеленых энергетических проектов, что делает Балтику еще более чувствительной к потенциальным гибридным угрозам. В настоящий момент можно зафиксировать некоторую неопределенность для региона после провозглашения германского “*Zeitenwende*” вступления Финляндии и Швеции в НАТО. С одной стороны, это создает окно потенциальных возможностей для «минилатеральных» форматов, таких как NORDEFCO-Германия, однако это в значительной степени увеличивает риск инцидентов и гонки вооружения, а также негативную реакцию со стороны РФ¹⁶.

Эскалация на Балтике 2022–2025: новые условия

С весны 2022 г. Балтийский регион вступил в самую динамичную фазу развития в контексте эскалации кризиса европейской безопасности с момента окончания холодной войны. После объявления политики “*Zietenwende*” началась существенная трансформация в военно-технической сфере в самом балтийском регионе, где ФРГ стала играть более активную роль. К концу 2024 г. уже были подписаны контракты на закупку истребителей “F-35A”, тяжелые вертолеты “CH-47F”, системы противоракетной обороны “Arrow-3” и системы ракетно-залпового огня

¹⁵ German ambassador to Moscow rejects accusations of 2 + 4 Treaty violation // TASS. 22.10.2024. URL: <https://tass.com/world/1859921> (дата обращения: 13.06.2025).

¹⁶ Major C., Mölling C. Germany's *Zeitenwende*: An Interim Assessment. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik // SWP Research Paper 12/2023. 2023. URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/swp-podcast-spezial-zeitenwende-in-der-sicherheitspolitik-die-neuaufstellung-von-nato-und-bundeswehr> (дата обращения: 16.09.2025).

“HIMARS”, а германский военный бюджет обозначил тенденцию к укреплению роста свыше 2% ВВП на оборонные нужды [Bunde, Onderco 2024].

Вместе с этим была восстановлена работа командного центра территориальных операций в Бонне, в работу которого активно интегрируются скандинавские государства¹⁷. Особое внимание в работе командного центра уделяется защите критической инфраструктуры Балтийского моря, а Германия получила статус «рамочной нации» для формируемого Северного корпуса НАТО – институциональное закрепление германской зоны ответственности в регионе.

Расширение НАТО «на север» стало следующим структурным шагом. Уже 4 апреля 2023 г. Финляндия, а 7 марта 2024 г. Швеция стали 31-м и 32-м членами НАТО. Данное событие привело к расширению сухопутной границы блока с РФ, она увеличилась приблизительно до 2,6 тыс. км, а о. Готланд вновь стал ключевым военно-стратегическим районом НАТО, который направлен на сдерживание РФ. Оба государства в значительной степени начали активную интеграцию в систему логистики альянса, а в ноябре 2024 г. на базе Росток начал работу многонациональный штаб “CTF Baltic”, координирующий постоянное присутствие кораблей восьми прибрежных государств.

На уровне сотрудничества Европейского союза военные и санкционные механизмы по отношению к РФ стали развиваться синхронно. К маю 2025 г. Совет ЕС утвердил уже восемнадцать пакетов санкций¹⁸, тогда как Европейский оборонно-промышленный план (“EDIS”), принятый в 2024 г., и механизм “Act in Support of Ammunition Production” (ASAP) выделили 1,5 млрд евро субсидий на ускоренное производство боеприпасов. Примечательно, что наиболее крупными бенефициарами стали германо-скандинавские консорциумы “Rheinmetall-Nammo” и “BAE Hägglunds-Krauss-Maffei” и “BAE”, а Германия и Швеция заняли первое и второе

¹⁷ Tenenbaum É., Péria-Peigné L. Zeitenwende: the Bundeswehr's Paradigm Shift // French Institute of International Relations. 2023. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/tenenbaum_peria-peigne_zeitenwende_the_bundeswehrs_paradigm_shift_2023.pdf (дата обращения: 13.06.2025).

¹⁸ Russia's war of aggression against Ukraine: EU adopts 17th package of sanctions // Council of the European Union. 2025. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/05/20/russia-s-war-of-aggression-against-ukraine-eu-adopts-17th-package-of-sanctions> (дата обращения: 13.06.2025).

места по вкладу в Европейский фонд мира (1,1 и 0,79 млрд евро соответственно)¹⁹.

Приоритет в поддержании устойчивости критической инфраструктуры был определен после диверсий на трубопроводах «Северный поток 2» в сентябре 2022 г., а также “Balticconnector” в октябре 2023 г. Сегодня альянс определяет две ключевые зоны ответственности в данном направлении совместной работы: защита стратегической системы коммуникации и энергетической инфраструктуры. Для решения подобных задач страны НАТО ответили созданием совместной рабочей группы ЕС-НАТО по подводным сетям и «карты уязвимости-2024», где было зарегистрировано свыше 3 тыс. км трубопроводов и 19 тыс. км телекоммуникационных кабелей в зоне Балтийского моря. Кроме того, директива ЕС 2023/2557²⁰ обязывает операторов высоковольтной линии электропередач (“Baltic Offshore Grid”) проходить ежегодный аудит по безопасности²¹.

Что касается военно-технической кооперации, то она все чаще принимает форму «минилатерализма». В рамках NORDEFSCO-Германия датская 1-я бригада интегрирована в 10-ю танковую дивизию Бундесвера, финская “Jaeger Brigade” участвует в программе миссии “Cross-Border Air Policing”, а Швеция, Дания и Германия занимаются практической реализацией проекта трехпозиционного пояса ПРО “North Arrow”. Вместе с тем морская компонента военного сотрудничества также ведется на активном уровне. Так, судостроительные верфи г. Рендсбурга и г. Олесунна занимаются постройкой шести патрульных кораблей “P-871” на общую сумму 2,4 млрд евро, что в значительной степени укрепляет военно-промышленную связку “Damen-ThyssenKrupp”.

¹⁹ Act in support of ammunition production – results and beneficiaries following the first calls for proposals // Fondation pour la Recherche Stratégique. 2024. URL: <https://frstrategie.org/sites/default/files/documents/publications/defense-et-industries/2024/DI-19-Special-Issue-EDF-EDTIB.pdf> (дата обращения: 13.06.2025).

²⁰ EU-NATO Task Force on Resilience of Critical Infrastructure – Fact-sheet // European Commission. 2023. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2023-06/EU-NATO_Final%20Assessment%20Report%20Digital.pdf (дата обращения: 13.06.2025).

²¹ Saxi H.L. Nordic Defence Cooperation (Nordefco): Balancing efficiency and sovereignty, NATO and nonalignment // Norwegian Institute for Defence Studies, IFS Insight No. 2/2021. 2021. URL: https://www.widersecurity.fi/uploads/1/3/3/8/13383775/stete_yearbook_2013.pdf#page=67 (дата обращения: 13.06.2025).

В энергетическом секторе происходят столь же значительные изменения. Так, после остановки работы «Северного Потока 2» ФРГ ввела в эксплуатацию три передвижных хаба «FSRU», а Дания открыла дополнительный терминал Кристиансхьяун для снабжения энергоносителями Швеции. Весьма значимым в обеспечении энергетической безопасности связки ФРГ-Скандинавия является проект «Baltic Offshore Grid», общая сумма затрат на который достигла 1,8 млрд евро из фонда «CEF». Данный проект призван связать «энергетический хаб» о. Борнхольм (3 ГВт) с Любмином и южной Швецией. Кроме того, страховые премии на проход судов в Балтийском море выросли почти в четыре раза²², что создает дополнительный уровень стимуляции развития альтернативных маршрутов.

Таким образом, период 2022–2024 гг. в значительной степени отмечается как одновременным наращиванием военных потенциалов, так и институциональной сложностью в обеспечении безопасности в условиях резкой эскалации и является признаком к переходу к гибкому сотрудничеству Германии и стран Скандинавии в Балтике. В свою очередь, данные события также одновременно ознаменовали серьезный вызов и окно возможностей для поиска возможностей: оборонная индустрия, энергетика и поиск новых логистических цепочек формирует собой основу для более тесной кооперации, что в значительной степени может повысить уровень рисков и издержек в условиях кризиса архитектуры европейской безопасности [Stalvant 1999].

Военно-стратегические изменения

С точки зрения военно-политического и военно-стратегического сближения ФРГ со странами Скандинавии уместно говорить о заметном качественном налаживании кооперации после 2022 г., когда декларативные решения начали воплощаться в виде объединенных бригад, совместных морских операций и единого кораблестроительного цикла. Подобная трансформация затронула практически все направления сотрудничества и придала проблемам безопасности на Балтике новый импульс.

На суше ключевым событием стало формирование многонациональных соединений. Так, в июне 2023 г. Германия и Норвегия договорились о создании «Mountain Brigade North», в состав которой вошел «Jegerbataljonen» и германская 23-я горно-егерская бригада

²² Bornholm Energy Island's Electricity Infrastructure: Executive Summary // Energinet. 2022. URL: <https://en.energinet.dk/media/fj4bkl1y/eib-business-case-summary-uk.pdf> (дата обращения: 13.06.2025).

[Trunov 2025]. Не менее значимым действием стало включение 4-й механизированной бригады в оперативный контур 10-й танковой дивизии бундесвера: на учениях “Griffin Shield” 25-я смешанная батальонная группа преодолела маршрут из Шлезвиг-Гольштейна в Сконе за тридцать шесть часов, что тем самым подтвердило норматив готовности сил высокой готовности “JEF”. Обе бригады сведены в формируемый Северный корпус НАТО, где ФРГ выступает в качестве рамочной державы и занимается обеспечением единого стандарта планирования [Hardt 2024].

Особенно важно подчеркнуть нынешний характер отношений ФРГ и Королевства Норвегия не только в рамках сотрудничества на Балтике, а также и в контексте глобальной борьбы за лидерство в Арктике. В условиях кризиса европейской безопасности Норвегия выступает для ФРГ ключевым северным партнером в военнополитическом измерении сотрудничества со Скандинавией на Балтике, обеспечивая стыковку балтийского и североатлантического треков в рамках механизмов НАТО и сопутствующих режимов координации. Практический вклад Осло проявляется в поддержании морской ситуационной осведомленности, защите подводной критической инфраструктуры и согласованных подходах к противодействию гибридным угрозам. Немецко-норвежская повестка усиливает институциональную устойчивость регионального сдерживания и снижает трансатлантические издержки присутствия ФРГ в Балтийском бассейне.

Что касается морского пространства, то сотрудничество в данной сфере приобрело форму постоянных координированных патрулей. С февраля 2023 г. соглашение “Baltic Sea Coordinated Patrols”²³ закрепило в себе круглогодичное присутствие германских и скандинавских кораблей в ключевых секторах Аркона, «проход Готланда» и Финский залив.

Дополнительное измерение придает операции “BALTIC GRIP”, в рамках которой германо-датская группа тральщиков регулярно очищает фарватеры, используемые газовыми танкерами между Любмином и Вильгельмсхафеном²⁴.

²³ NATO steps up Baltic Sea patrols after subsea infrastructure damage // NATO. 2023. URL: <https://shape.nato.int/news-archive/2023/nato-steps-up-baltic-sea-patrols-after-subsea-infrastructure-damage> (дата обращения: 25.04.2025).

²⁴ Bundesministerium der Verteidigung 2024 – Bundesministerium der Verteidigung // Rüstungsbericht. 2024. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/nachhaltigkeitsbericht-2024-fuer-die-bundeswehr-veroeffentlicht-5863818> (дата обращения: 25.04.2025).

Также морская компонента военной кооперации тесно связана с совместным кораблестроительным циклом. Программа фрегатов “F126”, одобренная Бундестагом в декабре 2022 г., изначально задумывалась как модульная платформа, открытая для межгосударственного военно-технического партнерства. Первое соединение «фрегат-корвет» планируется поставить на боевое дежурство в 2028 г., после чего Германия получит роль ведущего участника зенитного прикрытия в рамках CTF Baltic, а Швеция – специализацию по борьбе с надводными целями на мелководье.

Сегодня сотрудничество Германии и стран Скандинавии выходит за пределы традиционного военно-политического и военно-технического взаимодействия, охватывая также воздушно-космическую сферу и киберпространство.

Исходя из этого, всеобъемлющий характер взаимодействия дает ощутимые результаты. Сокращение времени реагирования от выхода корабля ВМС страны-союзника из порта до постановки его на патруль сократилось с 72 до 36 часов, что в значительной степени повышает мобильность стран НАТО на Балтике. Объединенная система наземных радаров, корабельных сенсоров и спутниковой съемки также увеличило радиус ситуационной осведомленности почти в два раза.

Институциональные форматы сотрудничества ФРГ со странами Скандинавии на Балтике

С точки зрения институциональной архитектуры сотрудничество Германии, Дании, Швеции и Норвегии в регионе Балтийского моря можно представить в виде «уровней», где каждый ярус отвечает за определенный спектр задач и вызовов, что формирует, таким образом, взаимодополняемую систему безопасности и развития [Colbourn 2022].

На субрегиональном уровне наиболее значимым является формат NORDEFCO и NORDEFCO-Германия. Созданный 2009 г., данный формат сотрудничества выполнял функцию по оптимизации оборонных расходов стран Скандинавии посредством систематизации и упрощения закупок вооружений и военной техники (ВиВТ). С 2017 г. ориентированность NORDEFCO сместилась в сторону вопросов оперативной совместимости, а с принятием в 2020 г. программы “Vision 2025”²⁵ были определены ключевые

²⁵ Saxi H.L. Nordic Defence Cooperation (Nordefco): Balancing efficiency and sovereignty, NATO and nonalignment // Norwegian Institute for Defence

вызовы и задачи в регионе в условиях роста эскалации. Кроме того, был принят так называемый формат “Easy Access”, договорно оформленный доступ стран-членов к портовой инфраструктуре, аэродромам и складам с боеприпасами в мирное время. В свою очередь, это позволило в значительной степени упростить бюрократические и логистические процессы при проведении совместных военных учений как на море, так и на суше. С 2022 г. к NORDEFCO присоединилась и Германия, тем самым создав уникальный формат сотрудничества, включающий в себя:

- 1) совместные закупки реактивных систем K310 (“Rheinmetall-Hanwha”) и 155 мм снарядов;
- 2) общий пул транспортной авиации “A400M” под совместным управлением;
- 3) интеграцию датской 1-й механизированной и шведской 4-й бригад в структуры планирования 10-й танковой дивизии бундесвера.

Важно упомянуть, что решения по линии NORDEFCO-Германия принимаются на уровне трехстороннего Совета министров NORDEFCO, когда общая координация проходит через Комитет политики и обороны (“COPA”) и комитет военного сотрудничества (“COM”).

Кроме субрегионального формата, также имеются и механизмы НАТО и британского оборонного проекта JEF. После 2022 г. ежегодные маневры BALTOPS и “Northern Coasts”, по сути, стали многонациональным стресс-тестом для логистики и инфраструктуры НАТО: в 2024 г. данные учения собрали 53 корабля, 90 самолетов и 7,6 тыс. солдат и офицеров, минуя необходимость консенсуса всех 32 стран-членов НАТО²⁶. Ключевым, с точки зрения организационной инновации, стало открытие в ноябре 2024 г. в Ростке штаба “Combined Task Force Baltic” (“CTF Baltic”). Штабное ядро (120 офицеров) интегрирует планы стран-членов НАТО и JEF, устраняя дублирование командных структур, а в мирное время выполняет функции по транспортной морской координации, снижая риски инцидентов между гражданскими и военными судами. Через “CTF Baltic” ФРГ получает возможность

Studies, IFS Insight No. 2/2021. 2021. URL: https://www.widersecurity.fi/uploads/1/3/3/8/13383775/stete_yearbook_2013.pdf#page=67 (дата обращения: 13.06.2025).

²⁶ BALTOPS 24 set to demonstrate NATO agility in dynamic security environment // NATO. 07.06.2024. URL: <https://shape.nato.int/news-archive/2024/baltops-24-set-to-demonstrate-nato-agility-in-dynamic-security-environment> (дата обращения: 13.06.2025).

осуществлять оперативный контроль над морским периметром, одновременно разделяя бремя ответственности со своими скандинавскими партнерами [Flanagan 2024].

На микрорегиональном уровне ключевую роль играет и Совет государств Балтийского моря (“CBSS”). Хотя Стратегия ЕС для Балтийского моря (“EUSBSR”) была утверждена еще в 2009 г. с акцентом на проблемах экологии, диверсии на «Северный поток 2» и “Balticconnector” изменили приоритеты. В бюджете на 2023–2027 гг. Европейская комиссия направит 1,8 млрд евро на проекты по повышению устойчивости морской инфраструктуры: прокладка резервных оптоволоконных линий вокруг газопроводов, монтаж подводных сенсоров и финансирование высоковольтной инфраструктуры “Baltic Offshore Grid” (ввод в эксплуатацию планируется к 2030 г.). Одновременно с этим “CBSS” остается площадкой для более тесного обмена мнениями и опытом между ФРГ и скандинавскими странами перед заседаниями Совета ЕС по иностранным делам. Данный формат сохраняет принцип инклюзивности: технические проекты по очистке морского дна и цифровым коридорам делает участие РФ возможным без затрагивания санкционных режимов, что позволяет поддерживать минимальный уровень диалога на фоне существенной заморозки отношений²⁷.

Таким образом, кумулятивный эффект от совокупности различных уровней кооперации по линии NORDEFCO-Германия, НАТО/JEF и ЕУ/CBSS создает собой уникальный формат сотрудничества, который в значительной степени повышает устойчивость модели к внешнему шоку и позволяет ФРГ и странам Скандинавии одновременно укреплять оборону, осуществлять энергетические и инфраструктурные проекты²⁸.

Энергетика, инфраструктура и инновации в германо-скандинавском диалоге

Резкое прекращение поставок газа по газопроводу «Северный поток» и переход Германии к плавучим терминалам сжиженного

²⁷ European Union Strategy for the Baltic Sea Region: A Pilot Strategy for Other Regions? // University of Groningen. 26.06.2011. URL: <https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/23685728/13Nacchiafinal.pdf> (дата обращения: 13.06.2025).

²⁸ Kivimaa P. Policy and political (in)coherence, security and Nordic-Baltic energy transitions // Oxford Open Energy. 09.2022. URL: <https://academic.oup.com/ooenergy/article/doi/10.1093/ooenergy/oiac009/6751731?login=false> (дата обращения: 13.06.2025).

природного газа в Вильгельмсхафене, Брунсбюттеле и Штаде задали новый вектор – переход от линейных трубопроводов к гибким и разветвленным сетям поставок. Эту логику продолжает проект “Baltic Offshore Grid”, который соединяет датскую «энергетическую островную» инфраструктуру Борнхольма с Любмином и югом Швеции высоковольтными линиями передачи. Согласно отчету Еврокомиссии, введение в строй трехгигаваттного ветрового кластера и связанной с ним высоковольтной магистрали к 2030 г.²⁹ позволит перераспределять внушительные объемы электроэнергии между Данией, Германией и Швецией без участия наземных сетей, тем самым снижая существенную нагрузку на сухопутную инфраструктуру и уменьшая уязвимость к точечным атакам³⁰.

Подобная энергетическая архитектура становится базисом для «зеленого» водородного коридора. На искусственной платформе рядом с о. Борнхольм планируется запуск электролизера мощностью до 500 МВт: часть энергии ветропарка будет преобразована в водород и передана по переоснащенной нитке “Baltic Pipe 2”³¹. К 2032 г. ФРГ рассчитывает получать через Любмин до 110 тыс. тонн водорода ежегодно, что эквивалентно примерно 6% от общего потребления сектора химической промышленности³².

Также динамично развивается и цифровое измерение. Запуск оптоволоконной линии “С-Lion 2” между г. Хельсинки и г. Росток, а также ветки «Треллеборг – Любек», интегрированной в магистраль “DE-CYBER-Ring. С точки зрения финансового обеспечения подобных «зеленых» проектов, ФРГ и страны Скандинавии ведут совместный фонд по поддержке зеленых технологий “GreenTech Innovation Fund” объемом 1,2 млрд долл.

Таким образом, энергетическое, логистическое и инновационное сотрудничество между рассматриваемыми странами является собой интегрированную экосистему, где физические сети – высоковольтные линии, газо- и водопроводы, оптические кабели – усиливают друг друга в единой архитектуре интегрированной безопасности и устойчивого развития.

²⁹ Bornholm Energy Island's Electricity Infrastructure: Executive Summary // Energinet. 2022. URL: <https://en.energinet.dk/media/fj4bkl1y/eib-business-case-summary-uk.pdf> (дата обращения: 13.06.2025).

³⁰ Ibid.

³¹ Creating the foundation for Power-to-X on Bornholm // Energinet. 15.09.2023. URL: <https://stateofgreen.com/en/solutions/creating-the-foundation-for-power-to-x-on-bornholm/> (дата обращения: 13.06.2025).

³² Ibid.

Сценарный анализ рисков и возможностей

С точки зрения сценарного моделирования до 2030 г. представляется, что уровень напряженности будет лишь нарастать. Ниже приведены три референтных траектории, каждая из которых отражает различное сочетание военной динамики, политической воли и институциональной гибкости (табл. 2).

Таблица 2

Возможные сценарии развития эскалации на Балтике
(по состоянию на май 2025 г.)

Сценарии	Драйверы развития	Ключевые риски	Ключевые возможности
«Эскалационная милитаризация»	<ul style="list-style-type: none"> – ускоренное развёртывание батарей ПРО “Argrow-3” в Дании и Швеции; – расширение присутствия США в странах Балтии; – переход NORDEFCO-Германия к постоянному размещению конвенциональных вооружений 	<ul style="list-style-type: none"> – рост инцидентов на море; – фрагментация морских коридоров; – удорожание страховых премий до 0,15% стоимости судна 	<ul style="list-style-type: none"> – стимул для ускоренной цифровизации наблюдательных сетей; – дополнительный спрос на сервисы по защите подводной инфраструктуры
«Контролируемое сдерживание»	<ul style="list-style-type: none"> – институционализация формата военного сотрудничества ФРГ, Дании и Швеции в формате с функцией кризисных консультаций; – согласование правил перехода судов в БС (“Baltic Sea Code of Conduct”); – координация оборонных закупок через “NORDEFCO-Finance Cell” 	<ul style="list-style-type: none"> – затягивание переговоров о морских коридорах; – риск двойного регулирования ЕС и НАТО 	<ul style="list-style-type: none"> – снижение транзакционных издержек при использовании портов

Окончание табл. 2

Сценарии	Драйверы развития	Ключевые риски	Ключевые возможности
«Инклюзивная деэскалация»	<ul style="list-style-type: none"> – восстановление технического членства РФ в проекты CBSS; – заключение соглашения о предотвращении кризисных ситуаций между “CTF Baltic” и ВМФ РФ (Балтийским флотом); – открытие совместного центра мониторинга кабелей в Калининграде 	<ul style="list-style-type: none"> – политические ограничения санкционной политики; – сопротивление части союзников НАТО 	<ul style="list-style-type: none"> – снижение стратегической неопределенности; – формирование совместных стандартов кибер-защиты подводных сетей; – перезапуск научного обмена по очистке морского дна

Источник: составлено автором.

С учетом наивысшей вероятности сценария «контролируемого сдерживания» Германия и страны Скандинавии продолжают рассматриваться как региональный кризисный тандем. Деэскалационный сценарий представляет собой возможность поддержания высокого уровня консультаций упомянутых выше государств, которые не подменяют собой механизмы НАТО, что создает особую быструю в реагировании политическую надстройку над военно-политическими процедурами альянса. В случае если баланс будет смещен к более жесткой милитаризации, центральным вызовом станет насыщение замкнутого пространства акватории Балтийского моря средствами дальнего поражения – данная динамика уже прослеживается по планам размещения ракетных батарей на о. Готланд, а также размещения российских ракет в Калининграде.

Вне зависимости от сценария, критическим условием устойчивости остается потребность институтов быстро адаптироваться в условиях эскалации кризиса европейской безопасности.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование подтвердило исходную гипотезу о том, что после событий 2022 г. кооперация ФРГ с государствами Скандинавии перешла из режима «инкрементального регионализма» в режим углубленного структурного партнерства, основанного на принципах превентивной и коллективной обороны, энергетической диверсификации и технологической ко-инновации. Укреплению отношений в значительной степени способствуют три ключевых институциональных контура – NORDEFCP-Германия, НАТО/JEF и EU/CBSS, которые, в свою очередь, создали многоуровневую архитектуру, где каждый последующий формат кооперации способствует усилению и укреплению предыдущего: субрегиональный уровень обеспечивает оперативную гибкость, союзнический – военно-политическую сплоченность, а общеевропейский – ресурсы и политическую легитимацию. Таким образом, Балтика превратилась в регион активного сотрудничества рассматриваемых стран.

Вторая гипотеза, согласно которой энергопереход в значительной степени смягчит силовое противодействие, подтвердилась лишь частично: энергетические проекты «зеленой» направленности (высоковольтные линии, энергетический хаб о. Борнхольм) действительно представляют собой новое окно возможностей для наращивания сотрудничества, однако недавние диверсии в Балтийском море и возможные их угрозы в будущем показали, что энергетическая сфера остается ареной гибридного противостояния, а данная тенденция сохранится еще на долгие годы в контексте глобальной борьбы за Северное полушарие Земли между государствами.

В свою очередь, для российской внешней политики это означает значительное сужение потенциального пространства для возможного двустороннего маневра и одновременное появление ниш для более «точечного вовлечения». Прямое противостояние формирующейся архитектуре лишь усиливает тенденцию к ее закрытости; напротив, выборочная кооперация в неполитизированных сферах, на наш взгляд, способна сохранить пусть и ограниченное, но присутствие РФ в региональной «экосистеме» Балтики. Речь идет прежде всего о технических рабочих группах в рамках CBSS по вопросам экологии морского дна и безопасности судоходства, а также о проектах совместной утилизации затонувших боеприпасов и подводных мин и диалоге по проблемам кибербезопасности подводной инфраструктуры. Все затронутые форматы допускают участие «во внешнем контуре» без необходимости признания санкционной логики ЕС или прямого диалога с НАТО.

Литература

- Гриняев 2025 – *Гриняев С.Н.* Трансформация североευропейской безопасности: роль “NORDEFCO” в условиях геополитической напряженности // Аналитические записки Института Европы РАН. 2025. Вып. 2. № 18. С. 61–68. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/nauchnaya-zhizn/novosti/item/29052025> (дата обращения: 13.06.2025).
- Данилов 2024 – *Данилов Д.А.* Региональный военно-морской штаб “CTF Baltic” в Восточной Германии: военно-политические и политико-правовые аспекты // Аналитические записки Института Европы РАН. 2024. Вып. 4. № 30. С. 58–68. URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2024/an362.pdf> (дата обращения: 13.06.2025).
- Ковалёв, Балашов 2018 – *Ковалёв А.А., Балашов А.И.* Военная безопасность Балтийского региона в условиях продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. № 6 (363). С. 74–86.
- Лещенко 2013 – *Лещенко К.Е.* Энергетическая политика Германии: национальный и наднациональный контекст // Записки Горного института. 2013. Т. 201. С. 97–104.
- Ломакин 2023 – *Ломакин А.С.* Всеобъемлющая концепция модернизации Бундесвера (Перспективы реализации «Профиля возможностей») // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 5. С. 69–79.
- Новикова, Межевич 2016 – *Новикова И.Н., Межевич Н.М.* Финляндия и НАТО: как забвение уроков прошлого может привести к их повторению // Управленческое консультирование. 2016. № 4 (88). С. 27–39.
- Овчарук 2024 – *Овчарук А.П.* Милитаризация Балтийского региона блоком НАТО и риски безопасности России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2024. № 4. С. 38–53.
- Стрюковатый 2024 – *Стрюковатый В.В.* Геостратегическое положение России на Балтике как угроза морской блокады в современных условиях // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2024. № 1. С. 14–26.
- Bunde 2024 – *Bunde T., Onderco M.* Permissive dissensus: The nuclear dimension of the German “Zeitenwende” // The Nonproliferation Review. 2024. Vol. 30. No. 4–6. P. 221–240.
- Colbourn 2022 – *Colbourn S.* Euromissiles: The nuclear weapons that nearly destroyed NATO. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2022. 405 p.
- Flanagan 2024 – *Flanagan S.* Sustaining political cohesion // Routledge handbook of NATO / ed. by J.A. Olsen. L.: Routledge, 2024. P. 343–357.
- Hardt 2024 – *Hardt H.* NATO after the invasion of Ukraine: How the shock changed Alliance cohesion // International Politics. 2024. Vol. 61. No. 2. P. 213–233.

- Mearsheimer 2014 – *Mearsheimer J.* The tragedy of great power politics. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2014. 561 p.
- Stalvant 1999 – *Stalvant C.E.* The Council of Baltic Sea States // Subregional cooperation in the New Europe / ed. by A. Cottey, A. L.: Palgrave Macmillan, 1999. P. 46–48. https://doi.org/10.1007/978-1-349-27194-8_4
- Trunov 2025 – *Trunov P.O.* Peculiarities of German-Norwegian co-operation in the military-political sphere (late 2010s – first half of 2020s) // Arctic and North. 2025. No. 58. P. 113–133. URL: https://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/d0a/y4evtupma3qisl9lt41kvu12v1ymwhui/58_113_133.pdf (дата обращения: 13.06.2025).
- Ulatowski 2024 – *Ulatowski R.* The illusion of Germany's "Zeitenwende" // The Washington Quarterly. 2024. Vol. 47. Iss. 3. P. 59–76.
- Westad 2017 – *Westad O.A.* The Cold War: A world history. L.: Penguin, 2017. 720 p.

References

- Bunde, T. and Onderco, M. (2024), "Permissive dissensus: The nuclear dimension of the German Zeitenwende", *The Nonproliferation Review*, vol. 30, no. 4–6, pp. 221–240.
- Colbourn, S. (2022), *Euromissiles: The nuclear weapons that nearly destroyed NATO*, Cornell University Press, Ithaca, New York, USA.
- Danilov, D.A. (2025), "Regional Naval Headquarters 'CTF Baltic' in West Germany. Military-political and legal-political aspects", *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, iss. 4, no. 30, pp. 58–68.
- Flanagan, S. (2024), "Sustaining political cohesion", in Olsen, J.A., ed., *Routledge handbook of NATO*, Routledge, London, UK, pp. 343–357.
- Grinyaev, S.N. (2025), "Transformation of Northern European security. The role of NORDEFCO under geopolitical tensions", *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, iss. 2, no. 18, pp. 61–68.
- Hardt, H. (2024), "NATO after the invasion of Ukraine: How the shock changed Alliance cohesion", *International Politics*, vol. 61, no. 2, pp. 213–233.
- Kovalyov, A.A. and Balashov, A.I. (2018), "Military security of the Baltic region in the conditions of NATO military infrastructure advancement to the borders of the Russian Federation", *National Interests. Priorities and Security*, vol. 14, iss. 6 (363), pp. 74–86.
- Leshchenko, K.E. (2013), "Energy policy of Germany. National and supranational context", *Zapiski Gornogo instituta*, vol. 204, pp. 97–104.
- Lomakin, A.S. (2023), "A comprehensive concept for the modernization of the Bundeswehr. Prospects for implementing the 'Capability Profile' ", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 67, no. 5, pp. 69–79.
- Mearsheimer, J. (2014), *The tragedy of great power politics*, W.W. Norton & Company, New York, USA.

- Novikova, I.N. and Mezhevich, N.M. (2016), “Finland and NATO: how the forgetting of lessons of the past can lead to their repetition”, *Administrative Consulting*, vol. 88, no. 4, pp. 123–134.
- Ovcharuk, A.P. (2024), “NATO militarization of the Baltic region and the risks to the security of Russia”, *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 4, pp. 38–53.
- Stalvant, C.E. (1999), *The Council of Baltic Sea States*, in Cottey, A., ed., *Subregional co-operation in the New Europe*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 46–48, https://doi.org/10.1007/978-1-349-27194-8_4
- Stryukovaty, V.V. (2024), “Geostrategic position of Russia in the Baltic as a threat of naval blockade in modern conditions”, *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 1, pp. 14–26.
- Trunov, P.O. (2025), “Peculiarities of the German-Norwegian co-operation in the military-political sphere (the late 2010s – the first half of the 2020s)”, *Arctic and North*, no. 58, pp. 10–25.
- Ulatowski, R. (2024), “The illusion of Germany’s ‘Zeitenwende’”, *The Washington Quarterly*, vol. 47, iss. 3, pp. 59–76.
- Westad, O.A. (2017), *The Cold War: A world history*, Penguin, London, UK.

Информация об авторе

Артем С. Ломакин, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; lomakinartem@mail.ru

Information about the author

Artem S. Lomakin, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; lomakinartem@mail.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 339(47+57)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-143-151

Финансовая грамотность как инструмент формирования общего экономического пространства СНГ

Екатерина В. Кудряшова

*Сибирский университет потребительской кооперации,
Новосибирск, Россия, KudEV@sibupk.su*

Анна В. Шашкова

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД РФ, Москва, Россия, prof.shashkova@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается сотрудничество по повышению финансовой грамотности в рамках СНГ. Авторы проанализировали повышение финансовой грамотности в общем контексте сотрудничества государств-членов СНГ. Уровень сотрудничества стран СНГ за 30 лет постепенно понижался от идей экономического союза к построению общего экономического пространства и, наконец, к построению зоны свободной торговли. В текущих документах СНГ уже не ведется речь о поступательном движении к общему экономическому пространству. Тем не менее элементы общего экономического пространства в современном его понимании пока сохраняют свое значение, в частности развитие человеческого капитала. Сотрудничество в повышении финансовой грамотности, которое сохраняет динамику в СНГ, способствует развитию человеческого капитала или, если подходить шире, развитию общей экономической культуры на пространстве СНГ. Повышение финансовой грамотности в СНГ способствует развитию человеческого капитала, который в соответствии с современными представлениями об общем экономическом пространстве является его значимым элементом. Развивая отдельные элементы общего экономического пространства, можно со временем восстановить движение к построению общего экономического пространства СНГ.

Ключевые слова: СНГ, общее экономическое пространство, финансовая грамотность

© Кудряшова Е.В., Шашкова А.В., 2025

Для цитирования: Кудряшова Е.В., Шашкова А.В. Финансовая грамотность как инструмент формирования общего экономического пространства СНГ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 143–151. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-143-151

Financial literacy as an instrument for CIS common economic space development

Ekaterina V. Kudryashova

*Siberian University of Consumer Cooperation,
Novosibirsk, Russia, KudEV@sibupk.su*

Anna V. Shashkova

*Moscow State Institute of International Relations,
Moscow, Russia, prof.shashkova@rambler.ru*

Abstract. The article discusses the cooperation in enhancing financial literacy in the CIS. The authors analyze the increase of financial literacy in the general context of cooperation in the CIS. Over the past 30 years, the level of cooperation between the CIS countries has gradually decreased – starting with the idea of economic union, then turning to the common economic space, and finally ending with the free trade zone. The current CIS documents no longer mention the movement to common economic space. Nevertheless, there are still elements of the common economic space in its modern understanding. In particular, it is true for the development of human capital. Cooperation in improving financial literacy, which is still relevant in the CIS, contributes to the development of human capital or, more broadly, to the development of a common economic culture in the CIS. The results can be useful for specialists in the field of cooperation between the CIS countries, for scientists and practitioners involved in improving financial literacy. The improvement of financial literacy in the CIS contributes to the development of human capital, which is a significant element of common economic space in accordance with modern understanding. Developing individual elements of the common economic space, it may be possible to restore the movement towards a common economic space of the CIS.

Keywords: CIS, common economic space, financial literacy

For citation: Kudryashova, E.V. and Shashkova, A.V. (2025), “Financial literacy as an instrument for CIS common economic space development”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 143–151, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-143-151

Введение

В 2024 г. Россия председательствовала в Содружестве независимых государств и продолжала прилагать усилия к наращиванию экономического потенциала на фоне общего замедления интеграционных процессов¹. Содружество независимых государств (далее СНГ или Содружество) как и многие политические и экономические союзы в текущей ситуации испытывает трудности, но тем не менее СНГ так или иначе сохраняется уже в течение 30 лет.

Концепция председательства России в СНГ свидетельствует о том, что Россия пока не утратила интерес к этому межгосударственному образованию, отсюда возможен поиск потенциально перспективных направлений развития сотрудничества между государствами-участниками СНГ. В настоящей статье мы хотели бы указать на одно из таких направлений, где уже можно увидеть некоторые успехи и перспективы. Речь пойдет о формировании общей финансовой культуры, одна из важных составляющих которой – финансовая грамотность.

Перспективы и неудачи сотрудничества государств – участников СНГ обсуждаются в публикациях [Евсеев 2017], но избранному для обсуждения здесь аспекту пока не уделялось серьезного внимания. Цель статьи показать значение сотрудничества в рамках СНГ по повышению финансовой грамотности. В исследовании мы поместим проблему в общий контекст интеграционных и дезинтеграционных процессов, а также применим общенаучные методы анализа и синтеза.

Представления об общем экономическом пространстве и место финансовой грамотности в современной его трактовке

Изначально в Уставе СНГ, принятом Решением Совета глав государств СНГ в Минске 22 января 1993 г., государства-члены договаривались об экономическом сотрудничестве на базе рыночных отношений и свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы с продвижением в направлении общего экономического пространства (ст. 19). И даже предпринимались

¹ Концепция председательства Российской Федерации в Содружестве Независимых Государств в 2024 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73203> (дата обращения: 01.06.2025).

попытки к более высокому уровню интеграции на базе договора «О создании экономического союза», который был подписан в г. Москве 24 сентября 1993 г. Фактически же первоначальные интеграционные цели были оставлены, и уровень сотрудничества постепенно понижался. Если в Концепции экономического интеграционного развития СНГ (г. Москва, 28.03.1997) речь шла о принципах формирования Общего экономического пространства (п. 1.4), то в Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 г. (утверждена Решением Совета глав правительств СНГ от 14 ноября 2008 г.) одним из приоритетных направлений взаимодействия в рамках СНГ уже было завершение формирования и функционирование зоны свободной торговли в рамках СНГ, а также «создание предпосылок» для формирования общего экономического пространства. В принятой 18 декабря 2020 г. решением Совета глав государств СНГ Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и в Стратегии экономического развития СНГ на период до 2030 (принята решением Совета глав правительств СНГ от 29.05.2020) уже нет упоминания об общем экономическом пространстве и ключевым приоритетом является только равноправное, взаимовыгодное и многоплановое сотрудничество, включая экономическое.

Если задаться вопросом, что понималось в рамках СНГ под общим экономическим пространством, то мы найдем в преамбуле договора «О создании экономического союза», что общее экономическое пространство базируется на свободном перемещении товаров, услуг, рабочей силы и капиталов, а также упрочения прямых связей хозяйствующих субъектов договаривающихся государств.

Теоретических определений общего экономического пространства довольно много. Посвятивший много работ проблемам единого и общего экономического пространства современный исследователь А.А. Урунов разделил теоретические подходы к пониманию общего экономического пространства на пять групп: 1) территориальный; 2) процессный; 3) ресурсный; 4) информационный; 5) институциональный (предложенный им самим) [Урунов 2014, с. 28]. В основном только первая группа теорий концентрируется исключительно на территории, все остальные включают в понятие общего пространства экономические процессы и отношения, вовлекая сюда физических лиц и их объединения, а также иных хозяйствующих субъектов. Есть также представление об экономическом пространстве, которое делает акцент не столько на территории как размещенческом базисе, сколько на социально-экономической среде взаимодействия хозяйствующих субъектов, формируемой применяемыми на территории механизмами регу-

лирования экономики. Экономическое пространство по форме «предстает как сетевая структура взаимодействий, возникающих в процессе экономической деятельности субъектов хозяйствования» [Лаврикова 2008]. Анализируя приведенное выше определение из договора о создании экономического союза, о котором со временем забыли, и более успешные и претворенные в жизнь договоренности между участниками СНГ, можно утверждать, что общее экономическое пространство не ограничивается только территориальным подходом. Неизменно речь идет о хозяйственных связях, кооперации и развитии человеческого капитала, что соответствует более широкому и современному пониманию общего экономического пространства. Для целей настоящей статьи для нас важно, что в рамках СНГ делается акцент на развитии человеческого капитала.

В публикациях объединение СНГ оценивалось как функционирующее только формально и далеко отстоящее от формирования общего экономического пространства [Урунов 2015], хотя Россия в Концепции председательства в СНГ в качестве целей заявила «углубление экономической интеграции, в том числе в контексте создания единого экономического пространства»². Отметим, что единое экономическое пространство – это более высокий уровень интеграции по сравнению с общим. Так или иначе, даже если создание общего экономического пространства ставится под вопрос в Стратегии экономического развития СНГ на период до 2030 г., среди целей сохраняются элементы общего экономического пространства, в частности, сохранен пункт о развитии человеческого капитала, который, как мы указали выше, составляет важную часть общего экономического пространства. Возможно, из этих элементов позже восстановится цель создания общего экономического пространства.

Именно в контексте такого элемента общего экономического пространства, как человеческий капитал необходимо обратить внимание на следующее. На общем фоне упадка сотрудничества в рамках СНГ можно наблюдать некоторые успехи в развитии экономической культуры, и в частности, успехи в сотрудничестве по поводу финансовой грамотности.

Понятие «человеческий капитал», если смысл его состоит в совокупности навыков и умений, необходимых для удовлетворения разнообразных потребностей индивида и общества, тесно связано с более широкими понятиями экономической культуры и финансовой грамотности. Понятие «Человеческий капитал» обычно применяется для характеристики индивида, создающего блага, тогда как

² Там же.

понятие «экономическая культура» охватывает все формы взаимоотношений людей между собой и с обществом в сфере экономики.

Понятие «Финансовая грамотность» представляет собой значительную составляющую экономической культуры. Финансовая грамотность характеризует финансовое поведение как одну из форм экономического поведения с возможностью выбора модели, ориентированной на управление финансовыми ресурсами и обеспечение благополучия человека [Тарибо, Козленко 2022; Леднева 2018, Овсянников 2009]. Экономическая культура связана как с экономическим, так и с культурным сотрудничеством, что также расширяет возможности для формирования интеграционных тенденций.

Значение финансовой грамотности для развития сотрудничества в рамках СНГ

В СНГ принята формулировка финансовой грамотности как способности физических лиц понимать финансовые риски и принимать эффективные решения в целях улучшения собственного финансового благосостояния и обеспечения защиты своих интересов³.

Решением Совета глав правительств СНГ была принята Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года (г. Кишинев, 14.11.2008), где была обозначена необходимость создать в государствах-участниках равные возможности по защите прав потребителей финансовых услуг. Динамичное развитие рынка финансовых услуг, диверсификация финансовых инструментов, появление комплексных финансовых продуктов вызывают все более сложные вопросы у потребителей финансовых услуг. Повышение финансовой грамотности граждан и развитие финансового просвещения имеют решающее значение для продвижения идей общего финансового рынка [Касьянов 2021; Давыдов 2024; Сакович 2022; Дадаханов 2024] с эффективной защитой прав потребителей финансовых услуг.

Логично, что в 2015 г. в рамках регионального сотрудничества стран СНГ одобрен Доклад о повышении уровня финансовой грамотности и развитии финансового образования в государствах – участниках СНГ (Решение Совета глав правительств СНГ от 30 октября 2015 г.). В докладе перечислены меры, которые уже

³ См.: Доклад о повышении уровня финансовой грамотности и развитии финансового образования в государствах-участниках СНГ (Решение Совета глав правительств СНГ от 30 октября 2015 г.).

были предприняты странами СНГ для повышения финансовой грамотности. Доклад был положительно воспринят и по его итогам проводились и проводятся совместные мероприятия по объединению усилий представителей из государств СНГ⁴.

Заключение

Как нам представляется, сотрудничество в сфере повышения финансовой грамотности – это редкий случай поступательного движения к формированию общего экономического пространства. Повышение уровня финансовой грамотности – это комплексный процесс, включающий образовательные реформы, массовые просветительские кампании, цифровые инициативы и тесное международное сотрудничество. Необходимо также отметить, что при высоком уровне мобильности трудовых ресурсов и, как следствие, расширении финансовых потоков между отдельными государствами СНГ необходимо поддерживать определенный общий уровень финансовой грамотности граждан заинтересованных государств.

Литература

- Давыдов 2024 – *Давыдов К.В.* Концепция административного акта в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5 (117). С. 150–158.
- Дадаханов 2024 – *Дадаханов С.* Повышение финансовой грамотности населения в контексте рынка ценных бумаг как важный фактор развития финансового сектора Узбекистана // III республиканская научно-практическая конференция «Приоритетные направления, современные тенденции и перспективы развития финансового рынка»: Сб. науч. статей и тезисов. Ташкент: Ташкентский государственный экономический ун-т, 2024. С. 307–310.
- Евсеев 2017 – *Евсеев В.* Россия и государства-участники СНГ: проблемы и перспективы развития // Постсоветский материк. 2017. № 4 (16). С. 5–12.
- Касьянов 2021 – *Касьянов Р.А.* Регулирование рынка финансовых услуг по праву ЕС и ЕАЭС. М.: МГИМО-Университет, 2021. 749 с.
- Лаврикова 2008 – *Лаврикова Ю.Г.* Стратегические приоритеты пространственного развития регионов в сетевой экономике // Вестник УГТУ-УПИ. Серия: Экономика и управление. 2008. № 5. С. 37–49.

⁴ *Михайловский К.* Как развивают финансовую культуру в СНГ // Мои финансы. 2023. 15 дек. URL: <https://моифинансы.рф/article/kak-razvivayut-finansovuyu-kulturu-v-sng/> (дата обращения: 01.06.2025).

- Леднева 2018 – *Леднева Ю.В.* Конституционные основы финансового законодательства // *Налоги и финансовое право*. 2018. № 12. С. 140–147.
- Овсянников 2009 – *Овсянников С.В.* К вопросу о соотношении материального и формального в налоговых спорах // *Налоговые споры: опыт России и других стран: по материалам II Международной научно-практической конференции, 21–22 ноября 2008 г., Москва / под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Статут, 2009. С. 226–243.*
- Сакович 2022 – *Сакович Ю.* Уровень финансовой грамотности населения стран СНГ: факты и выводы // *Банкаўскі веснік*. 2022. № 4. С. 36–47.
- Тарибо, Козленко 2022 – *Тарибо Е.В., Козленко М.С.* Роль конституционного правосудия в обеспечении благополучия человека // *Конституционное и муниципальное право*. 2022. № 1. С. 51–56.
- Урунов 2014 – *Урунов А.А.* Единое и общее экономическое пространство. М.: Синергия, 2014. 387 с.
- Урунов 2015 – *Урунов А.А.* О теории и практике формирования и развития общего и единого экономического пространства России со странами СНГ // *Вестник университета*. 2015. № 8. С. 165–171.

References

- Dadakhanov, S. (2024), “Enhancing public financial literacy in the context of securities market as an important factor of the Uzbekistan financial sector development”, in *III respublikanskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Prioritetnye napravleniya, sovremennye tendentsii i perspektivy razvitiya finansovogo rynka”: Sbornik nauchnykh statei i tezisev* [Proceedings of the 3^d Republican Scientific-Practical Conference on the Topic “Priority Directions, Modern Tendencies and Prospects of Financial Market Development”. Collected articles], Tashkentskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet, Tashkent, Uzbekistan, pp. 307–310.
- Davydov, K.V. (2024), “The concept of an Administrative Act in the CIS countries. Comparative legal analysis”, *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, vol. 117, no. 5, pp. 150–158.
- Evseev, V. (2017), “Russia and the states of CIS. Problems and perspectives”, *Post-sovetskii materik*, vol. 16, no. 4, pp. 5–12.
- Kasyanov, R.A. (2021), *Regulirovanie rynka finansovykh uslug po pravu ES i EAES* [Regulation of financial services according to the law of EU and EAEU], MGIMO-Universitet, Moscow, Russia.
- Lavrikova, Yu.G. (2008), “Strategic priorities of spatial development of regions in network economy”, *Vestnik UGTU-UIP. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, no. 5, pp. 37–49.
- Ledneva, Yu.V. (2018), “Constitutional basis of financial legislation”, *Nalogi i finansovoe pravo*, no. 12, pp. 140–147.

- Ovsyannikov, S.V. (2009), "To the issue of the material and the formal in tax litigations", in Pepelyaev, S.G., ed., *Nalogovye spory: opyt Rossii i drugikh stran: po materialam II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 21–22 noyabrya 2008 g., Moskva* [Tax disputes: experience of Russia and other countries: based on the materials of the 2^d International Scientific and Practical Conference, November 21–22, 2008, Moscow], Statut, Moscow, Russia, pp. 226–243.
- Sakovich, Yu. (2022), "The level of financial literacy of citizens of the CIS. Facts and conclusions", *Bankajski vesnik*, no. 4, pp. 36–47.
- Taribo, E.V. and Kozlenko, M.S. (2022), "The role of constitutional justice in ensuring human welfare", *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 1, pp. 51–56.
- Urunov, A.A. (2014), *Edinoe i obshchee ekonomicheskoe prostranstvo* [United and common economic space], Sinergia, Moscow, Russia.
- Urunov, A.A. (2015), "About the theory and practice of formation and development of the general and the common economic space of Russia with the Commonwealth of Independent States countries", *Vestnik Universiteta*, no. 8, pp. 165–171.

Информация об авторах

Екатерина В. Кудряшова, доктор юридических наук, профессор, Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, Россия; 630087, Россия, Новосибирск, ул. Карла Маркса, д. 26; KudEV@sibupk.su

Анна В. Шашкова, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр-кт Вернадского, д. 76; prof.shashkova@rambler.ru

Information about the authors

Ekaterina V. Kudryashova, Dr. of Sci. (Law), professor, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia; 26, K. Marx St., Novosibirsk, Russia, 630087; KudEV@sibupk.su

Anna V. Shashkova, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia; 76, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119454; prof.shashkova@rambler.ru

Дистанционное электронное голосование в арктических и субарктических регионах России на выборах Президента Российской Федерации в 2024 г.

Светлана С. Рожнева

*Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, rozhneva@mail.ru*

Дмитрий А. Хохлов

*Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, dima.5213.khokhlov@mail.ru*

Аннотация. В статье изучаются практики дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в арктических и субарктических регионах Северо-Запада России на выборах Президента Российской Федерации 2024 г.: в Республике Карелия, Архангельской и Мурманской областях, Ненецком автономном округе. Анализируются структурные детерминанты электорального поведения, обусловленные геополитическим положением, демографическими особенностями и уровнем цифровой зрелости исследуемых субъектов Российской Федерации. Отмечается стремление России сохранить Арктику как регион мира и согласия, стабильного и взаимовыгодного партнерства в условиях современных вызовов и угроз национальной безопасности государства со стороны недружественных стран, что актуализирует факт повышенного внимания граждан страны к избранию главы государства.

Методологическим основанием исследования выступает теория цифрового общества, согласно которой в социальном пространстве складываются сетевые структуры и соответствующие им каналы коммуникации, трансформируются связи между индивидами и формируются новые нормы и ценности в общественном сознании. Посредством концепции структур социальных размежеваний интерпретируются условия, влияющие на электоральную явку и конфигурацию предпочтений избирателей на президентских выборах первого порядка. Сравнительный анализ и подсчет линейной корреляционной зависимости данных Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, рейтинговое и индексное ранжирование единиц изучения позволил провести многофакторный анализ практик ДЭГ в арктических и субарктических регионах России на выборах Президента Российской Федерации 2024 г.

В заключении делается вывод, что внедрение ДЭГ не только повышает электоральную активность, но и модифицирует механизмы формирования политической легитимности, а также предоставляет возможности оценить перспективы дальнейшей цифровизации избирательного процесса.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, дистанционное электронное голосование, выборы Президента Российской Федерации 2024 г., арктические и субарктические регионы, Республика Карелия, Архангельская область, Мурманская область, Ненецкий автономный округ

Для цитирования: Рожнева С.С., Хохлов Д.А. Дистанционное электронное голосование в арктических и субарктических регионах России на выборах Президента Российской Федерации в 2024 г. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 152–167. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-152-167

Remote e-voting in Russia's Arctic and subarctic regions during the 2024 Presidential elections in the Russian Federation

Svetlana S. Rozhneva
*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, rozhneva@mail.ru*

Dmitrii A. Khokhlov
*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, dima.5213.khokhlov@mail.ru*

Abstract. The article examines the practices of the remote e-voting in the Arctic and subarctic regions of Northwestern Russia during the 2024 Presidential elections in the Russian Federation: in the Republic of Karelia, the Arkhangelsk Oblast, the Murmansk Oblast, the Nenets Autonomous Okrug. The analysis focuses on the structural determinants of the voting behavior based on the geopolitical position, demographic characteristics, and the level of digital maturity of the studied Russia's regions. The article highlights Russia's intention to keep the status of the Arctic as the region of peace and harmony, stable and mutually beneficial partnerships during the ongoing era, of the challenges and threats to national security posed by the unfriendly states. This fact underscores the increased citizens' attention to the Presidential elections.

The methodological frames are based on the digital society theory in order to indicate the ability of digital technologies to transform the social space into the network structures and corresponding communication channels, to reshape social connections, and form new values and norms in public opinion.

The first-order Presidential elections are interpreted through the concept of social cleavage structures, the conditions affecting the voter turnout and the configuration of voter preferences. A comparative analysis and calculation of the linear correlation dependencies based on the data from the Central Election Commission of the Russian Federation, as well as the survey of the rating and index ranking of the studied units, enabled a multifactorial analysis of the remote e-voting practices in Russia's Arctic and subarctic regions during the 2024 Presidential elections.

In conclusion, the authors argue that the implementation of a remote e-voting not only increases electoral activity but also modifies the mechanisms of political legitimacy formation, while providing the opportunities to assess the prospects for further digitalization of the electoral process.

Keywords: digitalization, digital technologies, remote e-voting, 2024 Presidential elections in the Russian Federation, Arctic and subarctic regions, Republic of Karelia, Arkhangelsk Oblast, Murmansk Oblast, Nenets Autonomous Okrug

For citation: Rozhneva, S.S. and Khokhlov, D.A. (2025), "Remote e-voting in Russia's Arctic and subarctic regions during the 2024 Presidential elections in the Russian Federation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 152–167, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-152-167

Введение

Цифровизация электорального пространства обусловлена неизбежными тенденциями развития современного общества, в котором «упрощаются социальные взаимодействия, повышается информационная открытость, снижаются издержки периферийности» [Смирнов 2021, с. 131]. Интеграция цифровых технологий в избирательные практики России трансформирует отношения власти и граждан. В системе управления появляются новые возможности для прозрачности, легитимности выборов и гражданского участия в политических процессах. Одновременно с этим возникают вызовы, обусловленные цифровым неравенством развития регионов, киберугроз, дефицитом доверия к цифровым платформам.

Дистанционное электронное голосование (ДЭГ) – это платформа, активно внедряемая в электоральный процесс Российской Федерации. «Дистанционное электронное голосование на выборах является новой формой политического участия, влияние которой на политическую систему будет увеличиваться» [Федоров 2021, с. 154]. ДЭГ выступает не только удобным способом волеизъяв-

ления избирателей, повышая гражданскую заинтересованность к выборам, но и позволяет решать проблемы доступности участия в выборах, стимулируя рост электоральной явки. В интернет-голосовании существует особый тип, применяющий технологии «избирательного блокчейна» [Алексеев, Абрамов 2020, с. 21] – принцип распределенного хранения информации на электронных носителях без возможности ее изменения. Автоматизированный подсчет голосов и онлайн-мониторинг делают электоральный процесс прозрачным, а публичные механизмы контроля повышают доверие общества к выборам.

Арктические и субарктические регионы¹ страны находятся в повышенной зоне риска в силу не только суровых природно-климатических условий северных широт, но и тенденций демографического старения населения, трудовой миграции, снижения уровня жизни, потери преемственности поколений в вопросах культурно-исторического наследия и т. п. После начала Специальной военной операции в 2022 г. наблюдается усугубление международных отношений на приграничных территориях Арктической зоны Российской Федерации в контексте вопросов милитаризации региона. Стремление России сохранить Арктику как регион мира и согласия, стабильного и взаимовыгодного партнерства подвержено угрозам национальной безопасности государства со стороны недружественных стран. В подобной ситуации проведение президентских выборов в Российской Федерации в 2024 г. было обусловлено повышенным вниманием граждан к избранию главы государства.

Отметим, что ДЭГ применялось в арктических и субарктических территориях только Северо-Западного федерального округа (СЗФО): в Республике Карелия, Архангельской и Мурманской областях, Ненецком автономном округе.

Целью настоящей статьи является изучение практик голосования с применением ДЭГ, оценка его эффективности, а также выявление ключевых факторов, влияющих на особенности электоральных предпочтений избирателей арктических и субарктических регионов Северо-Запада России на выборах Президента Российской Федерации 17 марта 2024 г.

Научная ценность статьи заключается в обобщении опыта дистанционного голосования в отдаленных периферийных северо-западных арктических и субарктических субъектах Российской Федерации с использованием ДЭГ на президентских выборах 2024 г.

¹ В настоящей статье под субарктическими регионами понимаются субъекты Российской Федерации, которые имеют в своем составе районы, относящиеся к Арктической зоне России.

Для изучения специфики голосования по ДЭГ были определены структуры социальных размежеваний анализируемых территорий, сопоставлены данные электоральной активности на президентских выборах 2018 и 2024 гг., выявлены особенности электоральных предпочтений.

Методология исследования опирается на теорию цифрового общества, характеризующегося ускорением времени и алгоритмизацией социально-экономических [Зубофф 2022] и политических практик, активно развивающихся в эпоху Интернета. Цифровые технологии преобразуют социальное пространство в сетевые структуры, представляющие собой каналы коммуникации власти и общества на глобальном уровне [Кастельс 2000; Кастельс 2004; Rothkopf 2008]. Цифровизация трансформирует социальное взаимодействие и формирует новые формы и ценности в обществе [Turkle 2011, p. 1; Schwab 2017, Serpa et al. 2020], а цифровые технологии могут быть использованы для контроля и манипуляции сознанием людей [Morozov 2011], играя не только положительную, но и отрицательную роль, не только ускоряя, но и поработавшая поведение человека [Wajman 2015].

В современных практиках голосования ДЭГ рассматривается как одна из новых цифровых технологий, способная влиять на электоральное поведение и увеличивать активность избирателей. Согласно теории первичных и вторичных выборов [Reif, Schmitt 1980], выборы главы государства, как правило, сопровождаются повышенной электоральной явкой [Shugart, Carey 1992; Franklin 2004], нежели голосование на местах, поскольку воспринимаются в сознании граждан как более значимые для формирования государственной политики [André, Dobrzynska 1998; Rohrschneider, Clark 2009]. В современном медийном пространстве цифрового общества подчеркивается сложная природа внутрипартийной борьбы, усиливаются практики социальных размежеваний, влияющих на явку избирателей.

Несмотря на то что теория социальных размежеваний («клеважей» <cleavages>) С. Липсетом и С. Рокканом [Липсет, Роккан 2004] применялась для анализа статистических данных и выявления связи бинарных расколов партийных систем и предпочтений избирателей, в контексте настоящего исследования она используется в качестве определения структур размежеваний на территориях арктических и субарктических регионов Северо-Запада России, как детерминирующих переменных, влияющих на электоральную явку, и не имеющих конфликтной коннотации.

Посредством сравнения и подсчета линейной корреляционной зависимости данных Центральной избирательной комиссии Рос-

сийской Федерации (ЦИК РФ) по коэффициенту Пирсона (R_{xy}), рейтингового и индексного ранжирования единиц изучения, был проведен многофакторный анализ практик ДЭГ в арктических и субарктических регионах России на выборах Президента Российской Федерации в 2024 г.

Нормативно-правовые основы проведения ДЭГ на выборах президента 2024 г.

Следует отметить, что к выборам Президента Российской Федерации в 2024 г. были приняты нормативно-правовые акты, официально разрешившие голосование через Интернет в 29 субъектах России, определившие порядок организации и проведения ДЭГ, включая вопросы идентификации избирателей, защиты данных и обеспечения прозрачности процесса². Участвующие в эксперименте субъекты Российской Федерации дополнительно руководствовались нормативными документами регионального значения, регулирующими порядок ДЭГ на их территориях.

Структуры социальных размежеваний

Согласно адаптированной к цели данного исследования теории социальных размежеваний, были определены следующие структуры:

- 1) «центр – периферия» – демонстрирует отдаленность Республики Карелия, Архангельской, Мурманской областей и Ненецкого автономного округа от центральной части страны;
- 2) «территории с приграничным транснациональным статусом» («ТПТС») – «территории без приграничного транс-

² Федеральный закон № 67-ФЗ от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. Ру. Информационно-правовой портал. Ст. 64. 1. Дистанционное электронное голосование. URL: <https://base.garant.ru/184566/89300effb84a59912210b23abe10a68f/> (дата обращения: 28.02.2025); Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации № 143/1099-8 от 20 декабря 2023 г. «О дистанционном электронном голосовании на выборах Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года» // Гарант. Ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408215295/#review> (дата обращения: 28.02.2025).

- национального статуса» («Т6ПТС») – фактор определяет важность субъекта Российской Федерации, с точки зрения геополитической значимости региона, его сухопутных границ;
- 3) «город – село» – признак показывает соотношение городских и сельских жителей к общей численности населения (в %), формируя преобладающую структуру электората в регионе;
 - 4) «районы с моногородами»³ – «районы без моногородов» – параметр указывает на степень промышленной развитости района и наличие рисков развития территорий, что может влиять на характер протекания социально-экономических процессов и специфику предпочтений избирателей на выборах;
 - 5) «цифровая зрелость» – «цифровая незрелость» – использование данных рейтинга внедрения Платформы обратной связи (ПОС) Минцифры России за 2024 г.⁴ позволяет оценить уровень интеграции цифровых сервисов в субъектах Российской Федерации с точки зрения развития цифровой инфраструктуры, IT-сектора, связанных с предоставлением государственных услуг, включая платформу «Госуслуги», являющейся ключевым инструментом взаимодействия граждан с государством, в том числе для регистрации и участия в ДЭГ. Обозначается уровневое распределение признака по шкале предложенной структуры размежеваний: высокий (1–35-е места в рейтинге ПОС), средний (36–51-е места в рейтинге ПОС) и низкий / «цифровая незрелость» (52–58-е места в рейтинге ПОС) уровни цифровой зрелости;
 - 6) «доступ внедрения ДЭГ» – «барьеры внедрения ДЭГ» – статистический показатель, демонстрирующий использование ДЭГ на выборах Президента Российской Федерации в 2024 г. (см. табл. 1).

³ Постановление Правительства Российской Федерации № 709 от 29 июля 2014 г. «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения» // Информационно-правовой портал «Гарант. Ру». URL: <https://base.garant.ru/70707142/> (дата обращения: 09.03.2025).

⁴ Опубликован рейтинг регионов по внедрению платформы обратной связи в 2024 г. // D.RUSSIA.RU. URL: <https://d-russia.ru/opublikovan-rejting-regionov-po-vnedreniju-platformy-obratnoj-svjazi-v-2024-godu.html> (дата обращения: 15.03.2025).

Таблица 1⁵

Структуры социальных размежеваний
арктических и субарктических субъектов СЗФО
Российской Федерации

Структуры размежеваний	Республика Карелия	Архангельская область	Мурманская область	Ненецкий автономный округ
«центр – периферия»	периферия	периферия	периферия	периферия
«ТПТС» – «Т6ПТС»	ТПТС	Т6ПТС	ТПТС	Т6ПТС
«город – село» (в % ⁶)	79,90 – 20,10	78,00 – 22,00	93,00 – 7,00	74,80 – 25,20
«районы с моногородами» – «районы без моногородов»	Моногорода 1 категория – 6 2 категория – 5 3 категория – 0	Моногорода 1 категория – 2 2 категория – 3 3 категория – 2	Моногорода 1 категория – 3 2 категория – 4 3 категория – 0	без моногородов
«цифровая зрелость» – «цифровая незрелость»	44 средний	28 высокий	22 высокий	34 высокий
«доступ внедрения ДЭГ» – «барьеры внедрения ДЭГ»	доступ	доступ	доступ	доступ

Исходя из полученных данных, нет ни одного случая полного совпадения по всем структурам социальных размежеваний, что свидетельствует о необходимости изучения каждого кейса

⁵ Составлено авторами.

⁶ Демография: Доля городского населения в общей численности населения на 1 января 2024 г. // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 09.03.2025).

в отдельности и факторов, влияющих на предпочтения избирателей. Арктические и субарктические периферийные территории обладают преимущественно урбанизированным характером, хотя и с разной долей сельского населения, самый большой процент которого в Ненецком автономном округе – 25,20%. В то же время отсутствие в данном субъекте России моногородов, с одной стороны, показывает низкий уровень промышленного развития Ненецкого автономного округа, а с другой – нивелирует риски ухудшения социально-экономического положения территории. Полагаем, что подобное обстоятельство вызвано территориальной близостью и особым статусом взаимоотношений Ненецкого автономного округа и Архангельской области, которая, в свою очередь, отличается наиболее благоприятным развитием промышленности, так как содержит в своем составе территории с монопрофильными муниципальными образованиями третьей категории. Сравнивая анализируемые северо-западные субъекты Российской Федерации, можно заметить, что в Республике Карелия наблюдается критичная ситуация, поскольку в индустриальном плане регион сталкивается с рисками из-за большой численности моногородов первой и второй категории среди изучаемых случаев. Фактор усугубляется еще приграничным транснациональным статусом республики, так как в отличие от Мурманской области обладает самой протяженной сухопутной границей с Финляндией, выступая форпостом, отделяющим Россию от Европейского союза и Северо-Атлантического альянса (НАТО). Более того, выявляется закономерность, что чем выше уровень промышленного развития, тем выше цифровая зрелость региона. Несмотря на то, что показатель по исследуемым субъектам и находится в диапазоне высоких и средних значений, но в Ненецком автономном округе интеграция цифровых сервисов приближается к среднему уровню (ПАО = 34), а в Карелии – устойчиво средний балл (ПАО = 44) (см. табл. 1). Тем самым сходные и отличительные черты структур социальных размежеваний арктических и субарктических субъектов СЗФО отражаются и в особенностях электорального участия их жителей на выборах Президента Российской Федерации.

Электоральная явка

Явка на выборах – важный показатель электорального процесса, уровень которой демонстрирует степень активности избирателей и конфигурацию электоральной поддержки. Несмотря на то что в 2024 г. явка избирателей была самой высокой за всю историю

президентских выборов в России и составила 77,49%⁷ (в 2018 г. – 67,54%⁸), в анализируемых случаях она была ниже, нежели по стране, и в значениях медианы равнялась 67,99% (рис. 1).

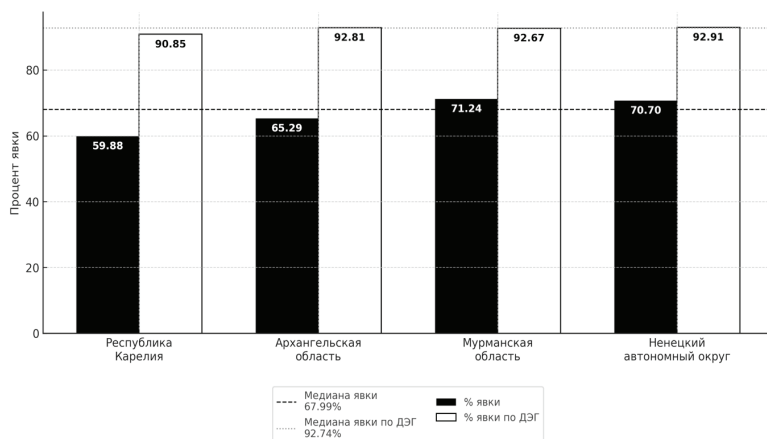

Рис. 1. Электоральная явка на выборах Президента Российской Федерации в арктических и субарктических субъектах СЗФО⁹

Дистанционное голосование в регионах характеризовалось дисциплинированностью электората при явке более 90% (медиана – 92,74%). Самый высокий процент избирателей от общего числа голосовавших по субъекту использовали ДЭГ в Ненецком автономном округе, отличающимся малочисленностью жителей и значительной долей сельского населения – 15,12%, самый низкий – в наиболее урбанизированной Мурманской области – 4,36%. В Архангельской области и в Республике Карелия данные значения были практически одинаковыми и составили 9,12 и 9,17%, соответственно.

Проведенный анализ и подсчет коэффициента корреляции Пирсона (R_{xy}) указал на линейную зависимость электоральной явки по субъекту и процента избирателей, голосовавших дистанционно, и составил 0,85, что в значениях по шкале Чеддока трактуется как сильная (высокая) [Баврина, Борисов 2021, с. 71].

⁷ По данным ЦИК РФ.

⁸ По данным ЦИК РФ.

⁹ Составлено авторами по данным ЦИК РФ.

Удалось выявить закономерность, что чем выше доля сельского населения в структуре электората, тем предпочтительнее для избирателя дистанционное голосование, нежели традиционное. Данные значения еще более увеличиваются, если субъект находится в непосредственной удаленности от центральной части страны, а жители испытывают трудности транспортной доступности, что не могло не отразиться на конфигурации итогов голосования на президентских выборах 2024 г.

Электоральные предпочтения

Отметим, что в анализируемых регионах предпочтения избирателей на выборах Президента Российской Федерации также разнились, хотя платформа ДЭГ позволила довести процент голосовавших за В. Путина до отметок выше 80%, трансформировав конфигурацию поддержки электората (см. табл. 2). Второе место по ДЭГ занял В. Даванков (кандидат от партии «Новые люди»), а в арктических и субарктических субъектах СЗФО Российской Федерации его результат превышал почти в два раза и по традиционному, и по дистанционному голосованию, что свидетельствовало о внимании жителей данных территорий к новым методам развития регионов, активно заявляющихся во время агитации.

Исходя из полученных медианных значений видно, что среди голосовавших по ДЭГ самым непопулярным оказался кандидат от КПРФ Н. Харитонов, где его результат был ниже почти в два раза в отличие от традиционной формы голосования. По остальным участникам избирательной гонки итоги, практически, не отличались, и только в случае с Л. Слуцким от ЛДПР результаты по ДЭГ, пусть и незначительно, были ниже, нежели на избирательных участках.

Считаем, что подобная конфигурация электоральных предпочтений могла быть вызвана фактом, что Республика Карелия, Архангельская, Мурманская области и Ненецкий автономный округ не относятся к регионам, где сильны позиции кандидатов от КПРФ. Субъекты активно реагируют на появление новых политических игроков (тому пример партия «Новые люди») при стабильном уровне поддержки за кандидатов от ЛДПР. В.В. Путин победил во всех субъектах Российской Федерации, анализ избирательной кампании которого выходит за рамки настоящего исследования.

Таблица 2

Электоральные предпочтения
жителей арктических и субарктических субъектов СЗФО Российской Федерации
на выборах Президента России в 2024 г. (в %) ¹⁰

Субъект	В. Путин		В. Даванков		Л. Слуцкий		Н. Харитонов	
	общее	ДЭГ	общее	ДЭГ	общее	ДЭГ	общее	ДЭГ
Российская Федерация	87,28	87,41	3,85	4,40	3,20	3,20	4,31	3,30
Республика Карелия	79,53	83,30	8,38	8,59	5,02	5,46	4,76	2,65
Архангельская область	79,25	82,26	7,60	8,65	5,93	6,12	5,31	2,96
Мурманская область	87,28	87,25	3,85	6,67	3,20	3,87	4,31	2,19
Ненецкий автономный округ	79,08	84,67	6,46	6,97	8,54	5,18	6,86	3,18
Медиана (кейсы)	79,39	83,98	7,03	7,78	5,47	5,32	5,03	2,80

¹⁰ Составлено авторами по данным ЦИК РФ.

Заключение

Изучение практик ДЭГ на выборах Президента России 2024 г. в арктических и субарктических субъектах СЗФО Российской Федерации свидетельствует о способности данной цифровой технологии увеличивать избирательную явку и привлекать внимание электората к выборам. Несмотря на различный уровень цифровой зрелости субъектов, успешность внедрения ДЭГ определяется не только технологической готовностью регионов, но и уровнем доверия общества к данному формату голосования. Исследования общественного мнения показывают, что осведомленность о ДЭГ среди населения Российской Федерации продолжает расти, а число граждан, поддерживающих его расширение, увеличивается¹¹. Однако остается определенная группа избирателей, предпочитающих традиционные способы голосования. Анализ отношения граждан к ДЭГ позволяет оценить перспективы дальнейшей цифровизации избирательного процесса, определить ключевые факторы, влияющие на уровень доверия, и выявить возможные направления для его повышения.

Литература

- Алексеев, Абрамов 2020 – *Алексеев Р.А., Абрамов А.В.* Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1 (15). С. 9–21.
- Баврина, Борисов 2021 – *Баврина А.П., Борисов И.Б.* Современные правила применения корреляционного анализа // Медицинский альманах. 2021. Т. 68. № 3. С. 70–79.
- Зубофф 2022 – *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А.Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько, А. Смирнова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 784 с.
- Кастельс 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О.И. Шкаратана. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- Кастельс 2004 – *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.

¹¹ Дистанционное электронное голосование: мониторинг. Популярность ДЭГ в России продолжает расти? // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-monitoring-2> (дата обращения: 09.03.2025).

- Липсет, Роккан 2004 – *Lipset S., Rokkan C.* Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204–235.
- Смирнов 2021 – *Смирнов А.В.* Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 129–153. DOI:10.14515/monitoring.2021.1.1790
- Федоров 2021 – *Федоров В.И., Ежов Д.А.* Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации // Российский социально-гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 146–162.
- André, Dobrzynska 1998 – *Blais A., Dobrzynska A.* Turnout in electoral democracies // European Journal of Political Research. 1998. Vol. 33. P. 239–262.
- Franklin 2004 – *Franklin M.N.* Voter turnout and the dynamics of electoral competition in established democracies since 1945. N.Y.: Cambridge University Press, 2004. 277 p.
- Morozov 2011 – *Morozov E.* The Net delusion: The dark side of Internet freedom. N.Y.: PublicAffairs, 2011. 432 p.
- Reif, Schmitt 1980 – *Reif K., Schmitt H.* Nine second-order national elections: a conceptual framework for the analysis of European election results // European Journal of Political Research. 1980. Vol. 8. P. 3–44.
- Rohrschneider, Clark 2009 – *Rohrschneider R., Clark N.* Second-order elections versus first-order thinking: How voters perceive the representation process in a multi-layered system of governance // Journal of European Integration. 2009. Vol. 31. No. 5. P. 645–664.
- Rothkopf 2008 – *Rothkopf D.* Superclass: The global power elite and the world they are making. L.: Little, Brown, 2008. 416 p.
- Schwab 2017 – *Schwab K.* The fourth industrial revolution. N.Y.: Crown, 2017. 192 p. URL: https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0005/3385454/Schwab-The_Fourth_Industrial_Revolution_Klaus_S.pdf (дата обращения 08.03.2025).
- Serpa et al. 2020 – *Serpa S., Ferreira C.M., José Sá M., Santos A.I.* Digital society and social dynamics. URL: https://www.researchgate.net/publication/343666446_Digital_Society_and_Social_Dynamics (дата обращения 08.03.2025). DOI: 10.14738/eb.17.2020
- Shugart, Carey 1992 – *Shugart M.S., Carey J.M.* Presidents and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics. N.Y.: Cambridge University Press, 1992. 332 p.
- Turkle 2011 – *Turkle S.* Alone together: Why we expect more from technology and less from each other. N.Y.: Basic Books, 2011. 384 p.
- Wajcman 2015 – *Wajcman J.* Pressed for time: The acceleration of life in digital capitalism. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 215 p.

References

- Alekseev, R.A. and Abramov, A.V. (2020), "Problems and prospects of electronic voting and the electoral blockchain technology in Russia and abroad", *Grazhdanin. Vyborny. Vlast'*, vol. 15, no. 1, pp. 9–21.
- André, B. and Dobrzynska, A. (1998), "Turnout in electoral democracies", *European Journal of Political Research*, vol. 33, pp. 239–262.
- Bavrina, A.P. and Borisov, I.B. (2021), "Modern rules for applying correlation analysis", *Meditsinskii al'manakh*, vol. 68, no. 3, pp. 70–79.
- Castells, M. (2000), *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The information age: economy, society, and culture], Izdatel'stvo GU VShE, Moscow, Russia.
- Castells, M. (2004), *Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet galaxy: reflections on the Internet, business, and society], U-Factoria, Ekaterinburg, Russia.
- Fedorov, V.I. and Ezhov, D.A. (2021), "Evolution of electronic voting in Russia: problems of classification and periodization", *Liberal Arts in Russia*, no. 1, pp. 146–162.
- Franklin, M.N. (2004), *Voter turnout and the dynamics of electoral competition in established democracies since 1945*, Cambridge University Press, New York, USA.
- Lipset, S. and Rokkan, S. (2004), "Cleavage structures, party systems and voter alignments", *Politicheskaya nauka*, no. 4, pp. 209–211.
- Morozov, E. (2011), *The Net delusion: The dark side of Internet freedom*, PublicAffairs, New York, USA.
- Reif, K. and Schmitt, H. (1980), "Nine second-order national elections: a conceptual framework for the analysis of European election results", *European Journal of Political Research*, vol. 8, pp. 3–44.
- Rohrschneider, R. and Clark, N. (2009), "Second-order elections versus first-order thinking: How voters perceive the representation process in a multi-layered system of governance", *Journal of European Integration*, vol. 31, no. 5, pp. 645–664.
- Rothkopf, D. (2008), *Superclass: The global power elite and the world they are making*, Little, Brown, London, UK.
- Schwab, K. (2017), *The fourth industrial revolution*, New York, USA, available at: https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0005/3385454/Schwab-The_Fourth_Industrial_Revolution_Klaus_S.pdf (Accessed 8 March 2025).
- Serpa, S., Ferreira, C.M., José Sá, M. and Santos, A.I. (2020), *Digital society and social dynamics*, available at: https://www.researchgate.net/publication/343666446_Digital_Society_and_Social_Dynamics (Accessed 8 March 2025), DOI:10.14738/eb.17.2020
- Shugart, M.S. and Carey, J.M. (2009), *Presidents and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics*, Cambridge University Press, New York, USA.
- Smirnov, A.V. (2021), "Digital society: theoretical model and Russian reality", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 1, pp. 129–153.

- Turkle, S. (2011), *Alone together: Why we expect more from technology and less from each other*, Basic Books, New York, USA.
- Wajcman, J. (2015), *Pressed for time: The acceleration of life in digital capitalism*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Zuboff, S. (2022), *Epokha nadzornogo kapitalizma: bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power], Izdatel'stvo Instituta Gaidara, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Светлана С. Рожнева, кандидат политических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия; 185910, Россия, Петрозаводск, пр-кт Ленина, д. 33; rozhneva@mail.ru

Дмитрий А. Хохлов, аспирант, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия; 185910, Россия, Петрозаводск, пр-кт Ленина, д. 33; dima.5213.khokhlov@mail.ru

Information about the authors

Svetlana S. Rozhneva, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia; 33, Lenin Av., Petrozavodsk, Russia, 185910; rozhneva@mail.ru

Dmitrii A. Khokhlov, postgraduate student, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia; 33, Lenin Av., Petrozavodsk, Russia, 185910; dima.5213.khokhlov@mail.ru

Политический маркетинг в условиях новых вызовов

Альбина Р. Сайфатова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, sayfatovaalbina@gmail.com*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотрения эволюции политического маркетинга, его теоретико-методологических оснований и отличия от коммерческих маркетинговых стратегий. Автором описывается двойственная роль маркетинговых технологий в политике: как инструмента электоральной мобилизации и как механизма структурирования политического пространства. Особое внимание уделяется взаимодействию государства и других акторов в конкурентной политической среде, а также взаимосвязям между политическим маркетингом и пропагандистскими технологиями. Отмечается, что современные политические процессы характеризуются высокой динамичностью, неопределенностью и фрагментированностью, что делает политический маркетинг одним из ключевых инструментов управления общественным мнением и конкуренции между политическими акторами. Однако классические подходы к его изучению теряют актуальность в условиях цифровизации, трансформации политического рынка и усложнения механизмов политической коммуникации. Более того, в статье описывается концепция политического рынка, где предложение формирует спрос, а маркетинговые технологии используются как в открытых, так и в латентных стратегиях власти. Исследование подтверждает необходимость переосмысления политического маркетинга как гибридного механизма влияния, сочетающего традиционные и манипулятивные инструменты управления политической реальностью. Выводы статьи подчеркивают значимость адаптивных маркетинговых стратегий в условиях нестабильности политического ландшафта и роста технологического влияния на политические процессы.

Ключевые слова: политический маркетинг, публичная политика, технологии, политический рынок, латентная сфера, спрос, предложение

Для цитирования: Сайфатова А.Р. Политический маркетинг в условиях новых вызовов // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 168–182. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-168-182

Political marketing in the face of new challenges

Albina R. Sayfatova

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, sayfatovaalbina@gmail.com*

Abstract. The article attempts to examine the evolution of political marketing, its theoretical and methodological foundations and the differences from commercial marketing strategies. The author describes the dual role of the marketing technologies in politics: as an instrument of electoral mobilization and as a mechanism for structuring the political space. Special attention is paid to the interaction of the state and other actors in a competitive political environment, as well as to the interrelationships between political marketing and propaganda technologies. It is noted that modern political processes are characterized by high dynamism, uncertainty and fragmentation, which makes political marketing one of the key tools for managing public opinion and competition between political actors. However, classical approaches to its study are losing relevance in the context of digitalization, the transformation of the political market and the increasing complexity of political communication mechanisms. Moreover, the article describes the concept of a political market where supply generates demand, and marketing technologies are used in both open and latent power strategies. The study confirms the need to rethink political marketing as a hybrid mechanism of influence combining traditional and manipulative tools for managing political reality. The conclusions of the article emphasize the importance of adaptive marketing strategies in the context of the instability of the political landscape and the growing technological influence on political processes.

Keywords: political marketing, public policy, technology, political market, latent sphere, supply, demand

For citation: Sayfatova, A.R. (2025), "Political marketing in the face of new challenges", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 168–182, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-168-182

Введение

Современные политические процессы обладают высокой степенью динамичности, неопределенности и фрагментированности. В подобных условиях инструменты политического маркетинга играют важную роль в управлении общественным мнением, конкуренцией между политическими игроками и механизмами от-

правления власти. Однако классические подходы к исследованию политического маркетинга теряют свою актуальность и требуют соответствующего переосмысления в силу таких новых мировых вызовов, как развитие цифровых технологий, нелинейное изменение конфигурации на политическом рынке, трансформация институционального дизайна стран и усложнения механизмов политической коммуникации. Более того, современный политический маркетинг больше не выступает лишь в качестве технологии политического взаимодействия, а представляет собой и инструмент структурирования многогранного политического пространства. В этом смысле маркетинговый инструментарий в политике играет двойную роль, сохраняя, с одной стороны, функциональные характеристики, присущие коммерческому маркетингу, а с другой – имеет весомый вес в функционировании механизмов властного позиционирования, поддерживая при этом внутриэлитарный баланс, стратегическое положение «выигрышных коалиций» и нивелируя риски политической дестабилизации. Таким образом, настоящее исследование продиктовано стремлением выявить, как политический маркетинг адаптируется к реальностям поздней модерности, где границы между публичным и латентным, легитимным и манипулятивным размываются. Особый интерес представляет трансформация политического маркетинга в условиях цифрового структурного сдвига, ставшего не просто фоном, но движущей силой изменений в логике политической конкуренции.

Теоретико-методологические основы политического маркетинга

Термин «политический маркетинг» официально был введен в научный оборот в 1957 г. американским политологом Стенли Келли в контексте исследования профессионализации избирательных кампаний в США. Однако современные исследования политического маркетинга отражают наличие методологической проблемы, а именно – отсутствие универсальной концептуальной базы, что порождает споры о его позиционировании в системе политических наук. В этом контексте И.Л. Недяк подчеркивает, что «в практической политике инструменты коммерческого маркетинга нередко механически “подгоняются” для решения задач политических субъектов...» [Недяк 2010, с. 144]. Таким образом, инструменты политического маркетинга были сформированы в логике трансфера коммерческих маркетинговых технологий в политическую сферу, что привело к его междисциплинарному характеру.

Тем не менее техническое заимствование бизнес-моделей не учитывает фундаментальные различия между экономическими и политическими процессами. Одним из основных отличий между этими сферами является вопрос формирования спроса и предложения, ведь в политике, в отличие от экономики, субъекты не столько подстраивают свою деятельность под ожидания общества, сколько сами их конструируют, оказывая влияние на когнитивные структуры личности. Более того, М.М. Мухтаров замечает, что если на рынке товаров и услуг потребитель самостоятельно принимает решение, которое может изменить в любой удобный ему момент, то в рамках политического процесса подобные действия ограничены временными условиями и коллективным характером выбора (к примеру, выбор избирателя на голосовании за того или иного кандидата) [Мухтаров 2021, с. 53–56]. А.Е. Клычков и П.А. Меркулов же отмечают, что политический маркетинг, в отличие от классического коммерческого, основывается не только на принципах товарно-рыночных отношений, но и основ социально-культурного воздействия на электорат. Важным методологическим подходом в данном ключе выступает и конфликтологическая парадигма, рассматривающая политический рынок в качестве пространства постоянной борьбы политических акторов за ограниченные властные ресурсы. В этом смысле авторы утверждают, что «...в национальных государствах существует политический рынок, и в рамках символического интеракционизма, поскольку любые парламентские и внепарламентские политические партии вынуждены вступать в процесс акций (действий), транзакций (сделок) и интеракций (взаимодействий)» [Клычков, Меркулов 2019, с. 17]. Таким образом, политические игроки осуществляют транзакционное взаимодействие, при котором происходит обмен политическими символами, программами, тактиками воздействия на общество.

Помимо публичных стратегий конкуренции, политический маркетинг все чаще оперирует латентными методами влияния на процессы политического оспаривания, подменяя при этом дискурсивную конкуренцию имитационными процедурами легитимации власти. В результате происходит смещение акцента с рационального выбора граждан на искусственно созданные формы политической идентификации, продвигаемые с помощью манипулятивных технологий.

Также важно учитывать модель робастного управления, которая, по мнению Г.Л. Купряшина, «...включает обоснование механизмов институционального развития, способных уменьшить уязвимость системы управления к шокowym воздействиям политической, социальной, экономической и экологической среды не

только в текущей ситуации, но и в будущем» [Купряшин 2023, с. 175]. Следовательно, концепция робастного управления может быть экстраполирована на сферу политического маркетинга, так как она ориентирована на снижение уязвимости той или иной системы к внешним шокам. При этом политический маркетинг может рассматриваться в качестве не только механизма электоральной мобилизации, но и управления неопределенностью в политическом пространстве.

Вместе с тем наблюдается методологический разрыв между западной теорией и эмпирикой политических практик вне англосаксонского контекста. В частности, в государствах с доминирующей исполнительной ветвью власти и ограниченным гражданским контролем, маркетинговые технологии часто выполняют функции символического контроля, а не конкуренции, что требует пересмотра категориального аппарата.

Государство как один из игроков на политическом рынке

Традиционно государство рассматривалось исследователями в качестве ключевой и центральной институции на политической арене, которая обладает монополией на власть. Тем не менее в современном мире политическая борьба выходит за рамки государственных структур. В этом смысле политический маркетинг выступает в качестве механизма взаимодействия множества акторов, одним из которых является и государство. Подобная поляризация задействованных игроков на политическом рынке обусловлена такими факторами, как усложнение социальных структур, фрагментация политического дискурса, повсеместная цифровизация коммуникационных процессов. Это заставляет публичную политику трансформироваться от площадки для борьбы политических идей до механизма стратегического манипулирования общественным мнением, перераспределения ресурсов и институционального контроля.

Государство остается уникальным субъектом политического рынка, являясь, с одной стороны, регулятором конкурентных процессов, а с другой – активным участником политико-рыночного взаимодействия, обладая при этом исключительными институциональными и административными ресурсами. Уместно отметить, что британский экономист Л. Роббинс в рамках политической конкуренции объединяет дилемму «невидимой руки рынка» (А. Смит) и «видимой руки законодателя», что регулирует доступ политиче-

ских субъектов к тому или иному политическому капиталу¹. Из этого следует, что государство, используя инструменты политического маркетинга, создает благоприятную среду для одних политических акторов и ограничивает возможности для других через различные нормативные, административные и информационные механизмы контроля.

В этом смысле на арене политики формируется своеобразное политическое предпринимательство, при котором властвующие структуры позиционируют собственные стратегии в конкурентной среде с целью максимизации электорального результата. Таким образом, политический маркетинг используется государственными структурами не только для управления общественными настроениями, но и для легитимации институциональных изменений, которые обеспечивают воспроизводство властных конфигураций. При этом в условиях, когда государство одновременно выступает и арбитром, и участником политического рынка, возникает риск институционального захвата повестки, при котором маркетинговые стратегии перестают отражать разнообразие мнений и начинают функционировать как механизмы нормализации власти.

Политический маркетинг vs пропаганда

Разграничение политического маркетинга и пропагандистских технологий остается неоднозначным и динамичным, так как граница между ними зачастую стирается в условиях жесткой конкурентной политической борьбы. Однако технологии политического маркетинга оперируют концепциями ценностно-ориентационного воздействия на соответствующую целевую аудиторию, в то время как пропаганда нацелена на эмоционально-когнитивную мобилизацию общества в интересах конкретных политических акторов. Опирируя концепцией полезности по В. Парето, можно заключить, что политический маркетинг создает некие «продукты» в форме электоральных стратегий, программных платформ, идеологических доктрин и т. д., которые зачастую могут служить для удовлетворения запросов граждан. Вместе с тем в отличие от традиционных механизмов рынка, в политическом пространстве ценность «товара» измеряется не только в части содержания, но и способности адаптироваться к изменяющимся настроениям общества через

¹ Роббинс Л. История экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики / пер. с англ. Н.В. Автономовой, под ред. В.С. Автомова. М.: Изд. Института Гайдара, 2017. С. 18.

политико-коммуникационные технологии. Таким образом, если пропагандистские механизмы направлены на жесткое идеологическое форматирование сознания, то маркетинговые технологии нацелены на такую трансформацию восприятия, которая включает элементы взаимодействия с обществом.

Стоит заметить, что в политике важную роль играют нарративы, представляющие собой стратегически сконструированные истории и направленные на интерпретацию политической реальности и продвижение конкретных политических решений [Jungrav-Gieorgica 2020, с. 110–111]. В этом смысле политический маркетинг оперирует методами формирования таких нарративов, которые обеспечивают легитимацию принимаемых решений. Тем самым маркетинговый инструментарий выступает гибридной формой политической коммуникации, где происходит синтез манипулятивного воздействия и механизмов формирования субъектности граждан с помощью институционализированных каналов политического участия. Однако властвующими структурами активно используются процедуры фильтрации дискурса, при которых происходит легитимизация одних акторов и стигматизация других, что приводит к скрытой модерации общественного мнения. В условиях, когда публичные коммуникации все чаще заменяются контролируемыми алгоритмами дезинформации и цифровыми созидателями политической реальности, пропаганда трансформируется в инструмент долгосрочного позиционирования власти в качестве единственного легитимного центра принятия решений. В такой ситуации и происходит размытие границ между политическим маркетингом и пропагандистскими механизмами, где вторые интегрируются в маркетинговые стратегии, создавая контролируемые информационные среды, в которых легитимируются нужные политические нарративы, а альтернативные точки зрения подвергаются маргинализации. Тем самым искажение дискурсов и контроль над коммуникацией с обществом становятся частью маркетинговых стратегий, которые направлены на манипуляцию восприятием политических процессов.

Заключая, можно полагать, что ключевым критерием разграничения пропаганды и политического маркетинга следует считать наличие канала обратной связи. Там, где коммуникация становится односторонней и подавляется альтернатива, речь идет уже не об адаптации к аудитории, а о насаждении нужной повестки. Именно поэтому многие режимы прибегают к мимикрии под маркетинг, сохраняя визуальный стиль участия, но исключая саму логику рыночной конкуренции мнений.

Нестабильность политических процессов и адаптивность маркетинговых технологий

Современные политические процессы характеризуются высокой степенью неопределенности, связанной с ростом протестной активности, снижением доверия к традиционным институтам, обострением социальной поляризации и цифровой трансформацией каналов коммуникации. Эта нестабильность приобретает системный характер и требует от политических акторов постоянной перенастройки стратегий воздействия на электорат. Политический маркетинг в таких условиях вынужден не просто реагировать на происходящие изменения, но и действовать на опережение, адаптируя свои инструменты к новым форматам публичности, технологиям и динамике политического восприятия.

Адаптивность маркетинговых технологий проявляется прежде всего в способности оперативно переопределять целевые аудитории, обновлять риторику и перенастраивать каналы коммуникации. Так, если в условиях стабильного политического ландшафта преобладали долгосрочные стратегические наработки, ориентированные на устойчивые идеологические группы, то в условиях кризиса и волатильности на первый план выходит ситуативный маркетинг, способный быстро схватывать изменение повестки, адаптироваться к общественным настроениям и использовать сетевые механизмы влияния. Примером может служить кампания Эммануэля Макрона во Франции в 2017 г., когда в условиях кризиса партийной системы и электоральной фрагментации его команда выстроила маркетинговую стратегию, основанную на принципах микротаргетинга, гибридной риторики и прямого цифрового взаимодействия². Схожую динамику продемонстрировала избирательная кампания Жаира Болсонару в Бразилии (2018), проходившая на фоне острого институционального кризиса, падения доверия к элитам и социальной фрагментации. В качестве основной платформы коммуникации использовались закрытые цифровые каналы (прежде всего WhatsApp*), где распространялись эмоционально заряженные и зачастую недостоверные сообщения, направленные на мобилизацию электората

² Inside Macron's data-driven 2017 campaign // The French Tech Journal. URL: https://frenchtechjournal.com/inside-macrons-data-driven-2017-campaign/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 13.07.2025).

*Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской в России, ее деятельность запрещена на территории РФ.

и формирование образа «внутреннего врага»³. Объединяя представленные кейсы, можно предположить наличие глобальной тенденции: цифровизация политического маркетинга приводит к смещению акцентов с конструктивного диалога на эмоциональную мобилизацию, а с рационального убеждения – на алгоритмически выверенное манипулирование. Это требует пересмотра нормативной оценки маркетинга как инструмента участия: он все чаще становится технологией исключения.

Более того, Г. Алмонд и С. Верба отмечают, что «политическая культура нации – это конкретное распределение моделей ориентации на политические объекты среди ее членов» [Алмонд, Верба 2010, с. 133]. Опираясь данной концепцией о политическом процессе как конверсии общественных запросов во властные решения, следует подчеркнуть, что эффективность применения инструментов политического маркетинга определяется их способностью к гибкому реагированию на трансформацию общественных настроений. Иными словами, адаптивность заключается не только в технологической гибкости, но и в умении уловить и структурировать коллективные ожидания, трансформируя их в легитимное политическое предложение. Концептуально релевантность и конгруэнтность маркетинга в условиях нестабильности выражаются в соответствии между реальными социальными тревогами и символическим предложением, которое артикулируют политические акторы. Именно способность захватывать эмоционально-когнитивные импульсы общества (страх, надежду, усталость, гнев) и оперативно трансформировать их в политические продукты (образы кандидатов, лозунги, визуальные символы, нарративы) определяет эффективность маркетинговых стратегий.

Таким образом, адаптация политического маркетинга в условиях нестабильности – это не реактивный процесс, а комплексная стратегия прогнозирования, проектирования и управления изменчивой политической реальностью. Маркетинг становится не только инструментом коммуникации, но и механизмом смысловой стабилизации, позволяющим удерживать политическую субъектность в условиях распада традиционных идентичностей и институциональных рамок.

³ WhatsApp* fake news during Brazil election 'favoured Bolsonaro' // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/world/2019/oct/30/whatsapp-fake-news-brazil-election-favoured-jair-bolsonaro-analysis-suggests?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 06.07.2025).

Особенности политического рынка: предложение рождает спрос

В отличие от традиционного рынка товаров и услуг, при котором спрос определяет предложение, в политике зачастую наблюдается противоположная логика: здесь предложение предваряет спрос, формируя нормативные ориентиры, приоритетные повестки и желаемые модели поведения. В этой связи А.И. Соловьёв предлагает концепцию «фронтирных зон публичной политики», описывающую политику как многоуровневое пространство, в котором власть, экспертные группы и коммуникационные институты совместно формируют и направляют общественное восприятие [Соловьёв 2021, с. 190–199]. Однако данная трактовка далеко не единственная. К примеру, Д. Сельва подчеркивает, что в современных условиях выработка политической повестки все чаще осуществляется через взаимодействие между медиа, политическими институтами и гражданскими инициативами. Причем последние, по словам автора, получают все более широкий доступ к публичной сфере, что позволяет им участвовать в конкуренции за интерпретацию актуальных проблем и предложений [Selva 2011, с. 215]. Таким образом, средства массовой информации и цифровые платформы уже не просто транслируют сформированные элитами месседжи, но становятся активными акторами в процессе создания «вторичной реальности», определяющей ожидания и реакции аудитории.

Более того, современные исследования подтверждают тезис о том, что в политике предложение часто формирует спрос. Так, Алан С. Гербер и Эрик М. Паташник констатируют, что политическая система часто сталкивается с ситуацией, при которой массовая публика демонстрирует слабую или фрагментарную заинтересованность в содержательной повестке, не формируя устойчивого запроса на эффективную государственную политику. В таких условиях ключевую роль начинают играть акторы, обладающие институциональными ресурсами, которые через процессы фрейминга, селективного акцентирования и мобилизации общественного внимания фактически задают рамки общественного обсуждения. Таким образом, общественный спрос на политические решения, вопреки классическим маркетинговым моделям «от запроса – к предложению», зачастую оказывается вторичным по отношению к активности самих политических институтов. Авторы справедливо указывают, что именно политическое предпринимательство как деятельность субъектов, сознательно создающих внимание к определенным проблемам, становится основным механизмом

производства политического спроса, особенно в тех сферах, где гражданская активность неявна или дезорганизована⁴.

На примере миграционного кризиса в Германии (2015–2017) можно проследить, как политические акторы и СМИ формировали общественный запрос, а не просто реагировали на него. Несмотря на то, что, по данным Федерального ведомства уголовной полиции Германии, уровень преступности среди беженцев не демонстрировал значительного роста, тревожные настроения в обществе усиливались⁵. Учитывая изложенное, можно заключить, что в современных политических системах механизм формирования повестки все чаще исходит от акторов, обладающих институциональными, информационными и экспертными ресурсами. Политическое предложение перестает быть реакцией на уже сложившийся общественный запрос и все чаще выступает в качестве инструмента его целенаправленного формирования. Такая трансформация отражает изменение характера политического маркетинга, который функционирует не как посредник между властью и обществом, а как механизм активного конструирования предпочтений, интерпретаций и оценок. Это особенно актуально в условиях неопределенности и социальной фрагментации, когда внешне спонтанные запросы часто являются результатом заранее сконструированных смыслов.

Латентные и публичные формы маркетинговых технологий

Применение маркетинговых инструментов в политике традиционно ассоциируется с публичными действиями: избирательными кампаниями, выступлениями лидеров, агитационными материалами, медийными сюжетами и т. п. Однако значительная часть политического маркетинга реализуется в рамках непубличных, латентных механизмов влияния, которые функционируют за пределами открытого дискурса. К таким механизмам можно отнести кулуарные переговоры, создание закрытых альянсов, ис-

⁴ Gerber A.S., Patashnik E.M. Demand- and supply-side factors in government's performance as a problem-solving institution // Yale Institution for Social and Policy Studies. ISPS Working Paper, 2024. URL: https://isps.yale.edu/sites/default/files/publication/2025/04/gerber-patashnik_working_paper_12.5.24.web_.pdf (дата обращения: 08.09.2025).

⁵ Sola A. The 2015 refugee crisis in Germany: Concerns about immigration and populism. 2018. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/178208/1/101989122X.pdf> (дата обращения: 16.07.2025).

пользование селективных утечек информации и другие технологии скрытого воздействия. А.И. Соловьёв в своих исследованиях справедливо указывает на нарастающую роль псевдопубличности в условиях формальной демократизации. По его мнению, современная государственная элита все чаще прибегает к имитационным формам участия общества, используя управляемые дискурсивные конструкции, «карманные» институты гражданского общества и электоральное администрирование как инструменты легитимации заранее принятых решений [Соловьёв 2022, с. 73].

С аналогичных позиций выступают Кевин Мэлони и Конор Макграт, исследующие феномен “spin-politics” и контролируемого имиджмейкинга, в рамках которого политический образ формируется как результат непрерывного взаимодействия официальной риторики и манипулятивной кулуарной деятельности. По их оценке, современная политика все чаще строится не вокруг содержания, а вокруг контроля за интерпретацией, где публичная коммуникация служит лишь фасадом для скрытых процессов влияния и перераспределения ресурсов [Maloney, McGrath 2021, pp. 224].

Символическую природу подобной двойственности подчеркивает и Мюррей Эдельман, трактующий политическую деятельность как совокупность ритуализированных форм, призванных производить эмоциональное вовлечение и когнитивное упрощение сложных процессов. Эдельман отмечает, что в условиях демократических процедур значительная часть политического действия переносится в область символического – через мифы, повторяющиеся структуры и образы, создающие иллюзию участия и прозрачности, тогда как реальные решения принимаются вне публичного поля [Edelman 2013, pp. 296–297].

Эмпирически подобная логика двойной коммуникации ярко проявилась в кампании Бориса Джонсона по выходу Великобритании из Европейского союза в 2016–2019 гг. Публичная часть стратегии строилась на акцентах прямого обращения к народу, формулируемого через лозунг “Get Brexit Done”, который транслировался как выражение воли большинства и создавал ощущение демократической неизбежности принятого курса⁶. Однако параллельно разворачивались латентные механизмы перераспределения политического контроля: правительство инициировало приостановку работы парламента, что впоследствии было признано Верховным судом неза-

⁶ Boris Johnson wins huge majority on promise to ‘get Brexit done’ // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/dec/13/bombastic-boris-johnson-wins-huge-majority-on-promise-to-get-brexit-done> (дата обращения: 15.07.2025).

конным; ряду депутатов Консервативной партии, не поддержавших линию исполнительной власти, было отказано в праве представлять партию; происходила централизованная работа с медиаповесткой, в том числе через управляемые утечки информации⁷. В совокупности эти действия демонстрируют реализацию скрытых процедур влияния, направленных на ограничение публичного политического участия при сохранении риторики демократического мандата.

Таким образом, современная политическая коммуникация все чаще строится по принципу двойного уровня воздействия: внешнего (публичного, направленного на формирование доверия) и внутреннего (латентного, обеспечивающего контроль и перераспределение власти). Политический маркетинг при этом выполняет функцию не только управления мнением, но и структурирования самой архитектуры политического процесса, задавая рамки возможного восприятия и ограничения на интерпретации.

Заключение

Современные политические процессы характеризуются высоким уровнем неопределенности, что обусловлено динамикой общественно-политических трансформаций, кризисами демократического управления и развитием средств массовой коммуникации. В условиях такой турбулентности политический маркетинг утрачивает черты исключительно электоральной технологии и трансформируется в сложную систему стратегического управления политическими ресурсами, которая оперирует не только традиционными, но и латентными инструментами воздействия. На пересечении публичных и скрытых механизмов формирования политического выбора создается особая форма конкурентного взаимодействия акторов, при которой политическое предложение как реагирует на общественные запросы, так и конструирует предпочтения граждан через подконтрольные коммуникационные каналы. Вместе с тем современное государство утрачивает монополию на политическое управление, трансформируясь в одного из субъектов конкурентного пространства, который вынужден подстраиваться под изменения институционального ландшафта. Тем не менее государственные структуры сохраняют способность к латентному регулированию политического рынка, оперируя административными, нормативными и информационными

⁷ What Boris Johnson's defeat in the U.K. Supreme Court means // TIME. URL: https://time.com/5685731/supreme-court-boris-johnson-prorogation/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 15.07.2025).

ресурсами. Подобного рода феномен подтверждает необходимость критического исследования политического рынка как пространства неравномерного распределения ресурсов власти. Таким образом, политический маркетинг в XXI в. следует трактовать не только как набор инструментов, но как форму власти, организующую восприятие действительности. В условиях роста симулятивных демократий и медийного шума он становится не просто каналом связи, а способом структурирования самой политической реальности. В дальнейшем перспективно исследование когнитивных эффектов таких стратегий и их влияния на формирование гражданского субъекта.

Литература

- Алмонд, Верба 2010 – Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура: Подход к изучению политической культуры // Полития. 2010. № 2 (57). С. 122–144.
- Клычков, Меркулов 2019 – Клычков А.Е., Меркулов П.А. Проблематика конфликта политических партий в условиях конкурентного политического рынка: к вопросу о политическом маркетинге // Управленческое консультирование. 2019. № 11 (131). С. 16–26.
- Купряшин 2023 – Купряшин Г.Л. Политико-административные способности государственного управления в условиях турбулентности и неопределенности // Государственное управление: Электронный вестник. 2023. № 97. С. 174–189.
- Мухтаров 2021 – Мухтаров М.М. Теоретические аспекты политического маркетинга: основные понятия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2–2 (53). С. 53–56.
- Недяк 2010 – Недяк И.Л. Политический маркетинг: особенности развития научно-исследовательского направления // Полис: Политические исследования. 2010. № 3. С. 144–153.
- Соловьёв 2021 – Соловьёв А.И. Фронтирные зоны публичной политики // Политическая наука. 2021. № 3. С. 183–204.
- Соловьёв 2022 – Соловьёв А.И. Латентный функционал публичной политики // Политическая наука. 2022. № 3. С. 57–79.
- Edelman 2013 – Edelman M. Political language: Words that succeed and policies that fail. N.Y.: Elsevier, 2013. 188 p.
- Jungrav-Georgica 2020 – Jungrav-Georgica N. Narrative policy framework – public policy as a battle of narratives // Studia z Polityki Publicznej. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 109–135.
- Maloney, McGrath 2021 – Maloney K., McGrath C. Rethinking public relations: Persuasion democracy and society // Public Relations Education. 2021. Vol. 7. No. 1. P. 220–226.
- Selva 2011 – Selva D. Net-based participation. An Italian case study // Leadership and new trends in political communication. Selected papers / ed. by E. de Blasio, M. Hibbert, M. Sorice. Rome: CMCS – LUISS, 2011. P. 191–220.

References

- Almond, G.A. and Verba, S. (2010), "Civil culture. An approach to the study of political culture", *Politiya*, vol. 57, no. 2, pp. 122–144.
- Edelman, M. (2013), *Political language: Words that succeed and policies that fail*, Elsevier, New York, USA.
- Jungrav-Gieorgica, N. (2020), "Narrative policy framework – public policy as a battle of narratives", *Studia z Polityki Publicznej*, vol. 7, no. 2, pp. 109–135.
- Klychkov, A.E. and Merkulov, P.A. (2019), "The problems of the conflict of political parties in a competitive political market: on the issue of political marketing", *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, vol. 131, no. 11, pp. 16–26.
- Kupryashin, G.L. (2023), "Political and administrative abilities of public administration in conditions of turbulence and uncertainty", *Public Administration. E-journal*, no. 97, pp. 174–189.
- Maloney, K. and McGrath, C. (2021), "Rethinking public relations: Persuasion democracy and society", *Public Relations Education*, vol. 7, no. 1, pp. 220–226.
- Mukhtarov, M.M. (2021), "Theoretical aspects of political marketing: basic concepts", *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, vol. 53, no. 2–2, pp. 53–56.
- Nedyak, I.L. (2010), "Political marketing: features of the development of the scientific research area", *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 144–153.
- Selva, D. (2011). "Net-based participation. An Italian case study", in de Blasio, E., Hibbert, M. and Sorice, M., eds., *Leadership and new trends in political communication. Selected papers*, CMCS – LUISS, Rome, Italy, pp. 191–220.
- Solov'ev, A.I. (2021), "Frontier zones of public policy", *Politicheskaya nauka*, no. 3, pp. 183–204.
- Solov'ev, A.I. (2022), "Latent functionality of public policy", *Politicheskaya nauka*, no. 3, pp. 57–79.

Информация об авторе

Альбина Р. Сайфатова, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Москва, Россия, ул. Колмогорова, д. 1; sayfatovaalbina@gmail.com

Information about the author

Albina R. Sayfatova, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Kolmogorova St., Moscow, Russia, 119991; sayfatovaalbina@gmail.com

Объединяющий и разобщающий потенциал идеологических доктрин в системах межгосударственных отношений

Михаил Н. Грачев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, grachev.m@rggu.ru*

Сергей В. Лебедев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», svlebedev@hse.ru*

Аннотация. Настоящая статья основывается на идее Стивена Уолта, согласно которой идеологические проекты, направленные на объединение государств в политические союзы, в действительности изначально обладают разобщающим потенциалом, который может быть активизирован властными амбициями национальных элит. Авторы подкрепляют эту гипотезу обращением к фактам, относящимся к ранним попыткам объединения Европы на основе христианско-монархической солидарности в первой половине XIX в. (Священный союз российского императора Александра I), а также к усилиям по созданию Объединенной Арабской Республики (ОАР) Египтом и Сирией и вызовам, с которыми столкнулось советское руководство при формировании сплоченной на общих идеологических началах системы социалистических государств во второй половине XX в. Авторы также обращаются к теории Марка Хааса, утверждающей, что в идеологически многополярной международной системе может возникнуть эффект «недобалансирования» (неэффективного балансирования), когда отдельные государства оказываются неспособны эффективно определить, кто в действительности является их ключевым противником, и в значительной степени предпочитают стратегию перекладывания ответственности вместо создания альянсов или увеличения военных расходов. Тем не менее некоторые государства могут предпочесть создать коалицию против какого-либо другого государства, если оно одновременно представляет для них наибольшую идеологическую и военную угрозу. Авторы уточняют данную теоретическую конструкцию, дополнительно проясняя, каким образом государства в действительности идентифицируют тот или иной идеологический проект в качестве наиболее угрожающего. Основываясь на представлении о том, что каждая правящая элита считает политическое

выживание своей первостепенной целью, они утверждают, что определенная идеология будет восприниматься на уровне серьезной угрозы, если она напрямую бросает вызов легитимационному нарративу правящих кругов или (что менее вероятно) призывает к пересмотру подхода к перераспределению общественных благ. Однако, помимо радикализма, такая идеология должна также обладать потенциалом для широкого распространения и поддержки среди населения. Демонстрируя обоснованность данного утверждения, авторы анализируют парадокс, хорошо известный специалистам в области ближневосточной политики: отсутствие широкой суннитской коалиции против Ирана, которая должна была бы возникнуть, если следовать реалистической логике баланса сил. В статье показано, что государства, способные сформировать такую коалицию, расценивают различные интерпретации суннитской идеологии как более опасные по сравнению с шиитской идеологией, представляемой Ираном.

Ключевые слова: идеология, баланс сил, недобалансирование, многополярность, Священный союз, мировая социалистическая система, Объединенная Арабская Республика, Ближний Восток

Для цитирования: Грачев М.Н., Лебедев С.В. Объединяющий и разобщающий потенциал идеологических доктрин в системах межгосударственных отношений // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 183–200. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-183-200

The unifying and divisive potential of the ideological doctrines in the interstate relations systems

Mikhail N. Grachev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, grachev.m@rggu.ru*

Sergei V. Lebedev

HSE University, Moscow, Russia, solebedev@hse.ru

Abstract. The article utilizes the Stephen Walt's idea that the ideological projects aimed at uniting states into political blocs actually possess built-in divisive potential that can be activated by the power ambitions of the national elites. The authors support this hypothesis by referring to the facts related to the early attempts to unite Europe on the basis of the Christian monarchic solidarity in the first half of the 19th century (the Holy Alliance of the Russian Emperor Alexander I), as well as to the efforts by Egypt and Syria to create

the United Arab Republic (UAR) and to the challenges that the Soviet leadership faced while trying to establish the system of the socialist states that would be united on the common ideological principles in the second half of the 20th century. The authors also resort to Mark Haas's theory that in an ideologically multi-polar international system, an "under-balancing" (ineffective balancing) may arise, where individual states are not able to effectively determine who is their most sworn enemy and largely prefer the "buck-passing" strategy instead of establishing alliances or increasing military expenditures. However, some states may prefer to form a coalition against another state if it simultaneously poses the greatest ideological and military threat to them. The authors contribute to this theoretical construct by shedding some additional light on the way the states actually identify one or another ideological project as the most acute threat. Building the argument on the notion that each ruling elite deems the political survival as the paramount goal, they argue that some ideology will be considered as a serious threat if it directly challenges the rulers' legitimation narrative or (less likely) calls for a revision of the approach to the redistribution of public goods. However, apart from being radical, such an ideology must also have the potential to become widespread and be supported by the population. In order to show the prudence of this claim, the authors analyze the paradox well known among the experts on Middle-East politics: the absence of a large Sunni coalition against Iran, which should have emerged following a realistic logic of the balance of power. This paper shows that the states capable of forming this coalition consider various interpretations of the Sunni ideology more dangerous than the Shia ideology represented by Iran.

Keywords: ideology, balance of power, under-balancing, multi-polarity, Holy Alliance, world socialist system, United Arab Republic, Middle East

For citation: Grachev, M.N. and Lebedev, S.V. (2025), "The unifying and divisive potential of the ideological doctrines in the interstate relations systems", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 183–200, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-183-200

Введение

Понятие идеологии, вошедшее в научный оборот на рубеже XVIII–XIX вв. благодаря работам французского философа и экономиста А. Дестюта де Траси¹, обычно соотносится с вопросами внутренней политики, делающими акцент на роли доктрин в на-

¹ Дестют де Траси А. Основы идеологии: Идеология в собственном смысле слова. М.: Академический проект: Альма Матер, 2013. 333 с. (Философские технологии)

циональном, государственном, партийном строительстве и общественной солидарности. Однако наряду с данным направлением исследований, восходящим в своих истоках к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса², а впоследствии – и К. Мангейма [Мангейм 1976], внимание ученых-обществоведов второй половины XX – начала XXI в. в значительной мере сосредоточивается на проявлениях идеологической составляющей в рамках международных политических процессов и межгосударственных отношений.

Действительно, на протяжении значительной части XX в. ведение войн, формирование военно-стратегических и экономических союзов и заключение соответствующих договоров между государствами во многом обуславливалось соображениями идеологического порядка. Наглядным примером межгосударственного соглашения такого плана является известный Антикоминтерновский пакт, который был заключен в ноябре 1936 г. между Германией и Японией и преследовал цель воспрепятствовать распространению коммунистической идеологии в мире. Позднее к этому пакту присоединились Италия, Испания и некоторые другие государства, где к власти пришли политические силы, разделявшие ультраправые идеологии и крайне отрицательно относившиеся как к Советскому Союзу, так и к коммунистическим идеям в целом.

На общей идейной основе, связанной с категорическим неприятием нацизма и фашизма, сложилась и антигитлеровская коалиция в годы Второй мировой войны. При этом идеологические противоречия между ведущими государствами коалиции: СССР, с одной стороны, и Великобританией и США – с другой, во имя достижения победы над общими врагами на время отошли на второй план. Однако после разгрома нацистской Германии и капитуляции милитаристской Японии указанные противоречия между прежними союзниками резко обострились, что привело во второй половине XX в. к так называемой холодной войне – глобальному геополитическому и идеологическому противостоянию двух блоков государств: социалистических во главе с Советским Союзом и капиталистических во главе с США.

Это не означает, что влияние идеологии на международные отношения представляло собой некое принципиально новое явление, возникшее в минувшее столетие. Следует признать, что оно присутствовало, хотя и в меньшей степени, и в более ранние исторические эпохи. В частности, религиозные войны прошлого имеют

² Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. Т. 3. М.: Государственное изд-во политической литературы; 1955. С. 7–544.

немало общих черт с идеологическими конфликтами XX в.: это относится и к средневековым крестовым походам, направленным против «иноверцев», и к войнам между католиками и протестантами в Европе раннего Нового времени, и к столкновениям между индуистами и мусульманами в Индии. Вместе с тем необходимо различать реальные исторические события и их интерпретации, поскольку некоторые политические процессы и явления легче поддаются идеологическому толкованию, чем другие.

*Идеология как объединяющий и разобщающий фактор
в межгосударственных отношениях:
рабочая гипотеза и ее подтверждение*

Одним из ведущих зарубежных исследователей, пытавшихся осмыслить роль идеологического фактора в мировой политике и международных отношениях, стал американский политолог С. Уолт. Разрабатывая теорию создания альянсов, он, будучи представителем неореалистического направления, отводил доктринальным и идеологическим аспектам вторичную роль по отношению к силе, военной и экономической мощи государств, что, тем не менее, не помешало ему сделать некоторые интересные наблюдения.

В частности, Уолт отметил, что идеология, призванная объединять государства на основании общих ценностей, в действительности может выступать и в качестве разобщающего фактора, – при условии, что она предполагает выстраивание иерархической системы, во главе которой стоит политическая элита наиболее мощного государства, также претендующая на абсолютную истинность в интерпретации того или иного политического учения [Walt 1985, p. 21].

Принимая приведенный тезис в качестве рабочей гипотезы, обратимся к некоторым примерам из практики межгосударственных отношений, наглядно демонстрирующим его правомерность.

В данном плане представляется достаточно интересным проанализировать проект Священного союза, который пытался реализовать на европейской арене после победы в Наполеоновских войнах российский император Александр I, а впоследствии – и сменивший его Николай I. По мнению А.П. Цыганкова, опубликовавшего на английском языке монографию «Россия и Запад от Александра до Путина: честь в международных отношениях» [Tsygankov 2012], правящие круги Российской империи достаточно искренне хотели консолидировать Европу на основе христианской, промонархической и антиреволюционной идеи, однако эти интенции не всегда

встречали понимание в европейских столицах. Автор полагает, что российская внешняя политика исторически всегда была направлена на поддержание высокого статуса собственного государства на международной арене, и именно «честь» (*honor*) была ее ключевым внешнеполитическим детерминантом. Такая точка зрения, несомненно, способна вызвать немало возражений, и прежде всего со стороны исследователей, придерживающихся позиции реализма. Тем не менее нельзя не отметить, что пример Священного союза является убедительной иллюстрацией того, что универсалистские идеологические проекты всегда вызывали тревогу у правительств, участвовавших в них, и воспринимались ими в качестве угрозы собственной самостоятельности, даже если это открыто не признавалось. Несмотря на то что Российская империя была особенно последовательна в своей приверженности антиреволюционным идеям, это не вызывало у европейских политиков того времени убеждений в искренности намерений Александра I, а скорее, напротив, порождала предположения, что за заявлениями, исходящими из Санкт-Петербурга, на самом деле скрывались экспансионистские замыслы.

Условной реперной точкой, которая должна была бы убедить западноевропейские правительства в отсутствии подобных замыслов, стала реакция российского императора на развернувшуюся в 20-е годы XIX в. вооруженную борьбу греческого народа за независимость от Османской империи. С учетом показательной жестокости действий турецких властей против повстанцев и их сторонников, выразившейся, в частности, в публичной казни патриарха Константинопольского Григория V, который в действительности не поддерживал восставших, следовало бы ожидать, что Россия, опираясь на свой военно-стратегический потенциал, воспользуется нарративом о защите православия для нанесения серьезного поражения Османской империи. Однако Александр I после некоторых колебаний отказался поддерживать греческое восстание, рассудив, что подобные действия будут противоречить промонархическим и антиреволюционным принципам Священного союза, хотя турецкий султан не являлся христианским государем и указанные принципы формально на него не распространялись. Российская империя попыталась решить греческий вопрос исключительно дипломатическим путем и обратилась к военным действиям только спустя несколько лет после начала восстания, причем решила пойти на этот шаг только в составе широкой антиосманской коалиции.

Используя язык современных представлений из области экономики, можно утверждать, что отказ Александра I от прямой военной поддержки греческих повстанцев был «дорогостоящим сигналом» европейским правительствам, то есть демонстрацией искренности

своих антиреволюционных мотивов, подкрепленной готовностью к уменьшению «геополитического выигрыша», если исходить из предпосылки, что Российская империя стремилась к максимизации собственного международного влияния. Однако даже отказ от прямого военного вмешательства в греческое восстание, которое, скорее всего, привело бы к еще большему укреплению позиций России и, вероятно, к радикальному снижению геополитического веса Османской империи, не окончательно убедил западноевропейских политиков в том, что Александр I не стремится к доминированию в Европе, хотя откровенно резкие оценки и прямые обвинения Российской империи в попытке контролировать остальные столицы были скорее исключением. Чаще звучала критика проекта Священного союза со стороны таких прагматиков, как австрийский канцлер К. фон Меттерних, который считал, что идеи Александра I, по существу, представляли собой лишь «высокопарно прозвучавшее ничто» (*high sounding nothing*) [Holsti 1991, p. 121].

В работах зарубежных авторов, посвященных ретроспективному анализу внешней политики России, нередко высказываются не менее скептические оценки. Так, профессор Гарвардского университета Дж. Ле Донн отмечал, что в 30–40-е годы XIX в. «русские... были опасно близки к установлению собственной гегемонии в Хартленде» [LeDonne 1997, p. 314] и в целом выразил серьезные сомнения относительно того, что российские правители могли руководствоваться какими-либо моральными обязательствами на международной арене. Впрочем, некоторые исследователи занимают более сдержанную позицию и считают, что неореалистическая интерпретация действий европейских держав XIX в. методологически некорректна, поскольку она использует логику современной политики для анализа другой исторической эпохи [Schroeder 1994]. При этом сам А.П. Цыганков утверждает, что для понимания действий Александра I следует исходить из того, что он намеревался «преодолеть международную анархию и выйти за обычные пределы конфликтной политики: решить проблемы, покончить с угрозой и предотвратить ее возвращение через какое-то институциональное соглашение» [Tsygankov 2012, p. 73].

На наш взгляд, Священный союз можно условно назвать достаточно успешным политическим проектом, построенным на идеологических началах, – в том смысле, что на протяжении значительного времени он достаточно эффективно способствовал подавлению революционных выступлений в Европе. При этом успешность данного проекта, вероятно, во многом была обусловлена тем обстоятельством, что, опираясь на христианско-монархическую солидарность, он не являлся в строгом смысле международным

договором, налагавшим на его участников какие-либо конкретные обязательства, а представлял собой своего рода «протокол о намерениях», который не ограничивал правителей европейских государств в самостоятельности их действий выстраиванием некоей иерархической системы взаимоотношений. Вместе с тем определенный скепсис политиков того времени и явные сомнения, прослеживающиеся в современном исследовательском дискурсе по отношению к проекту Александра I, однозначно указывают, что подобные идеологические инициативы всегда анализируются национальными правительствами с позиций возможной угрозы их самостоятельности.

Ярким примером из политических реалий середины XX в., наглядно иллюстрирующим приведенный тезис С. Уолта, является несостоятельность проекта Объединенной Арабской Республики (ОАР), который был тесно связан с идеологией панарабизма, предполагавшей интеграцию арабских государств. Данный проект был инициирован в конце 1957 г. политическим руководством Сирии: на фоне роста внутренней нестабильности и угрозы вмешательства внешних сил президент Ш. аль-Куатли обратился к президенту Египта Г.А. Насеру, который к тому времени уже считался «героем не только своей страны, но и арабской нации» [Бурова 2014, с. 204], с предложением о скорейшем объединении двух государств. Как отмечал профессор университета Майами А. Давиша, вначале Насер отклонил эту просьбу, сославшись на несовместимость государственного устройства и экономических систем двух стран, а также на серьезную разобщенность сирийских политических сил, однако впоследствии решил пойти на создание межгосударственного союза, выдвинув при этом условие, что это будет полное политическое объединение Египта и Сирии, которое он сам возглавит в качестве президента, с чем сирийская сторона в конечном счете согласилась [Dawisha 2016, pp. 193, 199–200].

В феврале 1958 г. по итогам плебисцита, состоявшегося одновременно в Египте и Сирии, было провозглашено создание ОАР во главе с Насером в качестве президента единого государства. По словам А. Давиши, арабский мир отреагировал на это событие «ошеломленным изумлением, которое быстро переросло в неконтролируемую эйфорию» [Dawisha 2016, p. 200]. Однако на деле реальная интеграция вскоре столкнулась с сопротивлением значительной части экономической, политической и военной элиты Сирии, стремительно терявшей свои позиции в условиях поощряемого Насером доминирования египтян во всех сферах государственной и общественной жизни ОАР. На фоне роста недовольства авторитарным стилем правления Насера группа сирийских офицеров в

сентябре 1961 г. захватила власть в Дамаске и объявила о независимости Сирии и ее выходе из состава объединенного государства.

В 1963 г. в Сирии и Ираке в результате государственных переворотов пришли к власти представители панарабистской Партии арабского социалистического возрождения (Баас), которые предприняли шаги к объединению с Египтом, сохранявшим в то время название ОАР, в федерацию из трех государств. Однако из-за разногласий между Насером, претендовавшим в силу собственного понимания панарабизма на роль единоличного лидера в новом политическом объединении, и баасистами, опасавшимися превратиться в своих странах в правительства только де-юре, без реальных полномочий, этот план не был реализован и вскоре вовсе потерял свою актуальность вследствие того, что иракские баасисты в результате очередного государственного переворота утратили свою власть.

Руководствуясь точкой зрения С. Уолта, следует признать, что семи ближневосточным монархам, выступавшим противниками насеровской интерпретации панарабистской идеи, вследствие четкого обозначения границ властных полномочий и отсутствия каких-либо универалистских притязаний у каждого из них, было значительно проще договориться об образовании в 1971–1972 гг. устойчивой федерации, получившей название Объединенных Арабских Эмиратов. В системе органов власти ОАЭ ключевую позицию занимает Высший совет союза, который состоит из глав всех эмиратов, входящих в федерацию, и определяет общую политику государства. При этом президент ОАЭ, эмир столичного эмирата Абу-Даби, будучи номинальным главой федерации, председательствует в Высшем совете и осуществляет руководство проходящими в нем дебатами, но при этом он не наделен какими-либо исключительными полномочиями при принятии политических решений.

Рабочую гипотезу настоящего исследования также подтверждает и процесс идеологического размежевания, наблюдавшийся в ходе попыток Советского Союза выстроить под своим идейным руководством иерархическую систему, которая бы охватывала собой все социалистические государства. Вскоре после окончания Второй мировой войны югославский лидер И. Броз Тито выдвинул собственную теорию построения социализма, согласно которой средства достижения данной цели в каждом государстве должны определяться самим государством, а не каким-либо образцом, установленным в другой стране [Unkovski-Korica 2016, p. 33], под которой подразумевался СССР. Эта теория положила начало советско-югославскому конфликту, развернувшемуся в 1948–1949 гг. и принявшему характер жесткого идеологического противостояния, во время которого Тито сблизился с США и даже заключил со-

юзный договор с вошедшими в НАТО Турцией и Грецией. После формальной нормализации в 1955 г. отношений с Советским Союзом Югославия продолжала придерживаться независимого от Москвы внешнеполитического курса: она не стала членом Организации Варшавского договора (ОВД) – военно-стратегического объединения социалистических государств Европы, ведущая роль в котором принадлежала СССР, а напротив, в противовес и ОВД, и НАТО выступила одним из инициаторов создания Движения неприсоединения – международной организации, объединяющей государства с различным политическим строем на принципах неучастия в военных блоках. Взаимодействие с Советом экономической взаимопомощи (СЭВ) Югославия ограничивала статусом сначала наблюдателя, а впоследствии – только ассоциированного члена данной межправительственной организации.

Решения XX съезда КПСС, связанные с осуждением культа личности И.В. Сталина и провозглашением смены внешнеполитического курса Советского Союза от конфронтации с Западом к мирному сосуществованию с ним привело к дальнейшему разрушению представлений о «монолитном коммунизме» – абсолютном идеологическом единстве в социалистическом лагере [Luthi 2008, р. 6]. Первая половина 60-х гг. ознаменовалась разрывом отношений Китая и Албании с СССР. Лидеры этих двух стран, Мао Цзэдун и Э. Ходжа, разделявшие сталинский подход к руководству государством и строительству социализма, стремились использовать свой идеологический авторитет для сохранения и укрепления собственной власти, обвиняя советское руководство в «великодержавном шовинизме» и «ревизионизме»³ [Ходжа 1985, с. 902–903]. Особую позицию среди стран социализма занимала Румыния, провозгласив в 1964 г. так называемую политику «десателлизации», т. е. дистанцирования от СССР⁴: сохраняя членство в ОВД и СЭВ,

³ Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1981. С. 47. URL: <https://djvu.online/file/kgGS0ohkuezCt> (дата обращения: 15.08.2025).

⁴ Declarație cu privire la poziția Partidului Muncitoresc Român în problemele mișcării comuniste și muncitorești internaționale adoptată de Plenara lărgită a C.C. al P.M.R. din aprilie 1964 [Декларация о позиции Румынской рабочей партии по вопросам международного коммунистического и рабочего движения, принятая расширенным Пленумом ЦК РПП в апреле 1964 г.]. București: Editura politică, 1964. 61 p. URL: <https://constitutii.wordpress.com/wp-content/uploads/2022/10/declaratia-pmr-din-aprilie-1964-optim1.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).

она не разрешала проводить военные учения на своей территории, на протяжении всего советско-китайского конфликта соблюдала нейтралитет и поддерживала дружеские отношения с КНР, а также, в отличие от других государств, ориентировавшихся на Советский Союз, не стала разрывать дипломатические отношения с Израилем после Шестидневной войны в 1967 г. и с Чили после пиночетовского переворота в 1973 г.

С точки зрения неореалистов, идеологические сходства и различия в целом вторичны по отношению к императивам безопасности и по этой причине актуализируются только при условии, что государства уверенно чувствуют себя на международной арене. Именно поэтому, с позиции данного направления теории международных отношений, существовавшая во второй половине XX в. биполярная система мировой политики отличалась высоким уровнем идеологизированности: механизмы взаимного сдерживания двух ядерных сверхдержав позволяли остальным странам проявлять определенную гибкость в выборе идеологического лагеря без опасения возмездия со стороны той или иной сверхдержавы.

Следует, однако, отметить, что приведенный аргумент неореалистов может быть оспорен. К примеру, так называемый парадокс стабильности-нестабильности показывает, что в ядерный век два полюса силы будут воздерживаться от открытых конфликтов друг с другом (стабильность на уровне взаимоотношений сверхдержав), но при этом у них появляются стимулы к организации прокси-конфликтов в третьих странах, причем без опасения, что эти региональные конфликты перерастут в глобальное противостояние. С точки зрения данной теоретической конструкции, именно третьи страны в биполярной системе оказываются в наиболее уязвимом положении и являются наиболее вероятными целями как для прямого военного вмешательства, так и для «скрытых операций».

Идеология в однополярных, биполярных и многополярных системах межгосударственных отношений

В первые десятилетия XXI в. влияние идеологических процессов на формирование межгосударственных альянсов подробно исследовал в своих работах М. Хаас, профессор католического Университета Святого Духа им. Дюкейна (Питтсбург, штат Пенсильвания, США) [Haas 2005; Haas 2012; Haas 2021; Haas 2022]. Он продемонстрировал, что в идеологически однополярной системе, представляющей собой достаточно редкое в историческом плане

явление, государства склонны объединяться против враждебной идеологии, существующей на субгосударственном уровне (например, на уровне революционных организаций), в то время как в идеологически биполярной системе угроза, исходящая от враждебных доктрин, приводит к существованию достаточно сплоченных геополитических блоков.

Наибольший интерес представляют идеи Хааса об идеологически многополярной системе, когда существуют три и более конкурирующие друг с другом политические идеологии. С его точки зрения, результатом подобной конфигурации станет регулярное «недобалансирование», т. е. создание неэффективных альянсов или их отсутствие как таковых. Данная ситуация возникает постольку, поскольку стороны, придерживающиеся враждебных идеологий, будут стремиться переложить бремя сдерживания друг на друга, что хорошо отражает высказывание, приписываемое Мао Цзэду: «Мудрая обезьяна сидит на горе и наблюдает, как в долине дерутся дракон и тигр».

При этом эффективное балансирование все же представляется возможным, но при условии, что какой-то один отдельно взятый идеологический проект будет одновременно восприниматься другими сторонами в качестве наиболее опасного как в доктринально-политическом, так и в военном отношении. На наш взгляд, примером такого эффективного балансирования выступала антигитлеровская коалиция СССР, Великобритании и США в годы Второй мировой войны. Иными словами, для эффективного балансирования внешние угрозы идеологического и военно-политического характера должны совпадать, в противном случае абстрактное правительство будет не в состоянии сделать выбор между сдерживанием противника военного и противника идеологического, то есть предпочтет стратегию «передачи фишки» (buck-passing), пытаясь переложить бремя ответственности на другое государство.

Следует задаться существенным вопросом методологического характера: а каким именно образом срабатывает механизм распознавания той или иной идеологии как наиболее опасной? Представляется, что ответ на него можно дать, исходя из «политологической аксиоматики»: политическое руководство любого государства ориентировано в первую очередь на сохранение собственной власти и поэтому будет воспринимать в качестве таковой идеологию, подрывающую его легитимационный нарратив. Также в качестве достаточно опасных должны восприниматься идеологии, которые так или иначе связаны с призывом радикально пересмотреть систему распределения благ – в том случае, если подобный пересмотр способен нарушить негласный «обществен-

ный договор» между правящей элитой и подвластными. При этом опасения у опытных политиков будет скорее всего вызывать не столько сама радикальность какого-либо идеологического проекта, сколько его популярность: радикальная, но явно маргинальная идея может быть запрещена из имиджевых и формалистских соображений, но вряд ли будет восприниматься как серьезный вызов правящему режиму.

Возвращаясь к проблеме «аксиоматики» политической науки, следует подчеркнуть, что стремление к сохранению и преумножению власти действительно рассматривается как ключевой движущий мотив деятельности любого правительства. Так, американские экономисты Д. Асемоглу и Дж.А. Робинсон в своей известной книге «Почему одни страны богатые, а другие бедные», несколько упрощая исторический материал, утверждают, что император Николай I сознательно сдерживал индустриализацию и транспортное развитие страны, опасаясь, что растущая промышленная экономика «подорвет патриархальный политический уклад России» и что по железной дороге в страну «приедет революция» [Асемоглу, Робинсон 2015, с. 257, 373]. Здесь можно спорить о некоей глубинной мотивации императора: считал ли он необходимым сохранить власть дома Романовых или первым делом всеми силами хотел избежать социально-политической смуты как «абсолютного зла», однако для стороннего наблюдателя действия Николая I выглядят именно как стремление сохранить незыблемость правящего режима. При этом, конечно, можно предполагать, что мотивация любого политического деятеля является достаточно многомерным феноменом, и в ее структуре могут присутствовать мотивы, которые он не то, что публично не признает, но даже сам не осознает в силу имеющихся защитных механизмов. Однако подобная философско-политическая дискуссия лежит за пределами данного исследования.

Идеологическая многополярность и «недобалансирование» на Ближнем Востоке

Профессор Техасского университета А&М Ф.Г. Гоуз попытался применить идеи М. Хааса для анализа геополитических процессов на Ближнем Востоке и, в частности, для объяснения причин, вследствие которых так и не сформировалась эффективная коалиция, направленная на сдерживание Ирана, выступающего в качестве одного из самых мощных региональных игроков [Gause 2017]. Однако отмечая, что в качестве основного фактора,

препятствующего созданию такой, по своей сути, антишиитской коалиции, выступает идеологическая многополярность, которая проявляется в существовании идейных противоречий между ключевыми суннитскими силами, он скорее намечает траекторию для возможностей применения концепции «недобробалансирования» в данном регионе, не давая развернутый ответ на вопрос, почему не складывается саудовско-турецкий альянс, хотя его реализация вполне укладывается в логику баланса сил и позволила бы продвигать суннитский антииранский проект. Представляется, что аргументация Гоуза вполне может быть дополнена и доработана.

Для демонстрации возможностей применения объяснительной модели Хааса вновь обратимся к приведенным нами в настоящей статье уточнениям о механизме распознавания враждебных идеологий и несколько сузим обозначенную Гоузом проблему до вопроса: почему Королевство Саудовская Аравия не стремилось и не стремится создать антииранский союз с Турцией?

В чисто доктринальном плане иранский идеологический проект враждебен любой версии суннитского проекта. Однако, как мы уже отмечали, правящий режим оценивает не только степень радикальности враждебной идеологии, но и ее возможную популярность у подвластных. Большинство подданных королевского дома аль-Саудов, равно как и большинство турецких граждан, исповедуют ислам суннитского толка, и шиитские идеи для них в принципе одинаково не приемлемы. И именно поэтому различные политические трактовки суннизма в определенном смысле вызывают у правящего режима Королевства больше тревоги, чем иранский идеологический проект, который просто будет отвергнут саудовским обществом.

Турецкая версия политического ислама воспринимается в Королевстве как «демократическая», в которой, в частности, ставится под сомнение сакральность монархической власти для мусульман. На практике это выражается в том числе и в поддержке Турцией протестных и радикальных политических организаций на Ближнем Востоке, включая движение «Братья-мусульмане»^{**}. Деятельность этих организаций отчасти направляется определенными антимонархическими и «псевдодемократическими» установками, поэтому, по сути, идеологические проекты, аффилированные с Турцией, являются прямым вызовом легитимационному нарративу королевского дома Саудовской Аравии. Иными словами, не опасаясь массового перехода своих подданных в ислам шиитского

^{**} Решением Верховного суда Российской Федерации признана террористической организацией.

толка, королевский дом, однако, весьма серьезно обеспокоен возможностью «демократизации» их взглядов в результате экспозиции к турецкому политическому проекту.

При этом на территории Саудовской Аравии существуют территории компактного проживания шиитских меньшинств, в частности Восточный административный район, ранее известный как Эш-Шаркия, что является источником постоянной тревоги для королевского дома и поводом для усиления региональных силовых структур. Представляется при этом, что беспокойство вызывает не столько перспектива шиитских беспорядков *per se*, сколько возможность нанесения экономического ущерба нефтяной промышленности Королевства, поскольку именно в Восточном административном районе сосредоточены основные запасы углеводородов страны. Правящая династия достаточно серьезно относится к подобной угрозе, поскольку экономическое процветание государства обеспечивается исключительно за счет грамотного перераспределения доходов от экспорта нефти. Однако все же такая угроза не носит экзистенциального характера по сравнению с турецким проектом «демократического» ислама.

Заключение

Идеологии, преследующие цель объединения государств на основе некоторой общей системы ценностей, на практике могут выполнять как консолидирующую, так и разобщающую функцию. Так, в системе межгосударственных отношений, предполагающей выстраивание на той или иной идеологической основе иерархической зависимости входящих в нее участников при очевидном доминировании одного из них, с высокой степенью вероятности могут проявляться центробежные тенденции, что подтверждается как несостоявшейся попыткой создания ОАР, так и не реализованным Советским Союзом стремлением сформировать под своим идейным руководством единый социалистический лагерь. Напротив, в политических объединениях, не предполагающих формирование иерархических отношений между входящими в них государствами, идейная основа выступает скорее в качестве консолидирующего начала, о чем свидетельствует, в частности, создание и дальнейшее успешное развитие ОАЭ как устойчивой федерации семи равноправных абсолютных монархий, а также отчасти и длительное существование в первой половине XIX в. Священного союза, который вошел в историю международных отношений как «сплоченная организация с резко очерченной клерикально-монархической

идеологией, созданная на основе идеи подавления революционного духа и политического и религиозного свободомыслия, где бы они ни проявлялись» [Ефимов, Тарле 1941, с. 385].

В идеологически многополярных системах, где сосуществуют три и более конкурирующие друг с другом политические идеологии, представляется возможным формирование коалиции нескольких государств при условии, что выразитель какого-либо одного отдельно взятого идеологического проекта будет одновременно восприниматься участниками данной коалиции, независимо от глубины идейных расхождений между ними, в качестве носителя наибольшей для них угрозы и в доктринально-политическом, и в военном отношении. Наглядным примером такого успешного взаимодействия государств выступает антигитлеровская коалиция, образованная во время Второй мировой войны Советским Союзом, Великобританией и США. Вместе с тем в условиях идеологической многополярности идейные расхождения между государствами могут препятствовать образованию эффективных коалиций, способствующих установлению баланса сил, что наглядно демонстрирует современная политическая ситуация на Ближнем Востоке.

Литература

- Асемоглу, Робинсон 2015 – *Асемоглу Д., Робинсон Дж.А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. 692 с. (Мировой бестселлер)
- Бурова 2014 – *Бурова А.Н.* Политический портрет Гамаль Абдель Насера: конфликт интерпретаций в египетском политическом дискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2014. № 1 (123). С. 204–209.
- Ефимов, Тарле 1941 – *Ефимов А.В., Тарле Е.В.* От создания Священного союза до Июльской революции (1815–1830 гг.) // История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина: В 3 т. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1941. С. 385–406.
- Мангейм 1976 – *Мангейм К.* Идеология и утопия: [В 2 ч.]. М.: Ин-т научной информации по общественным наукам АН СССР, 1976. Ч. 1. 247 с.; Ч. 2. 151 с.
- Ходжа 1985 – *Ходжа Э.* Еврокоммунизм – это антикоммунизм // Ходжа Э. Избранные произведения. Т. 5: Ноябрь 1976 – июнь 1980. Тирана: 8 Нентори, 1985. С. 859–1062.
- Dawisha 2016 – *Dawisha A.* Arab nationalism in the 20th century: From triumph to despair. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016. 359 p.
- Gause 2017 – *Gause F.G.* Ideologies, alignments, and underbalancing in the new Middle East Cold War // Political Science and Politics. 2017. Vol. 50. No. 3. P. 672–675. <https://doi.org/10.1017/S1049096517000373>

- Haas 2005 – *Haas M.L.* The ideological origins of great power politics, 1789–1989. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 232 p.
- Haas 2012 – *Haas M.L.* The clash of ideologies: Middle Eastern politics and American security. N.Y.: Oxford University Press, 2012. 302 p.
- Haas 2021 – *Haas M.L.* When do ideological enemies ally? // *International Security*. 2021. Vol. 46. No. 1. P. 104–146. https://doi.org/10.1162/isec_a_00413
- Haas 2022 – *Haas M.L.* Frenemies: When ideological enemies ally. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 2022. 306 p.
- Holsti 1991 – *Holsti K.J.* Peace and war: Armed conflicts and international order, 1648–1989. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1991. 379 p.
- LeDonne 1997 – *LeDonne J.P.* The Russian Empire and the world, 1700–1917: The geopolitics of expansion and containment. N.Y.: Oxford University Press, 1997. 394 p.
- Luthi 2008 – *Luthi L.M.* The Sino-Soviet split: Cold War in the Communist world. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008. 375 p.
- Schroeder 1994 – *Schroeder P.* Historical reality vs. Neo-Realist Theory // *International Security*. 1994. Vol. 19. No. 1. P. 108–148. <https://doi.org/10.2307/2539150>
- Tsygankov 2012 – *Tsygankov A.P.* Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in international relations. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. 325 p.
- Unkovski-Korica 2016 – *Unkovski-Korica V.* The economic struggle for power in Tito's Yugoslavia: From World War II to non-alignment. L.; N.Y.: I.B. Tauris, 2016. 320 p.
- Walt 1985 – *Walt S.M.* Alliance formation and the balance of world power // *International Security*. 1985. Vol. 9. No. 4. P. 3–43. URL: <https://doi.org/10.2307/2538540>

References

- Acemoğlu, D. and Robinson, J.A. (2015), *Pochemu odni strany bogaty, a drugie bednye: proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why some nations are rich and others fail: The origins of power, prosperity, and poverty], AST, Moscow, Russia. (*Mirovoi bestseller*)
- Burova, A.N. (2014), “Political portrait of Gamal Abdel Nasser: conflict of interpretations in Egyptian political discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series*, vol. 123, no. 1, pp. 204–209.
- Dawisha, A. (2016), *Arab nationalism in the 20th century: From triumph to despair*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.
- Efimov, A.V. and Tarle, E.V. (1941), “From the creation of the Holy Alliance to the July Revolution (1815–1830)”, in Potemkin, V.P., ed., *Istoriya diplomatii* [History of diplomacy], vol. 1, Sotsekgiz, Moscow, USSR, pp. 385–406.
- Gause, F.G. (2017), “Ideologies, alignments, and under-balancing in the new Middle East Cold War”, *Political Science and Politics*, vol. 50, no. 3, pp. 672–675.
- Haas, M.L. (2005), *The ideological origins of great power politics, 1789–1989*, Cornell University Press, Ithaca, USA.

- Haas, M.L. (2012), *The clash of ideologies: Middle Eastern politics and American security*, Oxford University Press, New York, USA.
- Haas, M.L. (2021), "When do ideological enemies ally?", *International Security*, vol. 46, no. 1, pp. 104–146.
- Haas, M.L. (2022), *Frenemies: When ideological enemies ally*, Cornell University Press, Ithaca, New York, USA.
- Holsti, K.J. (1991), *Peace and war: Armed conflicts and international order, 1648–1989*, Cambridge University Press, Cambridge, New York, USA.
- Hoxha, E. (1985), "Eurocommunism is anti-communism", in Hoxha E. *Selected works*, vol. 5: November 1976 – June 1980, 8 Nentori, Tirana, Albania, pp. 859–1062.
- LeDonne, J.P. (1997), *The Russian Empire and the world, 1700–1917: The geopolitics of expansion and containment*, Oxford University Press, New York, USA.
- Luthi, L.M. (2008), *The Sino-Soviet split: Cold War in the Communist world*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Manheim, K. (1976), *Ideologiya i utopiya* [Ideology and utopia], Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam AN SSSR, Moscow, USSR.
- Schroeder, P. (1994), "Historical reality vs. Neo-Realist Theory", *International Security*, vol. 19, no. 1, pp. 108–148.
- Tsygankov, A.P. (2012), *Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in international relations*, Cambridge University Press, Cambridge, New York, USA.
- Unkovski-Korica, V. (2016), *The economic struggle for power in Tito's Yugoslavia: From World War II to non-alignment*, I.B. Tauris, London, UK, New York, USA.
- Walt, S.M. (1985), "Alliance formation and the balance of world power", *International Security*, vol. 9, no. 4, pp. 3–43.

Информация об авторах

Михаил Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; grachev.m@rggu.ru

Сергей В. Лебедев, кандидат политических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; svlebedev@hse.ru

Information about the authors

Mikhail N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq, Moscow, Russia, 125047; grachev.m@rggu.ru.

Sergei V. Lebedev, Cand. of Sci. (Political Science), HSE University, Moscow, Russia; 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000; svlebedev@hse.ru

Дискуссии о вкладе СССР в победу над нацизмом на площадке молодежных структур Совета Европы

Григорий В. Петушков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, petushkov@mirea.ru*

Аннотация. Представленное исследование посвящено вопросу о роли дискуссий о вкладе СССР в победу над нацизмом на площадке молодежных структур Совета Европы в формировании национально-государственной идентичности подрастающего поколения, в том числе – в постсоветских странах. Исследователем выделены ключевые нарративы в рамках обсуждения темы вклада СССР в победу над нацизмом на площадке молодежных структур Совета Европы. Прослеживается взаимосвязь между позицией представляющих молодежь спикеров и дискурсом руководящих структур Совета Европы. Дана оценка воздействия мемориальных нарративов Совета Европы на состояние национально-государственной идентичности молодежи (включая постсоветские страны). Изучена содержательная сторона политики памяти Совета Европы в отношении Второй мировой войны и вклада СССР в победу над нацизмом. Выделены ключевые мнемонические акторы Совета Европы. Исследована структура образа Советского Союза в рамках мемориальных нарративов Совета Европы. Освещена практика проведения мемориальных мероприятий на молодежных площадках Совета Европы с учетом специфики применяемых методик и образовательных технологий. Охарактеризованы вектор выстраивания мемориального режима в отношении роли Советского Союза в победе над нацизмом.

Ключевые слова: Вторая мировая война, нацизм, дискуссии, СССР, политика памяти, национально-государственная идентичность, Совет Европы, молодежь, молодежная политика

Для цитирования: Петушков Г.В. Дискуссии о вкладе СССР в победу над нацизмом на площадке молодежных структур Совета Европы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 201–210. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-201-210

Debates on the USSR's contribution to the victory over Nazism at the youth structures of the Council of Europe

Grigorii V. Petushkov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, petushkov@mirea.ru*

Abstract. The presented study is devoted to the debates on the contribution of the USSR to the victory over Nazism at the youth structures of the Council of Europe and to the role of those debates in the formation of national and state identity of the younger generation, including in the post-Soviet countries. Within the framework of such discussions, the researcher identifies the key narratives of the USSR's contribution to the victory over Nazism at the youth structures of the Council of Europe. The relationship between the position of the speakers representing the youth and the discourse of the governing structures of the Council of Europe is being traced. The article presents an assessment of the impact of the memorial narratives of the Council of Europe on the mode of national and state identity of the youth (counting the post-Soviet countries). The author carries out research on the content of the Council of Europe's World War II Memorial Policy and the contribution of the USSR to the victory over Nazism. The key mnemonic actors of the Council of Europe are identified. The structure of the image of the Soviet Union in the framework of the memorial narratives of the Council of Europe is studied. The practice of holding memorial events at the youth platforms of the Council of Europe is elucidated, taking into account the specifics of the methods and educational technologies used. The vector of building a memorial regime in relation to the role of the Soviet Union in the victory over Nazism is characterized.

Keywords: World War II, Nazism, debates, USSR, politics of memory, national-state identity, Council of Europe, youth, youth policy

For citation: Petushkov, G.V. (2025), "Debates on the USSR's contribution to the victory over Nazism at the youth structures of the Council of Europe", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 201–210, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-201-210

Обращаясь к вопросу о дискуссии относительно вклада СССР в победу над нацизмом на площадке молодежных структур Совета Европы, в первую очередь необходимо отметить концептуальные рамки этих дебатов. Следует подчеркнуть, что речь идет не об обсуждениях историографического характера. Как Совет Европы в целом, так и его молодежные органы в рамках публичной политики не рассматривают события прошлого как предмет исторической науки.

Последняя формируется в результате попыток получения достоверного знания относительно событий прошлого на основе использования научно обоснованной методологии. Именно поэтому система научных знаний, выстроенных профессиональными историками, в ряде аспектов изобилует пробелами или же носит фрагментальный характер. Изучение далеко не всех событий обеспечено достаточной источниковой базой (либо ее объемы настолько широки, что полноценное освоение соответствующей информации может требовать многих десятилетий). Как следствие, в историографии любой темы могут присутствовать конкурирующие школы и направления, представители которых придерживаются разных мнений относительно интерпретации того или иного факта. По этой причине система научных знаний о событиях прошлого может показаться стороннему наблюдателю противоречивой и потому малопонятной [Нора 1999, с. 17].

Руководство Совета Европы рассматривает события прошлого скорее с точки зрения концепта социальной памяти. Последняя представляет собой схематичное, упрощенное и потому непротиворечивое представление о событиях общего прошлого, сконструированное, с одной стороны, на основе устной традиции, передаваемой современниками тех или иных событий, а с другой – за счет создания артефактов массовой культуры, посвященных тем или иным моментам в истории макросоциальной группы. Содержание социальной памяти обладает гораздо меньшей степенью достоверности, нежели накопленные и прошедшие научную апробацию знания историков. Однако этот недостаток компенсируется, во-первых, символической природой памяти: ее выстраивают на основе обладающих высокой эмоциональной насыщенностью образов (именуемых разными исследователями «фигурами памяти», «местами памяти» и т. д.), в которых кодируются определенные смыслы и ценности, задающие модель национально-государственной идентичности и связанные с ней поведенческие паттерны. Во-вторых, значимость нарративов социальной памяти зачастую подкрепляет авторитет первоисточника, а именно старших родственников [Хальбвакс 2007, с. 152–185; Нора 1999, с. 18, 19].

В случае представлений о вкладе СССР в победу над нацизмом, формируемых и распространяемых Советом Европы и его структурными подразделениями, мы имеем дело с так называемой культурной памятью – разновидностью социальной памяти, которая охватывает события сравнительного отдаленного прошлого (порог ретроспективы в отношении которых превышает планку 70–80 лет) и конструируется не столько современниками соответствующих событий, сколько представителями разных форм массо-

вой культуры (в том числе – на уровне массового образования) [Ассман 2004, с. 104–107].

Эта система представлений не формируется хаотически. Выбатываемые на основе культурной памяти конструкты выступают в качестве инструментов управления политическим восприятием, мышлением и поведением. Речь идет о частном проявлении политики памяти. Последняя представляет собой систему практик предания забвению, интерпретации или актуализации событий прошлого на основе современной политической конъюнктуры с целью создания смыслов, популяризации или подавления связанных с ними ценностей и моделей поведения. В том числе политика памяти может быть использована для трансформации групповой идентичности (во многом зависящей от образа коллективного прошлого), разрушения или поддержания легитимности существующей политической системы, конструирования образов исторических врагов и союзников, провоцирования либо купирования внутренних и внешних конфликтов [Ассман 2012, с. 16–31; Ассман 2014; Hall 1980, p. 128–138].

Таким образом, тиражируемая Советом Европы система представлений о роли Советского Союза в победе над нацизмом априори представляет собой, с точки зрения исторической науки, результат заведомой политизации или даже фальсификации представлений о событиях прошлого.

Фактически молодежные площадки Совета Европы выступают в качестве ретранслятора мемориальных нарративов, создаваемых основным мнемоническим актором СЕ – Обсерватории по преподаванию истории в Европе (далее – Обсерватория), в 2022–2024 гг. действовавшей при поддержке другого, ныне закрытого проекта «Лаборатория транснационального исторического образования и сотрудничества – HISTOLAB»). На практике основная функция Обсерватории сводилась не столько к историческому просвещению и борьбе с распространением фальсификаций (как заявлялось открыто), сколько к обеспечению мемориального конформизма. Последнее предполагает создание условий, при которых основная масса жителей стран-участниц Совета Европы должна оценивать события прошлого сквозь призму его универсального образа, т. е. в рамках воспринимать историю с точки зрения единого шаблона интерпретации, одновременно коллективно предавая забвению определенные факты¹.

¹ HISTOLAB Toolkit for history classes – debunking fake news and fostering critical thinking // The Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/education/-/histolab-toolkit-for-history-classes-debunking-fake-news-and-fostering-critical-thinking> (дата обращения: 17.04.2025).

В случае участия Советского Союза во Второй мировой войне в целом и роли СССР в победе над нацизмом нарративы Обсерватории определяются позицией, сформулированной лицами, причастными к выработке мемориальной политики Совета Европы, как минимум еще в 2000-х гг. Так, в феврале 2007 г. комиссар Совета Европы по правам человека Томас Хаммарберг в ходе публичного выступления фактически уравнил Советский Союз и нацистскую Германию, поставив в один ряд с Холокостом события так называемого «голодомора» на Украине. Хаммарберг охарактеризовал их как «искусственно созданный Сталиным голод, унесший жизни миллионов людей в 1932–1933 гг. (по разным оценкам, от 4 до 7 миллионов)». При этом комиссар позитивно оценил деятельность признанного впоследствии иноагентом историко-просветительского общества «Международный мемориал» по конструированию образа СССР как государства, построенного на применении крупномасштабного систематического террора в отношении собственного населения. Одновременно было подчеркнуто, что этот мемориальный режим формируется ради достижения вполне конкретных политических целей, а именно выработки «здорового подхода к настоящему и будущему» у носителей соответствующей модели памяти. Соответственно, Советский Союз был изначально обозначен как негативный исторический актор, образ которого мало отличим от нацистской Германии. Данный тезис был закреплён в 2009 г., когда Совет Европы поддержал провозглашение Европарламентом 23 августа как памятного Европейского дня памяти жертв сталинизма и нацизма².

Эта модель мемориального режима используется и в настоящее время. В частности, в рамках пособия «Набор инструментов для уроков истории», разработанного Обсерваторией совместно с исследовательской группой DCSO (Университет Мурсии, Испания), история СССР увязывается исключительно с политическими репрессиями 1930-х гг. При этом важно понимать, что данное пособие предназначено именно для разоблачения исторических фальсификаций, т. е. его применение предполагает выработку у аудитории негативного отношения к любым попыткам доминирующей в европейской историографии концепции социально-политической истории Советского Союза в 1930-х гг.³

² Past human rights crimes should not be denied – instead we must remember and learn // The Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/commissioner/-/past-human-rights-crimes-should-not-be-denied-instead-we-must-remember-and-learn> (дата обращения: 17.04.2025).

³ HISTOLAB Toolkit for history classes – debunking fake news and fostering critical thinking // The Council of Europe. URL: <https://histolab.coe.int/activities/toolkit> (дата обращения: 17.04.2025).

Демонизация СССР через обозначение его модальности как тоталитарного, антидемократического и террористического государства способствовала развитию двух тенденций. Во-первых, систематического игнорирования его вклада в победу над нацизмом (на сайте Совета Европы освободительная миссия Красной Армии упоминается лишь один раз, при указании обстоятельств спасения узников концлагеря в Освенциме). Во-вторых, имеет место замалчивание урона, понесенного народами Советского Союза в результате нападения нацистской Германии. В числе основных жертв нацистского режима упоминаются этнические евреи, цыгане, инвалиды, гомосексуалисты, «сторонники определенных политических убеждений» (при помощи этого эвфемизма фактически обозначаются коммунисты) и «люди славянского происхождения» (из общей массы последних выделяются лишь поляки)⁴.

Ситуацию усугубляет то, что Совет Европы и его молодежные структуры в принципе определяют коммунизм как тоталитарную и антидемократическую идеологию, построенную на отрицании приоритетности прав человека и верховенства закона и потому неотличимую от фашизма. Таким образом, в качестве первопричины приписываемых Советскому Союзу преступлений обозначаются не личные интересы и убеждения конкретных политиков, а сама природа его государственного строя. Последнее косвенно играет огромную роль с точки зрения интерпретации освободительной миссии Красной армии, которая позиционируется лишь как «смена одной оккупации другой».

Формально Совет Европы придерживается доктрины выстраивания мемориального конформизма с целью достижения «взаимопонимания, терпимости и доверия между отдельными людьми и народами Европы» ради достижения примирения в постконфликтный период за счет демонстрации разных точек зрения на одни и те же события. Показательным примером в данном случае может служить проект «Общее прошлое для Европы без разделительных линий», реализованный в 2010–2014 гг. Однако в случае освещения истории Советского Союза этот принцип игнорируется, поскольку СССР стигматизируется как тоталитарное государство, чуждое европейским ценностям⁵.

⁴ Remembrance // The Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/fr/web/compass/remembrance> (дата обращения: 17.04.2025).

⁵ Общее прошлое для Европы без разделительных линий // The Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/1680654571> (дата обращения: 17.04.2025).

Еще одним важным аспектом мемориального контекста восприятия роли СССР в победе над нацизмом является общее позиционирование этого события структурами Совета Европы. В официальном календаре памятных дат СЕ 8–9 мая обозначены как Дни памяти и примирения в честь погибших во Второй мировой войне. Сама по себе данная формулировка была предложена Россией и странами СНГ в 2004 г. Генассамблее ООН. Однако инициаторы не рассматривали ее как альтернативу празднованию Дню Победы в постсоветских государствах, VE-Day в США или Victory in Europe Day в Великобритании. Предполагалось, что две мемориальные традиции будут сочетаться между собой. Однако на практике имеет место вытеснение устоявшихся ранее режимов памяти празднованием Дней памяти и примирения. На практике это сочетается с общей дегероизацией образов союзников, демонизацией Советского Союза и попытками гуманизации имиджа представителей «стран оси». Сохраняется высокий уровень концентрации внимания на преступлениях фашистских режимов, однако в то же время ретушируется память о силах, способствовавших их свержению.

Данные обстоятельства задали весьма специфические рамки дискуссии о вкладе СССР в победу над нацизмом на площадке молодежных структур Совета Европы.

Рассмотрим их проявление на конкретном примере. 8–9 мая на площадках молодежных центров Совета Европы проводятся мемориальные мероприятия, основанные на использовании технологии «облака ключевых слов». Данная технология представляет собой частный случай применения проективных методик и сводится к письменной фиксации и группировке слов-ассоциаций в рамках системы координат «позитивный – негативный». В качестве сигнала, провоцирующего у целевой аудитории возникновение ассоциативного ряда, в рамках первого этапа мероприятия используется фото реального мемориала, связанного с событиями Второй мировой войны. На втором этапе роль сигнала играет предложение представить идеальную модель мемориала событиям Второй мировой войны⁶.

После завершения выстраивания ассоциативного ряда в рамках каждого из этапов участникам задаются вопросы, на практике призванные сформировать вектор их рефлексии собственных действий, в частности молодым людям задаются следующие вопросы:

- считаете ли вы, что именно так будущие поколения должны помнить войну? чего не хватает? есть ли баланс, который необходимо восстановить? если да, то где?

⁶ Expressions de la mémoire // The Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/fr/web/compass/memory-tags> (дата обращения: 17.04.2025).

- почему официальные мемориалы имеют тенденцию «прославлять» войну? как вы думаете, так и должно быть?
- какое послание несут официальные мемориалы в отношении другой стороны, а именно «врага»? как следует понимать это послание сегодня?
- легко ли вам было представить себе мемориал другого типа? Как бы это выглядело? Что вы сочли важным, а что вам показалось самым трудным?
- могут ли мемориалы действительно напоминать нам об ужасах войны? как вы думаете, они должны попытаться это сделать?⁷

Задаваемые участникам вопросы фактически носят наводящий характер и призваны подтолкнуть представителей целевой аудитории к следующим выводам:

- прославляющие подвиг мемориалы участникам войны неуместны, поскольку с их помощью «память жертв» вытесняется «памятью победителей», а представители другой стороны конфликта якобы демонизируются (что провоцирует их враждебность);
- прославляющие подвиг мемориалы участникам войны якобы создают позитивный образ конфликта и способствуют милитаризации общества;
- мемориалы, посвященные Второй мировой войне, должны напоминать исключительно об ужасах конфликта.

Популяризация обозначенных векторов может закрепляться при помощи факультативных заданий. Так, участникам мероприятия могут предложить подсчитать в своем населенном пункте количество улиц, названных в честь армейских командиров или известных сражений, и число локаций, названных в честь людей, которые боролись за мир. При этом предполагается, что участники должны найти в своем муниципалитете чиновника, ответственного за присвоение топонимов, и предложить ему перечень имен борцов за мир для последующей мемориализации. Другой вариант факультативного задания предусматривают организацию мероприятия в память о герое, который работал на благо мира⁸.

Таким образом, формальные попытки организации на молодежных площадках Совета Европы обсуждения характера мемориалов, посвященных событиям Второй мировой войны, на практике лишь имитируют характер дискуссии.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

В целом можно заключить, что мемориальные нарративы, распространяемые Советом Европы в целом и его молодежными площадками в частности, предполагают лишь возможность имитирования дискуссий о вкладе СССР в победу над нацизмом. Последнее обусловлено сочетанием комплекса обстоятельств – маркированием Советского Союза как тоталитарного и антидемократического государства, слабо отличимого от нацистской Германии, фактическим отождествлением фашизма и коммунизма с точки зрения идейного содержания и политической практики, отказом от принципа реального плюрализма мнений в рамках интерпретации событий Второй мировой войны, стремлением вытеснить «память победителей» из мемориального поля «памятью жертв» (вместо органичного сочетания этих компонентов), минимизацией компонента именно военной истории при освещении событий 1933–1945 гг., а также ее дегероизацией и желанием устранить из исторического дискурса элементы, способны провоцировать неприязнь между гражданами стран, ранее принадлежавших к блоку «оси» и антигитлеровской коалиции.

Литература

- Ассман 2004 – Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Ассман 2012 – Ассман А. Трансформации нового режима времени // Новое литературное обозрение. 2012. № 4 (116). С. 16–31.
- Ассман 2014 – Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Нора 1999 – Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.
- Хальбвакс 2007 – Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
- Hall 1980 – Hall S. Encoding/decoding // Culture, media, language / ed. by S. Hall, D. Hobson, A. Lowe, P. Willis. L.: Hutchinson, 1980. P. 128–138.

References

- Assmann, A. (2012), “Transformations of the modern time regime”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, vol. 116, no. 4, pp. 16–31.
- Assmann, A. (2014), *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: memorial culture and historical policy], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.

- Assmann, J. (2004), *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of ancient civilizations], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Nora, P. (1999), "The issues of the places of memory", in *Frantsiya – pamyat'* [France – memory], Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia, pp. 17–50.
- Halbwachs, M. (2007), *Sotsial'nye ramki pamyati* [The social frameworks of memory], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Hall, S. (1980) "Encoding / Decoding", in Hall, S., Hobson, D., Lowe, A. and Willis, P., eds., *Culture, media, language*, Hutchinson, London, UK, pp. 128–138.

Информация об авторе

Григорий В. Петушков, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; petushkov@mirea.ru

Information about the author

Grigori V. Petushkov, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125045; petushkov@mirea.ru

УДК 323.28:316.346.32-053.6

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-211-225

Профилактика экстремизма в молодежной среде: обзор научных дискуссий 2020–2025 гг.

Ольга В. Путина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия;*

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, olga-putina@inbox.ru*

Аннотация. В настоящее время проблема экстремизма и его крайнего проявления – терроризма остается одной из самых приоритетных для Российской Федерации, так и для международного сообщества. Методы экстремистского воздействия в последние два-три года интенсивно изменяются, становятся все более изощренными и неожиданными. Наряду с силовыми структурами новые задачи изучения вопросов профилактики экстремизма встают и перед научным сообществом. Профилактике экстремизма в молодежной среде уделяется внимание большого количества авторов, рассматриваются современные образы молодежи, анализируются характерные черты экстремизма в молодежной среде, обосновывается их связь с социально-возрастными и историко-культурными аспектами. Исследуются вопросы взаимодействия просветительской работы и усилий по профилактике религиозного экстремизма, приводится международный опыт противодействия молодежному экстремизму. Особое внимание уделено процессу формирования гражданской позиции студентов, разработке комплексных подходов к решению социальных проблем, а также обеспечению безопасности в образовательных организациях. Автором статьи рассматриваются публикации, размещенные на трех базах данных научного цитирования: Российский индекс научного цитирования, Google Академия и Российская государственная библиотека. Тема профилактики религиозного и этнического экстремизма интересна как докторам, кандидатам политических наук, так и магистрам в 2020–2025 гг. Тема профилактики экстремизма в молодежной среде получает все большую разработанность в минувшие годы ввиду актуальных событий, провоцирующих новые проявления экстремизма, а также благодаря интересу широкого круга исследователей по причине тесного соприкосновения такого явления как экстремизм с большинством сфер жизни общества.

© Путина О.В., 2025

Ключевые слова: экстремизм, профилактика экстремизма, профилактика экстремизма в молодежной среде, законодательство в вопросах профилактики терроризма и экстремизма, психология экстремистских проявлений, «маркеры» экстремизма, формирование культуры противодействия экстремизму

Для цитирования: Путина О.В. Профилактика экстремизма в молодежной среде: обзор научных дискуссий 2020–2025 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 211–225. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-211-225

Prevention of religious and ethnic extremism among young people: a review of the scientific discussions in 2020–2025

Olga V. Putina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

Moscow Pedagogical State University (MPGU),

Moscow, Russia, olga-putina@inbox.ru

Abstract. Currently, the problem of extremism and terrorism remains one of the most serious issues for both the international community and the Russian Federation. The methods of extremist influence have been changing intensively in the last two or three years, becoming more sophisticated and unexpected. Along with the law enforcement agencies, the scientific community is also facing new challenges in studying prevention of extremism. Many authors pay attention to extremism prevention among young people. The article examines the present-day images of young people, analyzes the characteristics of extremism among youngsters, and substantiates their connection with the socio-age and historical-cultural aspects. The paper explores the interaction between educational work and the efforts to prevent religious extremism and provides international experience in countering youth extremism. Special attention is paid to the formation of students' civic position, developing comprehensive approaches to solving social problems and ensuring security in educational institutions. The author of the article examines the publications from three scientific citation databases: the Russian Science Citation Index, the Google Academy and the Russian State Library. In the years 2020–2025, the issue of preventing religious and ethnic extremism turns out to be of interest to the scholars of all stripes – to PhDs, candidates of political sciences, and those who have graduated from the master's degree courses. The reason of the increased importance of this topic in recent years lies, on the one hand, in the current events that are causing new manifestations of extremism, and, on the other, in

the interest of a wide range of researchers, who study the tight connection of extremism to many areas of society's life.

Keywords: extremism, prevention of extremism, prevention of extremism among young people, legislation on the prevention of terrorism and extremism, psychology of extremist manifestations, “markers” of extremism, formation of a culture of countering extremism

For citation: Putina, O.V. (2025), “Prevention of religious and ethnic extremism among young people: a review of the scientific discussions in 2020–2025”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 211–225, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-211-225

С февраля 2022 г. борьба с террористическими группировками на территории России, в том числе вооруженными – задача немедленного реагирования для Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Министерства обороны Российской Федерации, а также других силовых структур. Наряду с силовыми структурами новая задача профилактики экстремизма встает и перед научным сообществом.

Любые научные изыскания опираются на нормативно-правовые основы противодействия экстремистской деятельности, закрепленные в первую очередь в Федеральном законе № 114-ФЗ от 25.07.2002 «О противодействии экстремистской деятельности» и в ином законодательстве. В основополагающем документе экстремистская деятельность – это деятельность, направленная на нарушение норм, предусмотренных главах 1 и 2 Конституции Российской Федерации. Ответственность за совершение экстремистской деятельности предусматривается в Уголовном кодексе Российской Федерации (в ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207, 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2), в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (в ст. 5.26, 13.15, 15.27, 17.10, 20.1, 20.2, 20.3, 20.28, 20.29). Противоэкстремистское законодательство составляют Указы Президента РФ: «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации», «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.», «О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации», «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации», «О Федеральной службе безопасности Российской Федерации». В период 2020–2025 гг. утверждены нормативные акты правового обеспечения в сфере

противодействия экстремизму, в которых Российская Федерация констатирует как основу общества – традиционные ценности, позволяющие обеспечить единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, защищать и укреплять суверенитет государства. Данные положения отражены в Указе Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в Указе Президента Российской Федерации № 611 от 05.09.2022 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом», а также в Указе Президента Российской Федерации № 309 от 07.05.2024 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Тема профилактики экстремизма носит междисциплинарный характер и исследуется специалистами разных областей знаний (политологии, философии, истории, социологии, психологии, педагогики, криминалистики) с момента появления явления экстремизма, еще не имевшего своего определения. На раннем этапе тема власти над другими людьми из материальных выгод, применения субъектами власти самых жестоких крайних мер, устрашения, открытого насилия, убийства для достижения своих целей, поднимается в трудах, описывающих политическую культуру и поведение людей в политике у таких авторов как М. Вебер, Т. Парсонс, Г. Алмонд, Э. Дюркгейм, Ю. Хабермас. Активизировались дискуссии с момента появления термина «Экстремизм» с середины XIX в. в Англии, США, Франции, позднее в России. Особо отметить необходимо труды Г. Зиммеля, В.С. Степина, В.А. Тишкова.

Исследование проведено на трех базах данных научного цитирования: Российский индекс научного цитирования, Google Академия и Российская государственная библиотека. Тема профилактики религиозного и этнического экстремизма интересна как докторам, кандидатам политических наук, так и магистрам в 2020–2025 гг.

В ходе анализа выявлено несколько направлений научных исследований. Одним из них стало изучение проблем законодательства, в том числе определение точного смысла терминов, касающихся вопросов профилактики терроризма и экстремизма среди несовершеннолетних. Такие авторы, как Э.М. Азимов и И.Д. Колесник систематизируют и анализируют доктринальные различия между отдельными терминами, не получившими нормативного закрепления. Делается вывод о том, что «профилактика, будучи процессом, требующим известной гибкости (в части инструментов

воздействия), связанным с личностными особенностями субъектов, на которых она направлена, не может быть полноценно описана с формальной стороны лишь с помощью общих положений» [Азимов, Колесник 2024, с. 9]. Функции их конкретизации (прикладного толкования), по мнению авторов, фактически переходят к применяющим ту или иную методику педагогам (наставникам). Авторы отмечают: «Представляется актуальным для дальнейшего исследования вопрос о том, насколько профилактика подростковой преступности может быть «общей» в своем прикладном аспекте, и где проходит граница между «общей методикой» профилактики противоправных действий (не учитывающей индивидуальные особенностей мотивации и восприятия дидактического материала учебной аудиторией) и «общей профилактикой», которая бы учитывала эти факторы в полной мере» [Азимов, Колесник 2024, с. 9]. Исследователи заостряют внимание на понятии «профилактика правонарушений», критикуя чрезмерно широкое его толкование. Предлагаются потенциальные подходы к разрешению данной проблемы.

Еще одним важным направлением научного поиска является анализ факторов, которые влияют на экстремистские проявления в молодежной среде. Их изучают А.А. Геворгян, И.Н. Коновалов, А.С. Азарова, Д.Н. Маркин, Э.Г. Юзиханова, Н.А. Корсикова. А.А. Геворгян связывает молодежный экстремизм с падением уровня общекультурного развития и образования. Также этому способствуют такие явления, как «обострение социальной напряженности, криминализация ряда сфер общественной жизни, изменение ценностных ориентаций, использование в деструктивных целях психологического фактора, использование интернет-технологий в противоправных целях» [Геворгян 2024, с. 86].

И.Н. Коновалов, А.С. Азарова и Д.Н. Маркин исследуя молодежь, обучающуюся в вузах, делают вывод о возрастании экстремистских настроений по отношению к представителям разных национальностей и религий: «Всплески тревожности основываются на убежденности в том, что отрицательные черты, пороки человека связаны с его национальной принадлежностью и вероисповеданием» [Коновалов, Азарова, Маркин 2021, с. 91].

Э.Г. Юзиханова и Н.А. Корсикова подчеркивают, что проникновение и проецирование экстремистских проявлений и взглядов на общество выступает как катализатор социальной нестабильности, способствуя, в частности, отрицанию и разрушению традиционных ценностей. В статье освещены вопросы социального и криминологического анализа преступлений экстремистской направленности и определения криминологических показателей экстремизма в молодежной среде, исследования криминологи-

ческой характеристики личности и детерминанты экстремизма [Юзиханова, Корсикова 2024].

Среди проблематики, привлекающей внимание ученых, заметное место занимают вопросы влияния СМИ на процесс социализации и формирования взглядов у современной молодежи. Их исследуют Ю.Б. Санджиев, О.В. Ищенко, Е.Н. Малик, О.Н. Забузов, И.С. Шушпанова, М.Н. Лату, Ю.Р. Тагильцева. Ю.Б. Санджиев особое внимание уделяет важности развития у молодых людей способности вести эффективный межнациональный диалог [Санджиев 2021]. О.В. Ищенко отмечает, что усиление роли сети Интернет с переводом коммуникаций в виртуальную среду в условиях пандемии COVID-19 способствовало распространению экстремистского контента (влияние на молодежь идей запрещенных в России террористических группировок, распространение в подростковой среде идеологии криминального движения) и повышению количества в открытых источниках случаев привлечения молодых людей к административной или уголовной ответственности за размещение в социальных сетях экстремистских материалов, символов или лозунгов [Ищенко 2021].

Е.Н. Малик раскрывает мобилизационную специфику сетевых и электронных медиа в процессе формирования политического сознания и поведения молодежи. Автор отмечает, что медиаобразовательные технологии, нацеленные на повышение медиаграмотности, медиакультуры и медиаинтеллекта молодых граждан существенно способствуют эффективной реализации их социально-политической субъектности [Малик 2022].

О.Н. Забузов, И.С. Шушпанова, основываясь на результатах социологических измерений делают вывод о том, что необходимо сочетать традиционные методы и каналы коммуникации, повышая адресность антитеррористического воздействия [Забузов, Шушпанова 2022].

Продолжая цикл исследований, посвященных изучению специфики контента экстремистской направленности М.Н. Лату, Ю.Р. Тагильцева выделяют «критерии оценки поликодовых текстов с учетом радикализирующего воздействия. Указывается ряд таких критериев. Это аттрактивная тематика контента – поляризация потенциальной конфликтности (поляризации) мнения («онтологическая безопасность»; «социальное признание»; культурные, социально-политические, религиозные, национальные, этнические и другие виды мифотворчества; проекты радикального преобразования общества и государства); перцептивная привлекательность контента – контрастная (яркая) визуальная часть и информационная плотность контента (наличие маркеров экстремистского дис-

курса на лексическом, синтаксическом и концептуальных уровнях; подчеркнутая выраженность маркеров «СВОЙ» и «ЧУЖОЙ»); наличие/отсутствие трансформирующих вербальных и/или невербальных компонентов содержания контекста; когнитивная составляющая контента – интерпретация представленной ситуации в контенте (наличие трансформированных ценностных и морально-нравственных установок, идущих вразрез с установками, принятыми в обществе). Представленные критерии позволяют выявить не только информационный контент радикализирующего воздействия, но и определить контрольные точки для проведения профилактики экстремизма в молодежной среде» [Лату, Тагильцева 2022, с. 229].

Важность воспитательного компонента образовательной деятельности и роли сектора образования в профилактике экстремизма подчеркивают в своих работах Н.Н. Кулакова, М. Сас., К. Поннет, Г. Рейнерс, В. Хардинс, С.М. Денней, Н. Вебстер, К. Кубов, К. Стронг, Д. Миранда, К. Миллет, А. Черний. Н.Н. Кулакова отмечает, что политические воля и практика детерминируют особенности содержательного наполнения воспитательного компонента образовательной деятельности и его этапов развития. Задача социализации учащихся, включающая формирование политической культуры и активной гражданской позиции, решается на занятиях социально-гуманитарного цикла, в частности политологи [Кулакова 2022].

Об ограничениях сектора образования в развивающихся странах в своей статье рассуждают М. Сас., К. Поннет, Г. Рейнерс, В. Хардинс. Авторы рекомендуют обеспечить равный доступ к образованию, чтобы школы инвестировали средства в создание безопасных пространств для своих учащихся, чтобы не только среднее, но и начальное и высшее образование включалось в политические стратегии, касающиеся радикализации, и чтобы рынок труда был адаптирован к образовательному уровню выпускников [Sas et al. 2020].

С.М. Денней рассматривает роль инструктора у старшекласников двенадцатого класса как интенционального агента развития гражданской идентичности и исследования подросткового самосознания [Denney 2022].

К. Кубов, Н. Вебстер, К. Стронг, Д. Миранда определяют возникающие формы гражданственности, развивающиеся в формальном и неформальном образовательном контексте, в том числе те, которые разрушительным образом воздействуют на национальное государство и демократию [Kubow et al. 2023].

Проводя исследования образования в Квебеке (Канада), К. Миллет отмечает, что существуют внутренние противоречия

в политике профилактики экстремизма. В целом эта политика способствует плюрализму и инклюзивности в борьбе с исламофобией, однако в ходе «войны с террором» эта политика также стигматизирует мусульманские общины [Millett, Ahmad 2021].

Среди исследований по профилактике экстремизма в молодежной среде ценность представляют исследования А. Черний, который выделяет несколько важных моментов в профилактике экстремизма в образовательном процессе. К их числу относятся вовлечение семьи и участие профилактической деятельности; выстраивание взаимопонимания с молодежью при работе с радикально настроенной молодежью. Мероприятия должны быть соответствующими развитию и включать неформальные формы участия, включающие неклиническую и непрофессиональную/образовательную деятельность; мероприятия должны быть транспарентными с точки зрения их функционирования и опираться на межучрежденческое взаимодействие; оценка молодежных мероприятий должна быть сосредоточена на измерении различных когнитивных и поведенческих результатов, включая результаты, не обязательно связанные с уменьшением конкретных правонарушений/проблемных видов поведения; программная оценка молодежных мероприятий должна оценивать изменения, связанные с психопатологическими дефицитами и рисками, которые влияют на проблемное поведение [Cherney, De Rooy, Williams 2022, p. 65].

Исследование сущности экстремистских проявлений: определение «маркеров» экстремизма в современной молодежной среде, моделей профилактики девиантного поведения детей и молодежи, психологии экстремистских групп, взаимозависимость радикализма и экстремизма являются темой работ таких авторов, как М.Е. Краслянская, Ш.М. Мухтарова, М.Т. Баймуканова, М.А. Оспанова, В.Д. Воробцов, Т.Г. Чекменева, Л.А. Рапопорт.

М.Е. Краслянская проводит исследование, направленное на выявление определенных признаков, которые могут в совокупности являться маркерами проявления экстремизма. К их числу относятся визуальные, виртуальные, вербальные, эмоциональные, дополнительные факторы [Краслянская 2024].

Статья Ш.М. Мухтаровой, М.Т. Баймукановой, М.А. Оспановой посвящена актуальной проблеме изучения европейских моделей профилактики девиантного поведения детей и молодежи на основе сравнительных исследований. Представлен сравнительный анализ зарубежных исследований в области теории и европейских [Mukhtarova, Baimukanova, Ospanova 2025].

Исследование В.Д. Воробцова, Т.Г. Чекменевой будет интересно исследователям, занимающимся темой поиска эффективных

стратегий профилактики экстремизма и ему предшествующему процессу – радикализации, в частности при «формировании программ дерадикализации и реинтеграции в общество бывших членов экстремистских групп. Авторы описывают методы, которые могут быть эффективными в борьбе с экстремистскими группами: создание эффективной системы социальной защиты, работа с семьями и родственниками, работа с религиозными лидерами, исследования и мониторинг экстремистских групп» [Воробцов, Чекменева 2024, с. 36].

Л.А. Рапопорт и М.Ю. Биктуганова, приводя пример Универсиады 2013, описывают принципы ее организации как позитивно влияющие на «процесс дерадикализации студенческой молодежи. Большую роль играют элементы наследия всемирных студенческих игр, включающие в себя экономику, образование, спорт, экологию и социокультурную сферу. Автор описывает влияние интегративного процесса подготовки и проведения, итогов и наследия универсиад на процесс дерадикализации студенческой молодежи» [Рапопорт, Биктуганова 2022, с. 14].

Ценностно-воспитательный подход к проблемам профилактики экстремизма используют в своих работах И.А. Савченко, С.В. Устинкин, М.М. Идрус, К. Винтер, И.О. Загашева, М.А. Еремина.

Инновационные преобразования, а именно внедрение федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования, требуют, по мнению И.О. Загашева, «осмысления не только с методологической точки зрения, но и с точки зрения ценностно-культурологического подхода» [Загашев 2022, с. 293]. Автор дает три сценария развития среднего профессионального образования и делает вывод о прогностической значимости ценностного и культурологического анализа процессов, происходящих на указанной ступени образования.

М.А. Еремина систематизирует и анализирует научные источники, касающиеся сферы ценностей в современной молодежной среде (нравственные, политические, религиозные, семейные и т. д.) с опорой на ключевые аксиологические понятия [Еремина 2022].

И.А. Савченко и С.В. Устинкин «представляют результаты серии прикладных социологических исследований, направленных на изучение молодежного религиозного сознания. Обозначают пути и методы профилактики религиозной нетерпимости и религиозного радикализма в молодежной среде» [Савченко, Устинкин 2021, с. 90].

М.М. Идрус, Р.С. Хашим, М.М. Райхана публикуют часть крупномасштабного исследования гражданского сознания молодежи, размышляют о чувстве принадлежности на примере

молодежи Малайзии, о ее готовности участвовать в гражданских проектах, выявляет личных нарративов, которые симбиотически связаны с дискурсами об экологии и технологии [Idrus, Hashim, Raihanah 2020].

К. Винтер, К. Хет-Келли, А. Калем, К. Миллс подчеркивают, что нравственное воспитание, ответственное поведение пересекаются, способствуя тому, чтобы свести на нет расистский опыт [Winter et al. 2022].

В научных работах последних лет проблема экстремизма привлекает внимание исследователя в связи с необходимостью уточнения понятий, разработки рекомендаций по совершенствованию государственной политики в сфере профилактики экстремизма применительно к конкретным регионам, классификации новых угроз для внутривластной стабильности страны, анализа политической социализации молодежи, описания способов публичных коммуникаций власти и граждан. Проводятся исследования причин, приводящих к экстремальной реакции, для описания примеров ранее проводимых реформ, учитывающих национальные традиции, образ жизни, сложившиеся религиозные нормы.

Можно сделать вывод, что тема профилактики экстремизма достаточно разработана и имеет хороший научный фундамент для практических разработок и методических рекомендаций по проведению профилактической работы для специалистов в сфере образования и воспитания в молодежной среде.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № 125070407935–3 «Разработка системы информационных и организационных мер противодействия и профилактики идеологии терроризма и экстремизма в общеобразовательных организациях»).

Acknowledgements

The research was carried out within the state assignment of The Ministry of Education of The Russian Federation (theme no. 125070407935–3 “Development of a system of information and organizational measures to counter and prevent the ideology of terrorism and extremism in educational institutions”).

Литература

- Азимов, Колесник 2024 – Азимов Э.М., Колесник И.Д. Анализ законодательства о профилактике радикализма среди молодежи через призму оценки эффективности методик профилактики // Юридическая гносеология. 2024. № 7. С. 133–143.
- Воробцов, Чекменева 2024 – Воробцов В.Д., Чекменева Т.Г. Воспитание патриотизма и профилактика экстремизма в молодежной среде в современной России: психологический аспект // Студент и наука. 2024. № 4 (31). С. 32–37.
- Геворгян 2024 – Геворгян А.А. Профилактика экстремизма в молодежной среде // Полицейская деятельность. 2024. № 6. С. 83–98.
- Еремина 2022 – Еремина М.А. Тематическая научная библиография как курс: ценности современной молодежи // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1. С. 28–43.
- Забузов, Шушпанова 2022 – Забузов О.Н., Шушпанова И.С. Информационно-пропагандистское противодействие терроризму: взгляд молодого поколения // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 3. С. 36–49.
- Загашев 2022 – Загашев И.О. Ценностные основы современного среднего профессионального образования в России // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23. № 4. С. 282–294.
- Ищенко 2021 – Ищенко О.В. Основные проявления молодежного экстремизма в современных условиях // Национальная безопасность и молодежная политика: киберсоциализация и трансформация ценностей в VUCA-мире: материалы Международной научно-практической конференции (Челябинск, 21–22 апреля 2021 г.). Челябинск: Изд-во Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического ун-та, 2021. С. 436–440.
- Коновалов, Азарова, Маркин 2021 – Коновалов И.Н., Азарова А.С., Маркин Д.Н. Отношение студенческой молодежи к проявлениям разных видов экстремизма (на материалах Саратовской области) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 36. С. 83–93.
- Краслянская 2024 – Краслянская М.Е. Маркеры экстремизма в современной молодежной среде: результаты социологического опроса // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2024. № 4. С. 31–39.
- Кулакова 2022 – Кулакова Н.Н. Трансформация образовательной сферы российского государства на примере преподавания истории и политологии: патриотические культурно-воспитательные акценты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 1. С. 145–152.
- Лату, Тагильцева 2022 – Лату М.Н., Тагильцева Ю.Р. Критерии оценки информационных материалов (контента) с учетом радикализирующего воздействия на ценностные и морально-нравственные установки молодежи // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании: материалов V Международной научно-практической конференции (25–26 октября 2022 г., Санкт-Петербург). СПб., 2022. С. 229–238.

- Малик 2022 – *Малик Е.Н.* Формирование политической субъектности молодежи в условиях «интернетизации» политики: мобилизация, риски, перспективы // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 1 (91). С. 178–188.
- Рапопорт, Биктуганова 2022 – *Рапопорт Л.А., Биктуганова М.Ю.* Дерадикализация молодежи как синергетическое социокультурное наследие Всемирных студенческих игр 2023 // Инновационный потенциал молодежи: спорт, культура, образование. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022. С. 9–15.
- Савченко, Устинкин 2021 – *Савченко И.А., Устинкин С.В.* Молодежь и религия в фокусе эмпирического анализа. М.: ИНФРА-М, 2021. 95 с.
- Санджиев 2021 – *Санджиев Ю.Б.* Этнодиалог в молодежной среде // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2021. № 2 (43). С. 73–77.
- Юзиханова, Корсикова 2024 – *Юзиханова Э.Г., Корсикова Н.А.* Криминологический анализ экстремизма в молодежной среде на современном этапе развития общества // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4 (43). С. 164–169.
- Cherney 2022 – *Cherney A., De Rooy K., Williams R.* An evidence review of strategies targeting youth who have radicalized to violent extremism // Journal for Deradicalization, 2022. No. 33. P. 40–69.
- Denney 2022 – *Denney S.M.* Student perceptions of support for civic identity development and identity exploration in a discussion-based U.S. government course // Journal of Social Studies Research. 2022. Vol. 46. No. 3. P. 279–291.
- Idrus, Hashim, Mydin 2020 – *Idrus M.M., Hashim R.S., Mydin R.M.* Postcolonial civic identity and youth (Dis)organizing environment: A growth into citizenship analysis // GEMA Online Journal of Language Studies. 2020. Vol. 20. No. 2. P. 133–147.
- Kubow et al. 2023 – Contestations of citizenship, education, and democracy in an era of global change: Children and youth in diverse international contexts / ed. by P.K. Kubow, N. Webster, K. Strong, D. Miranda. N.Y.: Routledge/Taylor & Francis Group, 2023. 284 p.
- Millett, Ahmad 2021 – *Millett K., Ahmad F.* Echoes of terror(ism): The mutability and contradictions of countering violent extremism in Québec // Canadian Social Studies. 2021. Vol. 52. No. 2. P. 52–67.
- Mukhtarova, Baimukanova, Ospanova 2025 – *Mukhtarova Sh.M., Baimukanova M.T., Ospanova M.A.* Comparative studies in the study of European models of prevention of child and youth deviant behavior // Педагогика и современное образование: традиции и инновации: сб. статей VII Международной научно-практической конференции (Петрозаводск, 17 марта 2025 г.) / отв. ред. И.И. Ивановская, Л.А. Кузьмина. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2025. С. 53–59.
- Sas et al. – *Sas M., Ponnet K., Reniers G., Hardyns W.* The role of education in the prevention of radicalization and violent extremism in developing countries // Sustainability. 2020. Vol. 12. No. 6. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/6/2320> (дата обращения: 25.05.2021).
- Winter et al. 2022 – *Winter C., Heath-Kelly Ch., Kaleem A., Mills Ch.* A moral education? British values, colour-blindness, and preventing terrorism // Critical Social Policy. 2022. Vol. 42. No. 2. P. 85–106.

References

- Azimov, E.M. and Kolesnik, I.D. (2024), "Analysis of legislation on the prevention of radicalism among young people through the prism of evaluating the effectiveness of prevention methods", *Yuridicheskaya gnoseologiya*, no. 7, pp. 133–143.
- Cherney, A., De Rooy, K. and Williams, R. (2022), "An evidence review of strategies targeting youth who have radicalized to violent extremism", *Journal for Deradicalization*, no. 33, pp. 40–69.
- Denney, S.M. (2022), "Student perceptions of support for civic identity development and identity exploration in a discussion-based U.S. government course", *Journal of Social Studies Research*, vol. 46, no. 3, pp. 279–291.
- Eremina, M.A. (2022), "Thematic scientific bibliography as a discourse: modern youth values", *Nauchnyi dialog*, vol. 11, no. 1, pp. 28–43.
- Gevorgyan, A.A. (2024), "Prevention of extremism among young people", *Politseiskaya deyatelnost'*, no. 6, pp. 83–98.
- Idrus, M.M., Hashim, R.S. and Mydin, R.M. (2020), "Postcolonial civic identity and youth (dis)organizing environment: A growth into citizenship analysis", *GEMA Online Journal of Language Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 133–147.
- Ishchenko, O.V. (2021), "The main manifestations of youth extremism in modern conditions", in *Natsional'naya bezopasnost' i molodezhnaya politika: kibersotsializatsiya i transformatsiya tsennostei v VUCA-mire: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Chelyabinsk, 21–22 aprelya 2021 g.)* [National security and youth policy: Cybersocialization and value transformation in the VUCA World: Proceedings of International Scientific and Practical Conference (Chelyabinsk, 21–22 Apr. 2021), Izdatel'stvo Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta, Chelyabinsk, Russia, pp. 436–440.
- Konovalov, I.N., Azarova, A.S. and Markin, D.N. (2021), "The attitude of student youth to manifestations of various types of extremism (the case of the Saratov region)", *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, vol. 36, pp. 83–93.
- Kraslyanskaya, M.E. (2024), "Markers of extremism in the modern youth environment: the results of the sociological survey", *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 4, pp. 31–39.
- Kubow, P.K., Webster, N., Strong, K. and Miranda, D., eds. (2023), *Contestations of citizenship, education, and democracy in an era of global change: children and youth in diverse international contexts*, Routledge/Taylor & Francis Group, New York, USA.
- Kulakova, N.N. (2022), "Transformation of the educational issues in the Russian Federation on the example of teaching history and politology: patriotic cultural and educational aspects", *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, vol. 12, no. 1, pp. 145–152.
- Latu, M.N. and Tagiltseva, Yu.R. (2022), "Criteria for evaluating information materials taking into account their radicalizing effect on the value and moral attitudes

- of young people”, in *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (25–26 oktyabrya 2022 g., Sankt-Peterburg)* [Herzen Readings: Psychological research in education: Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference (October 25–26, 2022, St. Petersburg)], Saint Petersburg, Russia, pp. 229–238.
- Malik, E.N. (2022), “Shaping the political role of youth in the context of ‘Internet’ politics: mobilization, risks, prospects”, *Vestnik Priamurskogo sotsial’nogo instituta*, vol. 91, no. 1, pp. 178–188.
- Millett, K. and Ahmad, F. (2021), “Echoes of terror(ism): the mutability and contradictions of countering violent extremism in Québec”, *Canadian Social Studies*, vol. 52, no. 2, pp. 52–67.
- Mukhtarova, Sh.M., Baimukanova, M.T. and Ospanova, M.A. (2025), “Comparative studies in the research of European models of prevention of child and youth deviant behavior”, in Ivanovskaya, I.I. and Kuz’myna, L.A., eds., *Pedagogika i sovremennoe obrazovanie: traditsii i innovatsii: sb. statei VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Petrozavodsk, 17 marta 2025 g.)* [Pedagogy and modern education: Traditions and innovations: Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference, March 17, 2025], MTsNP “Novaya nauka”, Petrozavodsk, Russia, pp. 53–59.
- Rapoport, L.A., and Biktuganova, M.Yu. (2022), “Deradicalization of youth as a synergistic socio-cultural heritage of the World Student Games 2023”, in *Innovatsionnyi potentsial molodezhi: sport, kul’tura, obrazovanie* [Innovative potential of youth: Sport, culture, education, Izdatel’sтво Ural’skogo universiteta, Ekaterinburg, Russia, pp. 9–15.
- Sandzhiev, Yu.B. (2021), “Ethno-dialogue in the youth environment”, *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territorii*, vol. 43, no. 2, pp. 73–77.
- Sas, M., Ponnet, K., Reniers, G. and Hardyns, W. (2020), “The role of education in the prevention of radicalization and violent extremism in developing countries”, *Sustainability*, vol. 12, no. 6, available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/6/2320> (Accessed 25 May 2021).
- Savchenko, I.A. and Ustinkin, S.V. (2021), *Molodezh’ i religiya v fokuse empiricheskogo analiza* [Youth and religion in the focus of empirical analysis], Infra-M, Moscow, Russia.
- Vorobtsov, V.D. and Chekmeneva, T.G. (2024), “Patriotic education and prevention of extremism in youth environment in modern Russia: psychological aspect”, *Student i nauka*, vol. 31, no. 4, pp. 32–37.
- Winter, C., Heath-Kelly, C., Kaleem, A. and Mills, C. (2022), “A moral education? British values, colour-blindness, and preventing terrorism”, *Critical Social Policy*, vol. 42, no. 2, pp. 85–106.
- Yuzikhanova, E.G. and Korsikova, N.A. (2024), “Criminological analysis of extremism among youth at the present stage of society development”, *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, vol. 43, no. 4, pp. 164–169.

- Zabuzov, O.N. and Shushpanova, I.S. (2022), "Information and propaganda counteraction to terrorism: The view of the younger generation", *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, vol. 28, no. 3, pp. 36–49.
- Zagashev, I.O. (2022), "Value foundations of modern secondary vocational education in Russia", *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 23, no. 4, pp. 282–294.

Информация об авторе

Ольга В. Путина, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1;

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 129164, Россия, Москва, ул. Кибальчича, д. 6; olga-putina@inbox.ru

Information about the author

Olga V. Putina, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991;

Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia; 6, Kibalchicha St., Moscow, Russia, 129164; olga-putina@inbox.ru

УДК 327

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-226-234

Особенности трансформации
современной системы международных отношений.

Рецензия на книгу:

Гринин А.Л. Борьба за новый мировой порядок:
История. Современность. Будущее. М.: Учитель, 2025. 464 с.

Владимир А. Голиней

*Институт Латинской Америки РАН,
Москва, Россия, natli2009@yandex.ru*

Ключевые слова: мировой порядок, многополярный мир, Великая конвергенция, Глобальный Юг, США

Для цитирования: Голиней В.А. Особенности трансформации современной системы международных отношений. [Рец.]: *Гринин А.Л.* Борьба за новый мировой порядок: История. Современность. Будущее. М.: Учитель, 2025. 464 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 226–234. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-226-234

Peculiarities
of the international relations system transformation.
[Book review]: *Grinin A.L.* Bor'ba za novyi mirovoi poryadok:
Istoriya. Sovremennost'. Budushchee
[The struggle for new world order. History. Modernity. Future].
Moscow: Uchitel, 2025. 464 p.

Vladimir A. Goliney

*Institute of Latin America of the RAS,
Moscow, Russia, natli2009@yandex.ru*

Keywords: world order, multipolar world, Great Convergence, Global South, USA

For citation: Goliney, V.A. (2025), "Peculiarities of the international relations system transformation. [Book review]: *Grinin A.L.* Bor'ba za novyi mirovoi

© Голиней В.А., 2025

poryadok: Istoriya. Sovremennost'. Budushchee [The struggle for new world order. History. Modernity. Future]. Moscow: Uchitel, 2025. 464 p.", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 226–234, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-226-234

Введение

Мировой порядок – политическая категория, которая получила широкое распространение в различных социально-гуманитарных дисциплинах последних десятилетий. Корни данного понятия уходят в представления об изменении системы международных отношений конца 1980 – начала 1990-х гг. и связаны с идеей американского политолога Ф. Фукуямы о так называемом «конце истории». В то же время активное смысловое наполнение концепции мирового порядка стало происходить лишь в 2000-е гг., беря свое начало в выражении “rules-based international order” (т. е. международный порядок, основанный на правилах), использовавшееся в англофонном мире, а именно австралийским премьер-министром К. Раддом, госсекретарем США Х. Клинтон и президентом Б. Обамой¹. Обращение к статистическим данным интернет-поисковиков показывает, что «первая «вспышка» активного использования (этой идеологии. – В. Г.) совпадает с мировым кризисом 2008 г.» [Нефедов 2024, с. 10] и последующими межгосударственными конфликтами.

С того момента произошло большое число важных событий, меняющих сложившуюся после распада СССР международную систему, в связи с чем актуальными становятся вопросы пересмотра терминологического аппарата, а также: на каких основаниях происходит трансформация содержания «мирового порядка», какие действующие лица осуществляют эту трансформацию, процессы в каких сферах жизнедеятельности человека приводят к сдвигу мирового «порядка», каковы возможные сценарии развития международной системы?

Представляется, что вышедшая в 2025 г. монография отечественного исследователя А.Л. Гринина «Борьба за новый мировой порядок. История. Современность. Будущее», является одной из попыток комплексного ответа на поставленные вопросы.

¹ Скотт Б. Порядок, основанный на правилах: что скрывает название // Россия в глобальной политике. 2021. 24 авг. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/poryadok-na-pravilah-cto-eto/> (дата обращения: 10.07.2025).

Анализ содержания монографии

После ознакомления с книгой отчетливо заметно, что в ней изложены результаты многолетней кропотливой работы Антона Леонидовича по данной теме. Глубина изложения показывает междисциплинарный характер исследования: автор использует широкий спектр методологических и теоретических подходов, обращается к более чем 1200 наименованиям источников и литературы, а также расширяет идеи, заложенные коллективом его коллег под руководством академика В.А. Садовнича в области исследования динамики мирового развития [Садовничай 2012; Малков 2022; Акаев 2023]. Все это позволяет читателю максимально широко, в то же время структурно и наглядно подойти к понимаемому имеющегося комплекса вопросов.

А.Л. Гринин аргументированно развивает мысль о необходимости ревизии той структуры международных отношений, ее правил, идеологических основ и инструментов воздействия, которые сформировались в конце XX в. и которые на текущий момент переживают упадок. Данному тезису посвящена первая глава, в которой крайне подробно представлен научный дискурс о мировом порядке, ключевые теоретические концепции и подходы (как в области теорий международных отношений, мир-системного анализа, так и геополитики), их сильные и слабые стороны, приведены основные авторы, изучавшие данный вопрос как за рубежом, так и в России, этапы становления систем международных отношений.

А.Л. Гринин справедливо замечает, что «политическая наука должна находиться на острие текущих и современных событий, отвечать на современные вызовы не повторением теорий, которые были созданы десятилетия назад, а их модернизацией» [Гринин 2025, с. 10]. Представляется, что реальное развитие дискурса о мировом порядке, системе или даже архитектуре международных отношений возможно именно не путем постоянного пересмотра постулатов имеющихся теорий (которые в области International Relations полностью созданы и объяснены на английском языке), а путем попыток описания текущих реалий, турбулентных процессов своим языком, например, с позиций России. Авторский подход в текущей монографии является безусловно подобным шагом, поэтому можно предположить, что данная книга вполне обогащает исследование такого понятия, как «мировой порядок», а взгляд на процессы и кризисы Мир-Системы через призму собственной терминологии позволяет автору вывести собственное определение понятия «мировой порядок».

Во второй главе представлена достаточно широкая проблематика исследования. С учетом невозможности обойти стороной факт внедрения Вашингтоном используемой в данной области терминологии, автор обращается к анализу стратегий внешней политики США, а также рассматривает основные идеи классиков геополитики, лежащих в основе военно-стратегической мысли североамериканского истеблишмента. Накладывая выявленные представления о мировом порядке на текущую ситуацию на международной арене, А.Л. Гринин констатирует упадок Запада в целом и ослабление могущества США в частности, а также рост их внутривнутриполитических проблем. На этом фоне происходит реконфигурация Мир-Системы, конвергенция политических и экономических отношений, подъем Глобального Юга. Имеются и другие тезисы, но для краткости рецензии остановимся лишь на одном: борьба за мировой порядок не может вестись с позиций защиты. Она должна быть перенесена на поле соперника и, например, быть направлена на срыв его замыслов путем работы с его «аудиторией» в свою пользу [Голиней 2023] и быть направлена на срыв его замыслов путем работы с его «аудиторией» в свою пользу, ведь именно этим и занимались всегда западные державы, «ковавшие» правила своего мирового порядка. Исходя из этого, одним из штрихов, который автор приводит в качестве потенциальных контуров нового геополитического расклада и мирового порядка – это макрорегионализация Мир-Системы, происходящая после пандемии коронавируса и в ходе Специальной военной операции на евразийском пространстве.

В последующих двух главах авторский подход к изучению мирового порядка позволяет раскрыть те черты, которые часто остаются вне поля зрения других исследователей. Речь идет об анализе влияния технологий, медицины и демографии на потенциальный баланс сил и конкретных игроков на глобальной арене. В совокупности с авторским определением понятия «мировой порядок», ценностным и цивилизационным подходами это символизирует собой настоящую научную новизну данного труда.

Так, в 3-й главе А.Л. Гринин рассматривает влияние кибернетической революции и шестого технологического уклада на внутри и межгосударственные отношения, что отражается на балансе сил на мировой арене. Выдвигаемый тезис – «кто владеет технологиями, тот владеет миром» [Гринин 2025, с. 174] вполне оправдывает себя, принимая во внимание бурное развитие МАНБРИК-технологий: медицинские, аддитивные технологии (3D-принтеры), нанотехнологии, биотехнологии, робототехнику, информационные и когнитивные технологии [Гринин, Гринин 2018, с. 217–300]. Автор

развивает мысль об электронном государстве и социально-технических самоуправляемых системах (ССС), которые «могут выполнять социальные и административные функции» [Гринин 2025, с. 193], затрагивает отдельные вопросы соперничества в области искусственного интеллекта (ИИ), когнитивных, финансовых и иных технологий. Приводя положительные аспекты их функционирования, автор не забывает указать и ограничения, которые связаны с распространением подобных технологий.

В то же время представляется, что ряд вопросов, к сожалению, остается за скобками проведенного исследования. Например, какая информация «скармливается» алгоритмам ИИ для того, чтобы они учились и в дальнейшем сами принимали решение? Автор указывает, что будет выбираться «наилучший из целого ряда параметров согласно их иерархии и особенностям внешней для них среды» [Гринин 2025, с. 180]. При наличии нескольких картин – где одна может быть реальностью, другая с некоторыми элементами полуправды, т. е. полуреальна, а третья – полностью ложной, – каким образом ИИ и выстроенная система самоуправления сможет распознать что правда, а что ложь; как и кто его этому обучит, на основе каких данных решение окажется верным? Как ИИ поймет, что эти данные, на которых его алгоритмы были обучены, оказались ложью? ИИ не может играть в двойные стандарты, как человек, поэтому представляется, что здесь есть значительное ограничение его развития. Другой момент – это вопрос энергии и связи. А.Л. Гринин развивает концепцию СССР и электронного государства, но если все отключится (от спутников, от сетей питания), то что тогда будет с таким государством? Представляется, что автору стоит уделить внимание подобным вопросам в дальнейших своих работах.

В 4-й главе А.Л. Гринин справедливо подчеркивает, что среди прочих аспектов демографический обычно привлекает недостаточное внимание. «Между тем, хотя демографические изменения ...являются базовыми, радикально и обычно необратимо меняя облик и возможности тех или иных стран и акторов» [Гринин 2025, с. 242]. Автор обозначает основные демографические тренды мирового развития, уделяет внимание вопросам миграции, этнических, религиозных, половых, поколенческих и других характеристик в политических процессах, а также затрагивает вопрос глобального старения как фактор трансформации общества и постепенного изменения баланса сил в Мир-Системе, подчеркивая высокопотенциальную роль Африки в будущем.

Можно согласиться с автором, что демография влияет практически на все аспекты жизнедеятельности общества. Например, Латинская Америка, которая еще в середине XIX – начале XX в.

была реципиентом эмигрантов, уже век спустя превратилась в донора миграционных потоков, направленных преимущественно на Север, в сторону Вашингтона [Кудеярова 2020], что существенно влияет на внутривнутриполитическую обстановку в США уже в наши дни. Так, предполагаемый тренд на усиление влияния испаноязычного электората на избирательный процесс в США получил свое подтверждение по итогам голосования на президентских выборах (2023 г.) – значительный вклад в победу Д. Трампа был внесен именно латиноамериканской диаспорой. Теперь же ряд экспертов выдвигает тезис, что в ближайшей перспективе в Овальном кабинете может оказаться президент с испаноамериканскими корнями. Подобные изменения напрямую стоит увязывать именно с демографическим фактором.

В финальной главе автор дает прогнозы и различные сценарии изменения баланса сил на международной арене. Среди них можно выделить такие варианты, как усиление геополитического соперничества в Арктике, Африке и Азиатско-Тихоокеанском регионе, потенциальное выпадение Европы из центра Мир-Системы, мир без абсолютного лидера, новые коалиции многополярности в формате БРИКС+ (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и проч. Из обозначенной группы государств автор скептически относится к возможностям Бразилии, с чем нельзя полностью согласиться, хотя объективные причины ограничения статуса Бразилии как «великой державы» реально существуют [Сайфутдинов 2024].

Не стоит забывать, что это единственное государство в Латинской Америке, которое имеет свой собственный ВПК, инженерно-технологическую школу, носители для космической программы, а также разработки собственного ядерного оружия (наравне с Аргентиной). На данный момент страна активно модернизирует подводный флот совместно с Францией, в частности, сама реализует технологию производства топлива и свою ядерную двигательную установку. Совместно с ЮАР в 2000–2010-е гг. также была разработана ракета «воздух-воздух» 5-го поколения A-Darter, а Эмбаер – 3-я авиакомпания в мире после Боинга и Аэробус. На фоне иных государств Бразилии есть чем «похвастаться».

Выводя эту страну за скобки, А.Л. Гринин также упускает ее вес и значение в будущих делах в Африке. Так, в разделе 5.2. «Политика отдельных стран в Африке» упоминаются все страны группы БРИКС, а также Франция и США, однако Бразилия в этом списке отсутствует. В то время как для этой южноамериканской республики португалоговорящие страны Черного континента стали главной стратегией внешней политики в рамках наращивания своей сопричастности к Глобальному Югу.

В завершающей части монографии автор пишет о возможностях и угрозах, которые стоят перед Россией в ходе движения международной системы к новому мировому порядку. Среди имеющихся тезисов стоит выделить необходимость поиска баланса в период гонки вооружений, санкционного давления и выработки новой идеологии, опирающейся на ценности, решение демографических проблем, стоящих перед нашей страной, а также необходимая работа со странами, которые традиционно относят к периферии Мир-Системы.

Заключение

Можно с уверенностью сказать, что книга А.Л. Гринина обладает в большей степени сильными сторонами, чем слабыми. Она затрагивает актуальную проблематику, вносит определенный вклад в развитие политической науки и заставляет задуматься над вопросами потенциальной конфигурации различных сил на международной арене, а также призывает к открытой дискуссии о мировом порядке.

В то же время, как было рекомендовано в тексте выше, автору следует уделить дополнительное внимание на ограничения применения ИИ, а также желательно расширить представления о трансформации мирового порядка с учетом не только африканского, российского и азиатского векторов, но и латиноамериканского вектора, оставшегося, к сожалению, за скобками исследования.

Подводя итог, хотелось бы поблагодарить автора за проделанную колоссальную работу и его гражданскую позицию.

Литература

- Акаев 2023 – Акаев А.А. Процесс зарождения нового справедливого многополярного мироустройства и перспективы его становления // Век глобализации. 2023. № 3 (47). С. 3–18.
- Голиней 2023 – Голиней В.А. Концептуальное переосмысление «мягкой силы»: отечественный и латиноамериканский взгляд // Век глобализации: исследование современных глобальных процессов. 2023. № 2 (46), с. 102–116.
- Гринин 2025 – Гринин А.Л. Борьба за новый мировой порядок: История. Современность. Будущее. М.: Учитель, 2025. 464 с.
- Гринин, Гринин 2018 – Гринин Л.Е., Гринин А.Л. От рубил до нанороботов: Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). 2-е изд., доп. М.: Учитель, 2018. 504 с.

- Кудеярова 2020 – Кудеярова Н.Ю. Латинская Америка: демографическая динамика и трансформация миграционных процессов // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2020. Т. 13. № 1. С. 119–140.
- Малков 2022 – Малков С.Ю., Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Гринин А.Л. Моделирование глобальных фазовых переходов // *История и современность*. 2022. № 3 (45). С. 102–125.
- Нефедов 2024 – Нефедов Б.И. Когда и почему возникла доктрина «Международный порядок, основанный на правилах» // *Московский журнал международного права*. 2024. № 3. С. 6–16.
- Садовничий 2012 – Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: ИСПИ РАН, 2012. 359 с.
- Сайфутдинов 2024 – Сайфутдинов С.А. Бразилия и ее роль в формировании мирового порядка XXI века // *Вестник РГГУ. Серия “Политология. История. Международные отношения”*. 2024. № 4. С. 117–130.

References

- Akaev, A.A. (2023), “The process of the emergence of a new just multipolar world order and the prospects of its formation”, *Vek globalizatsii*, vol. 47, no. 3, pp. 3–18.
- Goliney, V.A. (2023), “Conceptual rethinking of the ‘soft power’: a domestic and Latin American perspective”, *Vek globalizatsii: issledovanie sovremennykh global’nykh protsessov*, vol. 46, no. 2, pp. 102–116.
- Grinin, A.L. (2025), *Bor’ba za novyi mirovoi poryadok: Istoriya. Sovremennost’. Budushchee* [The struggle for new world order. History. Modernity. Future], Uchitel, Moscow, Russia.
- Grinin, L.E. and Grinin, A.L. (2018), *Ot rubil do nanorobotov: Mir na puti k epokhe samoupravlyaemykh system (istoriya tekhnologii i opisanie ikh budushchego)* [From choppers to nanorobots. The world is on its way to an era of self-governing systems (the history of technology and a description of its future)], Uchitel, Moscow, Russia.
- Kudeyarova, N.Yu. (2020), “Latin America: demographic dynamics and the migration processes transformation”, *Outlines of Global Transformations*, vol. 13, no. 1, pp. 119–140.
- Malkov, S.Yu., Korotaev, A.V., Grinin, L.E. and Grinin, A.L. (2022), “Modeling global phase transitions”, *Istoriya i sovremennost’*, vol. 45, no. 3, pp. 102–125.
- Nefedov, B.I. (2024), “When and why the doctrine of a “Rules-Based International Order” emerge”, *Moscow Journal of International Law*, no. 3, pp. 6–16.
- Sadovnichii, V.A., Akaev, A.A., Korotaev, A.V. and Malkov, S.Yu. (2012), *Modelirovanie i prognozirovanie mirovoi dinamiki* [Modeling and forecasting of world dynamics], ISPI RAN, Moscow, Russia.
- Sayfutdinov, S.A. (2024), “Brazil and its role in shaping the 21st century world order”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 117–130.

Информация об авторе

Владимир А. Голиней, кандидат политических наук, Институт Латинской Америки РАН, Москва, Россия; 115035, Россия, Москва, ул. Б. Ордынка, д. 21/16; natli2009@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1135-2322

Information about the author

Vladimir A. Goliney, Cand. of Sci. (Political Science), Institute of Latin America of the RAS, Moscow, Russia; 21/16, B. Ordynka St., Moscow, Russia, 115035; natli2009@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1135-2322

УДК 94(581):355(470+73)
DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-235-243

Афганистан – плацдарм мирового противостояния.

Рецензия на книгу:

Христофоров В.С. Военные кампании СССР и США
в Афганистане: Сравнительный анализ. М.: РГГУ, 2025. 270 с.

Екатерина Р. Власова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, katearrue@gmail.com*

Ключевые слова: Афганистан, архивные документы, советское присутствие в Афганистане, борьба с терроризмом, внешняя политика США

Для цитирования: Власова Е.Р. Афганистан – плацдарм мирового противостояния. [Рец.]: Христофоров В.С. Военные кампании СССР и США в Афганистане: Сравнительный анализ. М.: РГГУ, 2025. 270 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 235–243. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-235-243

Afghanistan – a foothold for global confrontation.

Review of book:

Khristoforov V.S. Voennye kampanii SSSR i SShA
v Afganistane: Sravnitel'nyi analiz

[Military campaigns of the USSR and the USA in Afghanistan.
A comparative analysis]. Moscow: RGGU, 2025. 270 p.

Ekaterina R. Vlasova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, katearrue@gmail.com*

Keywords: Afghanistan, archival documents, Soviet presence in Afghanistan, fight against terrorism, US foreign policy

For citation: Vlasova, E.R. (2025), "Afghanistan – a foothold for global confrontation. [Review of book:] *Khristoforov V.S.* Voennye kampanii SSSR i SShA v Afganistane: Sravnitel'nyi analiz [Military campaigns of the USSR and the USA in Afghanistan. A comparative analysis]. Moscow: RGGU, 2025. 270 p.", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 235–243, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-235-243

© Власова Е.Р., 2025

Тема присутствия ограниченного военного контингента СССР в Афганистане все еще активно изучается и обсуждается в научных кругах. Споры среди ученых, политиков и очевидцев данных событий не утихают по сей день. Прошло 35 лет после вывода советских войск из Афганистана, за эти годы изменилось многое: СССР прекратил существовать, а власть в Афганистане менялась 4 раза.

Монография В.С. Христофорова является большим и обстоятельным трудом, который помогает рассмотреть события афганских кампаний СССР и США как под углом непосредственного участника событий (автор находился в командировке в Афганистане в период с 1985 по 1989 г., работая с руководящим составом афганских органов госбезопасности, офицерами национальных вооруженных сил, а также представителями племен), так и с непредвзятой стороны ученого, так как автор монографии по возвращении из командировки продолжил изучение страны [Христофоров 2019b; Христофоров 2023b].

Наблюдение афганских событий изнутри позволяет составить представление об историческом этапе без идеологического флера, а исключительно опираясь на факты. Конечно, любой факт интерпретируется, что уже накладывает субъективное представление, но автор монографии проделал большую работу с архивными документами, которые подтверждали или опровергали устоявшееся мнение о событиях того времени [Христофоров 2019a; Христофоров, Гусева 2020].

В монографии представлен широкий список литературы и документов, посвященных присутствию советских войск в Афганистане. Благодаря тому, что автор владеет персидским языком, читатели смогут ознакомиться с источниками на фарси. Так как число людей, владеющих столь редким языком, достаточно маленькое, возможности прочитать источники своими силами нет, однако благодаря данному труду можно ознакомиться с мнениями афганских ученых по указанной проблематике.

Данная работа разделена на введение, 5 глав и заключение. Стоит отметить, что В.С. Христофоров предлагает отличную от привычной многим периодизацию. Так, автор предлагает отсчитывать начало советского присутствия не с фактического момента ввода ограниченного военного контингента, а с мая 1978 г., когда в Афганистан была направлена большая группа советников для консультирования в военной, экономической и политической сферах (*данную хронологию можно увидеть на с. 10*). Такая помощь была действительно важна афганскому руководству, так как ровно месяц назад после Саурской (Апрельской) революции к власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА),

политический курс которой был взят на построение социалистического государства по образу СССР. Начало отсчета советского присутствия в Афганистане с 1978-го, а не с 1979 г. является обоснованным и логичным, так как может сложиться впечатление у неподготовленного читателя, что ввод войск в 1979 г. произошел на пустом месте, а между тем у любого события есть предыстория. Заканчивает автор рассмотрение присутствия СССР в Афганистане 1991 г., распадом не только Советского Союза, но и социалистического лагеря и всей биполярной системы международных отношений. Верхний рубеж 1991 г. тоже взят не только из-за развала СССР, но и потому, что несмотря на вывод советских воинских подразделений, Москва продолжала поддерживать удерживающуюся у власти НДПА [Христофоров 2009; Khristoforov 2022].

Возвращаясь к оглавлению, стоит отметить, что первая глава посвящена присутствию СССР в Афганистане, но в широком смысле данного термина. Так, автор уделил особое внимание принятию решения о вводе войск, описал подготовительный процесс и самое главное – сумел показать, насколько решение было нелегкое, принятое в тайне, что косвенно подтверждает сомнения политической верхушки (на самом деле крайне узкого круга осведомленных лиц) в правильности принимаемого решения¹.

Вторая глава посвящена не менее важному вопросу, но, к сожалению, редко выходящему на обсуждение в публичных и научных кругах, а именно – исторической памяти о войне в Афганистане [Христофоров 2021; Христофоров 2022a]. Мы уже отмечали, что автор сам является ветераном боевых действий, непосредственным свидетелем, включенным в процесс на достаточно высоком уровне, чтобы иметь полное (насколько это в принципе возможно) представление о боевых действиях и политических решениях, которые имели место быть на афганской земле. В данной главе автор отвечает на важные вопросы: каким образом сохраняется память о тех событиях в нашей стране? где можно найти информацию о тех трагических событиях?² Знать ответы на эти вопросы крайне важно, так как осведомленность о столь непростых периодах в истории нашей страны позволяет лучше понять и события, происходящие в настоящее время.

В третьей главе представлен процесс борьбы за власть в Афганистане с 1992 по 2001 г. 1992 год был роковым для правительства

¹ Автор дает ссылку на источники, подтверждающие данную мысль [Христофоров 2025, с. 43–45].

² Ответы на поставленные вопросы автор дает на [Христофоров 2025, с. 127–148].

Афганистана (тогда у власти был М. Наджибулла), так как в этот период было заключено советско-американское соглашение о прекращении помощи воюющим сторонам. Вооруженная афганская оппозиция создала Объединенный исламский фронт спасения Афганистана [Христофоров 2025, с. 148] и 27 апреля 1992 г. они вошли в Кабул, не встретив на своем пути особого сопротивления [Христофоров 2025, с. 149]. Так была свергнута власть НДПА, и страна получила новое название – «Исламское Государство Афганистан». Однако децентрализация и борьба за власть только усиливалась, в 1996 г. власть уже была у движения «Талибан», которое продержалось до начала антитеррористической операции США «Несокрушимая свобода» [Христофоров 2022b]. Стоит отметить, что автор отмечает в данной главе тот факт, что Россия после свержения власти НДПА поддерживала Северный Альянс, возглавляемый полевым командиром Ахмадом Шах Масудом. Его сын Ахмад Масуд является нынешним лидером Северного Альянса и продолжает сопротивление режиму талибов. Однако, по ироничному и парадоксальному стечению обстоятельств, российская сторона все более активно выступает за контакты с «Талибаном», исключив организацию из списка террористических и признав на официальном уровне режим талибов в Афганистане.

В 4-й главе начинается анализ американского военного присутствия в Афганистане. Естественно, анализ ситуации начинается не с 2001 г., а еще с 1980-х гг. Так, на с. 160 можно увидеть любопытный факт, что в начале 1983 г. президент США Рональд Рейган лично принял вооруженную афганскую оппозицию в Вашингтоне, что еще раз подчеркивает тесную связь американского истеблишмента (первого лица государства) и моджахедов, которые боролись против официальной власти и советских военных. Прямая поддержка оппозиции со стороны Америки, снабжение оружием и вовлечение советского военного контингента в конфликт подтверждает распространенное мнение, что Афганистан был ничем иным, как плацдармом для противостояния двух сверхдержав. Драматичность ситуации заключается в уже упомянутом факте, что после распада СССР было достигнуто соглашение между Москвой и Вашингтоном о прекращении поддержки воюющих сторон. Даже Женевские соглашения не смогли «примирить» стороны и прекратить поставки вооружения [Христофоров 2008]. Но, так или иначе, стабильность на афганской земле не наступила, и борьба продолжилась.

Целью контртеррористической операции «Несокрушимая свобода» было уничтожение «Аль-Каиды», ответственной за теракт 9/11. Но автор монографии выделяет еще сопутствующую выгоду

от военных действий для престижа альянса НАТО и для США, в частности – это реализация интересов Запада на территории стран Центральной Азии / постсоветского пространства путем размещения военных баз и объектов на территории Киргизии, Узбекистана и Таджикистана [Христофоров 2025, с. 172]. Таким образом, США не только проводили военную кампанию в Афганистане, но и попутно расширяли сферу своего влияния. Далее в главе рассматривается долгое 20-летнее присутствие американских военных подразделений.

В 5-й главе автор проводит сравнительный анализ военного присутствия США и СССР в Афганистане. На с. 217 приведено одно из главных отличий двух кампаний – это поддержка мирового сообщества. Если действия Советского Союза были встречены, в основном, негативно, даже со стороны союзников по социалистическому лагерю, то на стороне США оказалось подавляющее большинство, даже Россия. Для сравнительного анализа автор предлагает выделить следующие критерии: цели и задачи, численность и состав контингента; возможности оружия; уровень боевой подготовки и потери; сроки пребывания и последствия. Рассматривая события в Афганистане с данных ракурсов, автор отмечает, ссылаясь на мнения американских экспертов, что США повторили наиболее серьезные ошибки, совершенные советским руководством [Христофоров 2025, с. 220]. Так, главы спецслужб и главнокомандующие не имели четкого представления о том, против кого необходимо воевать и какие цели и задачи стоят перед бойцами. Такое неведение сыграло злую шутку как с Советским Союзом, так и с Соединенными Штатами, лидеры которых апеллировали к эфемерным высказываниям в духе «выполнения интернационального долга» и «борьбы с мировым терроризмом». Но еще более серьезным промахом советской и американской силовой политики в отношении Афганистана было навязывание чуждых норм и мировоззрения [Христофоров 2014]. Мнение о сходстве ошибочных подходов также высказывал Р. Аушев, который отмечал, что Москва и Вашингтон стремятся установить марионеточное правительство в Афганистане, тем самым только усугубляя разделение в обществе [Христофоров 2025, с. 222].

Стоит также отметить, что военное присутствие в Афганистане существенно подорвало имидж и США, и СССР. Это также отмечено в работе на с. 228, где приводится пример того, что вывод американских войск [Христофоров 2023а] завершился терактом у Эбби Гейт. Трудно представить более серьезной «антирекламы» для американской политики, чем завершение антитеррористической кампании террористическим актом...

В завершении сравнительного анализа автор задает закономерный и крайне важный вопрос: присутствие СССР и США в Афганистане – победа или поражение? Для ответа на данный вопрос приводится мнение генерала Б. Громова о том, что нет смысла говорить о поражении или победе в Афганистане, так как перед советскими войсками не стояло задачи никого победить. А бывший председатель КГБ СССР В.А. Крючков считает советское присутствие победой, так как к выводу военных подразделений все поставленные задачи были решены [Христофоров 2025, с. 236]. Американские союзники не без критики оценивают 20-летнюю кампанию. Так, бывший министр обороны Великобритании Бен Уоллес считает, что коалиционным войскам не хватило решительности, но поражением это назвать нельзя [Христофоров 2025, с. 237].

По мнению В.С. Христофорова, Соединенные Штаты допустили больше ошибок в Афганистане, чем Советский Союз, так как они не создали экономической и политической базы в стране. Однако справедливости ради стоит отметить, что проблема с построением государственности наблюдалась в обоих случаях, так как после вывода войск и прекращения поддержки извне правительство, установленное СССР или США, быстро смещалось.

Несмотря на то что автор труда был непосредственным участником афганских событий, с его стороны была предпринята попытка максимально объективно рассмотреть события, опираясь не только на собственный опыт, но и на архивные документы, исследования зарубежных коллег. Таким образом, монография вносит существенный вклад в изучение Афганистана, советской внешней политики в отношении Кабула, также читателю предложена вариативность ответов на ключевые вопросы вокруг афганского кейса. Более того, сравнительный анализ советского и американского присутствия в Афганистане не предпринимался в отечественных научных кругах на столь глубоком уровне, рассматривая с детальной точностью событиях XX и XXI вв.

Литература

- Христофоров 2008 – Христофоров В.С. Трудный путь к Женевским соглашениям 1988 года по Афганистану // Новая и Новейшая история. 2008. № 5. С. 23–47.
- Христофоров 2009 – Христофоров В.С. Афганистан: Правящая партия и армия (1978–1989). М.: Граница, 2009. 320 с.
- Христофоров 2014 – Христофоров В.С. КГБ СССР в Афганистане 1978–1989 гг.: (К 25-летию вывода советских войск из Афганистана). М., 2014. 80 с.

- Христофоров 2019a – Христофоров В.С. Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию // Российская история. 2019. № 6. С. 3–21.
- Христофоров 2019b – Христофоров В.С. Советские спецслужбы открывают Восток. М.: РГГУ, 2019. 300 с.
- Христофоров 2021 – Христофоров В.С. Историческая память о войне в Афганистане (1979–1989): новые подходы, новые источники // Архив в социуме – социум в архиве: Материалы Четвертой Всероссийской научно-практической конференции / сост., науч. ред. Н.А. Антипин. Челябинск, 2021. С. 395–399.
- Христофоров 2022a – Христофоров В.С. Война в Афганистане (1979–1989): историческая память и проблемы мемориализации // Проблемы изучения и музейной презентации советской эпохи и истории постсоветской России: Декабрьские научные чтения, посвященные 100-летию образования СССР и 30-летию его распада, 20–21 декабря 2021 г.: Сб. науч. статей / отв. ред. Х.В. Поплавская. М.: Государственный центральный музей современной истории России, 2022. С. 128–143.
- Христофоров 2022b – Христофоров В.С. Талибы между религией и традициями племен. [Рец.]: Марсден П. Талибан: Война и религия в Афганистане / пер. с англ. Е. Егоровой, Е. Клиновой. М.: ИД «Городец», 2022. 320 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 4. С. 96–107.
- Христофоров 2023a – Христофоров В.С. Американские войска в Афганистане (2001–2021): вывести нельзя оставить // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2 (8). С. 55–65.
- Христофоров 2023b – Христофоров В.С. СССР и Афганистан: дипломатические отношения, военное и военно-техническое сотрудничество (1978–1991) // «Восточный вопрос» во внешней политике России в XX–XXI вв.: сб. статей по материалам международной студенческой научной конференции (Москва, 2023). М.: РГГУ, 2023. С. 44–57.
- Христофоров 2025 – Христофоров В.С. Военные кампании СССР и США в Афганистане: Сравнительный анализ. М.: РГГУ, 2025. 270 с.
- Христофоров, Гусева 2020 – Христофоров В.С., Гусева Ю.Н. Военная стратегия Советского Союза в Афганистане: просчеты планирования и общественное неприятие // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 2. С. 382–398.
- Khristoforov 2022 – Khristoforov V.S. The Afghan events of 1979–1989: From knowledge to understanding and recognition // Herald of the Russian Academy of Sciences, 2022. Vol. 92. No. 1. P. S1–S13.

References

- Khristoforov, V.S. (2008), *Trudnyi put' k Zhenevskim soglasheniyam 1988 goda po Afganistanu* [The difficult path to the 1988 Geneva Accords on Afghanistan], *Novaya i Noveishaya istoriya*, no. 5, pp. 23–47.

- Khristoforov, V.S. (2009), *Afganistan: Pravyashchaya partiya i armiya (1978–1989)* [Afghanistan. The ruling party and the army (1978–1989)], Granitsa, Moscow, Russia.
- Khristoforov, V.S. (2014), *KGB SSSR v Afganistane 1978–1989 gg. (K 25-letiyu vyvoda sovetsskikh voisk iz Afganistana)* [The KGB of the USSR in Afghanistan, 1978–1989 (On the 25th anniversary of the withdrawal of Soviet troops from Afghanistan)], Moscow, Russia.
- Khristoforov, V.S. (2019), “The Afghan events of 1979–1989. From knowledge to understanding and recognition”, *Rossiiskaya istoriya*, no. 6, pp. 3–21.
- Khristoforov, V.S. (2019), *Sovetskie spetssluzhby otkryvayut Vostok* [The Soviet intelligence services open the East], RGGU, Moscow, Russia.
- Khristoforov, V.S. (2021), “Historical memory of the War in Afghanistan (1979–1989): new approaches, new sources”, in Antipin, N.A., ed., *Arkhiv v sotsiume – sotsium v arkhive: Materialy Chetvertoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Archive in society – society in the archive. Proceedings of the Fourth All-Russian Scientific and Practical Conference], Chelyabinsk, Russia, pp. 395–399.
- Khristoforov, V.S. (2022), “The War in Afghanistan (1979–1989): Historical memory and problems of memorialization”, in Poplavskaya, Kh.V., ed., *Problemy izucheniya i muzeinoi prezentatsii sovetskoj epokhi i istorii postsovetskoj Rossii: Dekabr'skie nauchnye chteniya, posvyashchennye 100-letiyu obrazovaniya SSSR i 30-letiyu ego raspada, 20–21 dekabrya 2021 g.: Sbornik nauchnykh statei* [Problems of studying and museum presentation of the Soviet era and the history of post-Soviet Russia. December Scientific Readings dedicated to the 100th anniversary of the formation of the USSR and the 30th anniversary of its collapse, 20–21 Dec. 2021: Collected articles], Gosudarstvennyi tsentral'nyi muzei sovremennoi istorii Rossii, Moscow, Russia, pp. 128–143.
- Khristoforov, V.S. (2022), “The Afghan events of 1979–1989: From knowledge to understanding and recognition”, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 92, no. 1, pp. S1–S13.
- Khristoforov, V.S. (2022), The Taliban between religion and tribal traditions. [Book review]: *Marsden P. The Taliban. War and religion in Afghanistan* / Transl. from English by E. Egorova, E. Klinova. M.: Publishing House “Gorodets”, 2022. 320 p., *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 96–107.
- Khristoforov, V.S. (2023), “American troops in Afghanistan (2001–2021): to withdraw or not to leave”, *Russia & World: Scientific Dialogue*, vol. 8, no. 2, pp. 55–65.
- Khristoforov, V.S. (2023), “USSR and Afghanistan: diplomatic relations, military and military-technical cooperation (1978–1991)”, in “*Vostochnyi vopros*” vo vneshnei politike Rossii v XX–XXI vv.: *sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi studentcheskoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 2023)* [The “Eastern Question” in Russia's foreign policy in the 20th – 21st centuries: collected articles based on the proceedings of the International Student Scientific Conference (Moscow, 2023)], RGGU, Moscow, Russia.

Khristoforov, V.S. (2025), *Voennye kampanii SSSR i SShA v Afganistane: Sravnitel'nyi analiz* [Soviet and American military campaigns in Afghanistan: A comparative analysis], RGGU, Moscow, Russia.

Khristoforov, V.S. and Guseva, Yu. (2020), "The Soviet Union's military strategy in Afghanistan: planning miscalculations and public rejection", *Quaestio Rossica*, vol. 8, no. 2, pp. 382–398.

Информация об авторе

Екатерина Р. Власова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; katearrue@gmail.com

Information about the author

Ekaterina R. Vlasova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; katearrue@gmail.com

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 6
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 6 раз в год

Подписано в печать 18.12.2025
Выход в свет 25.12.2025
Формат 60×90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 13,5. Усл. печ. л. 15,3
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2284

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru